

«НАСТОЯЩАЯ КРОВЬ»

ШАРЛИН ХАРРИС

ВСЕ ХОРОШО,
ЧТО НАЧИНАЕТСЯ
С УБИЙСТВА

Шекспира считают великим английским бардом. Но Шекспир — это и название маленького провинциального городка в США, в котором живет Бард. Лили Бард. Молодая женщина, пережившая жуткую личную трагедию и пытающаяся скрыться в тишине американской глубинки. Она зарабатывает на жизнь уборкой квартир и офисов, а накопившееся в душе недовольство выплескивает, занимаясь карате. Ей не хочется привлекать к себе внимание. Но она будет вовлечена в череду событий, достойных пера знаменитого драматурга. В спортивном зале, где Лили занимается карате, обнаружен труп. К тому же в городе при невыясненных обстоятельствах погибли еще три его жителя. А через несколько дней взорвали церковь, где собрались сливки местного общества. И тогда Лили решает вмешаться. Ведь ей хочется, чтобы все закончилось хорошо.

Шарлин Харрис

ВСЕ ХОРОШО, ЧТО НАЧИНАЕТСЯ С УБИЙСТВА

Благодарю Ларри Прайса и Пэт Даунс, которые описали, каково это — угодить во взрыв, и членов моей группы карате. Они любезно разыгрывали эпизоды драк и вносили различные смертоносные предложения. Доктор Джон Александер вежливо ответил на некоторые мои очень своеобразные вопросы.

Человек, лежавший на обитой чем-то мягким скамье, работал уже два часа и обливался потом. Его короткие светлые волосы прилипли ко лбу, худощавое мускулистое тело блестело от влаги. На укороченной футболке под мышками виднелись темные круги. Еще на нем были шорты, некогда голубые, но теперь совсем выцветшие.

Стоял октябрь, но мужчина щеголял загаром. Ростом ровно пять футов десять дюймов, он весил сто семьдесят четыре фунта — эти параметры были крайне важны для его образа жизни.

Другие посетители тренажерного зала «Телу время» ушли домой час назад, когда клуб официально закрылся, оставив этого Дела Пакарда, одержимого и привилегированного спортсмена, тренироваться в одиночестве. После ухода всех клиентов появился споттер, [\[1\]](#) одетый в древние черные тренировочные брюки и старую серую фуфайку с закатанными рукавами.

Дел впустил этого человека, воспользовавшись ключом, который одолжил у хозяина тренажерного зала Маршалла Седаки. Пакард мотивировал свою просьбу тем, что он, мол, хочет тренироваться каждую свободную минуту, какую получалось урвать у работы. До соревнований остался всего один месяц.

— Думаю, на этот раз я справлюсь, — сказал Дел.

Он отдыхал между подходами. Штанга лежала на стойке над его головой.

— В прошлом году я был вторым, но не тренировался столько часов, сколько в этом году. Я каждый день отрабатываю позу, избавился от всех волос на теле. Неужели ты думаешь, что Линди вынесла это без жалоб?

— Хочешь сделать еще десяток повторов? — засмеялся споттер.

— Да, — ответил Дел. — Именно столько, ладно? Только помоги, если мне будет больно.

Споттер добавил по десятифунтовому диску с каждой стороны штанги. Она и без того уже весила полных двести семьдесят фунтов.

Дел затянул застежки на запястьях спортивных перчаток и согнул пальцы, но оттянул момент, спросив:

— Ты был в гимнастическом зале Марвела? Я никогда еще не видел такого большого.

— Нет.

Товарищ Дела тоже поправил свои черные кожаные перчатки с наладонниками и напальчниками, доходившими до первой костяшки. Споттер объяснил, что забыл свои, и вытащил пару обычных из ящика с потерянными и найденными вещами. Потом он небрежно опустил рукава фуфайки.

— Не скрою, в прошлом году я порядком нервничал, — продолжал Дел. — Среди парней в среднем весе были накачанные, как танки, они тренировались с тех пор, как научились ходить. А какая у них экипировка! И вот он я, старый добрый деревенский парень. Но я все сделал правильно. — Пакард гордо улыбнулся. — А в этом году выступлю еще лучше. Кроме меня, никто из Шекспира нынче не записался на соревнования. Маршалл пытался уговорить Лили Бард — знаешь ее, такая светловолосая, неразговорчивая? — вступить в женскую команду дебютанток. Но она ответила, что не собирается восемь месяцев качаться, чтобы потом стоять перед стадом незнакомых людей, лоснясь от жира,

как свинья. Что ж, такова ее точка зрения. А для меня честь представлять Шекспир на гимнастических соревнованиях Марвела. У Лили отлично развиты грудь и руки, но она довольно странная.

Дел снова лег на скамью и посмотрел снизу вверх в лицо споттера. Тот нагнулся над ним, небрежно положив руку в перчатке на гриф, и вопросительно приподнял брови.

— Помнишь, я немного беспокоился после нашего разговора на прошлой неделе? — спросил Дел.

— Угу, — ответил споттер с ноткой нетерпения в голосе.

— Так вот, мистер Уинтроп сказал, что все в порядке. Только не надо ни с кем об этом говорить.

— Какое облегчение. Ты хочешь поднять эту штуку или будешь просто на нее смотреть?

Дел резко кивнул светловолосой головой и заявил:

— Хорошо, готов. Последний подход — и на сегодня закончу. Я вымотался.

Споттер улыбнулся, глядя на него сверху вниз. Крякнув, он приподнял штангу, теперь весящую двести девяносто фунтов, поместил ее над открытыми ладонями Пакарда и начал опускать.

Как раз когда пальцы Дела должны были сомкнуться вокруг грифа, споттер слегка потянул его к себе, и тот оказался над шеей спортсмена. Тщательно контролируя движения, споттер разместил гриф прямо над адамовым яблоком.

Дел уже открыл рот, чтобы спросить, что за чертовщину тот творит, когда споттер уронил штангу.

Пакард несколько минут конвульсивно скреб руками гриф, сокрушавший его шею, так отчаянно, что пальцы начали кровоточить. Но споттер присел и придержал гриф с двух сторон. Перчатки и фуфайка защищали его от ногтей Дела.

Очень скоро тот затих.

Споттер тщательно осмотрел свои перчатки. В свете ламп, горящих над головой, было видно, что с ними полный порядок. Он швырнул их обратно, туда, где лежали потерянные и найденные вещи.

Дел оставил свой ключ от тренажерного зала на столе. Споттер отпер им переднюю дверь, потом помедлил в проеме.

Колени его дрожали. Он понятия не имел, что делать с ключом, и никто не подумал сказать ему об этом. Если он положит его обратно в карман Дела, то дверь придется оставить незапертой. Не будет ли это выглядеть подозрительно? Можно взять ключ с собой, чтобы снова запереть дверь снаружи, но не скажет ли это полиции о том, что с Делом кто-то был?

Задание оказалось куда более ужасным и запутанным, чем он представлял раньше.

Но он успокоил себя, решил, что сможет справиться. Так сказал босс. Он верный и сильный.

Споттер нерешительно вернулся, пробираясь между тренажерами, сморщившись от отвращения, засунул ключ в карман шортов Дела и потер материю вокруг него.

Потом убийца подался прочь от неподвижного тела, лежащего на скамье, и торопливо вышел, почти выбежал из зала.

Уходя, он машинально выключил свет.

Посмотрев направо и налево, споттер в конце концов не выдержал и побежал в темный угол парковки, где ждал его пикап, очень хорошо укрытый несколькими кустами мирта.

По дороге домой он вдруг задался вопросом: сможет ли теперь назначить свидание Линди Роланд?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я ворчала про себя, выбираясь из «скайларка»,^[2] ключи Маршалла позвякивали в моей руке.

Поскольку я зарабатываю на жизнь, оказывая услуги другим людям, мне казалось довольно-таки нечестным делать одолжение бесплатно, да еще столь ранним утром.

Но в Шекспире бушевала эпидемия гриппа.

Она прокралась в клуб «Телу время», в том числе в тело моего друга Рафаэля Раундтри. Поработав в зале для силовых упражнений, он кашлял и чихал в секции карате, искусно распространяя заразу среди почти всех посетителей «Телу время», за исключением группы аэробики.

И меня.

Похоже, вирусам не удавалось прописаться в моем теле.

Когда совсем рано утром я заглянула в дом, который снимал Маршалл Седака, он пребывал на той стадии гриппа, когда больше всего хочется, чтоб тебя оставили наедине с твоим несчастьем.

Маршалл был таким натренированным и здоровым, что любую болезнь воспринимал как оскорбление. Он оказался ужасным пациентом. Ему хватало суетного самомнения, чтобы ненавидеть меня за то, что я вижу, как его рвет.

Поэтому он сунул ключи от «Телу время» в мою руку, саданул дверью и проорал из-за нее:

— Иди открывать! Таня придет после своего первого занятия, если я не смогу раздобыть кого-нибудь еще!

Я ушла с отвисшей челюстью и ключами в руке.

Сегодня я должна была работать у Дринкуотеров. Мне полагалось оказаться там между восемью и восемью пятнадцатью, когда они уходят на работу. Сейчас было ровно семь.

Таня, студентка ближайшего монтроузского филиала Арканзасского университета, могла выбраться с первого занятия ровно в девять. Значит, появится она где-то около девяти сорока.

Но Маршалл иногда бывал моим любовником, а также партнером по занятиям и неизменно — сэнсэем, тренером карате.

Я выдохнула через рот, чтобы сдуть локоны со лба, и поехала к «Телу время». Я решила просто отпереть клуб и уехать. Каждое утро туда приходили одни и те же люди, им можно было доверить клуб, чтобы они потренировались одни. Почти ежедневно я сама была в их числе.

Вообще-то, почти бессвязный призыв о помощи Маршалла пришел ко мне, когда я одевалась, чтобы отправиться в клуб, и уже была в тренировочном костюме. В таком виде я вполне могла поехать и поработать у Дринкуотеров, хотя терпеть не могла начинать трудовой день, не приняв душ и не сделав макияж.

Я не люблю нарушать обычный распорядок дня. Моя работа зависит от того, сколько сейчас времени. Два с половиной часа в доме Дринкуотеров, перерыв на десять или пятнадцать минут, еще один дом — вот мой рабочий день и заработок.

«Телу время» стоит почти особняком на окольной дороге, которая огибает Шекспир, позволяя быстро добраться с юга до университета в Монтроузе.

У клуба Маршалла есть обширная парковка, посыпанная гравием. На фасаде здания большие окна с толстыми стеклами и жалюзи, которые закрывают зимой в шесть часов пополудни, летом — в четыре.

На парковке уже стоял автомобиль, потрепанный «камаро».^[3] Я ожидала, что увижу на его переднем сиденье какого-нибудь нетерпеливого энтузиаста, но машина была пуста.

Я подошла и кинула беглый взгляд на чистый салон автомобиля. Он ни о чем мне не сказал. Я пожала плечами и, хрустя гравием, пошла через парковку в прохладном, бледном свете раннего утра. Повертев в руках ключи Маршалла и разобравшись в них, я нашла тот, что был помечен «ПД» — «передняя дверь». В это время еще одна машина припарковалась позади моей.

Бобо Уинтроп, восемнадцатилетний, под завязку набитый гормонами юноша, вышел из своего полностью оснащенного джипа.

Я делала уборку у Бини, его матери. Бобо мне всегда нравился, несмотря на то что был красив, имел достаточно острый ум, чтобы об него порезаться, и вообще все, чего когда-либо желал. Каким-то образом Бобо очаровал Маршалла и попал к нему в любимчики. Вероятно, потому, что тренировался столько, сколько требовал график, как делал и сам Седака. Когда парень решил поступить в колледж в соседнем городе Монтроузе, Маршалл наконец-то согласился нанять его, чтобы тот работал несколько часов в неделю в «Телу время».

Поскольку Бобо не нуждался в деньгах, я могла лишь догадываться, что работа ему нужна, чтобы получить возможность стоять глазки множеству женщин всех возрастов в облегающих нарядах и приезжать сюда, желая повидать сразу всех своих друзей, которые, само собой, поголовно были членами клуба «Телу время».

Бобо пробежал пальцами по небрежно свисающим волосам, чтобы привести их в порядок, и сонно спросил:

— Что делаешь, Лили?

— Пытаюсь найти нужный ключ, — ответила я с нескрываемым раздражением.

— Вот этот.

Длинный палец огромной руки ткнул в один ключ из связки. Бобо зевнул так, что скрипнули челюсти.

— Спасибо.

Я вставила ключ в замок, но, как только это сделала, дверь слегка приоткрылась.

— Она не заперта, — сказала я и сама услышала, как резко прозвучал мой голос.

Теперь мне было очень тревожно. По шее побежали мурашки.

— Дел уже здесь. Это его машина, — спокойно сказал Бобо.

— Но ему положено запирает переднюю дверь, когда он здесь один. Маршалл на стену полезет.

Я сразу заметила, что в большом зале царит полумрак, жалюзи все еще закрыты, огни погашены.

— Наверное, он в солярии, — сказал Бобо, продолжая шагать через зал.

Я тем временем одной рукой включила лампы на центральной панели, а другой потянулась за звонящим телефоном.

— «Телу время», — сказала я резко, шаря глазами по сторонам.

Что-то было не так.

— После того как ты уехала, я сумел связаться с Бобо, — слабо произнес Маршалл. — Он может остаться, Лили. Я не хочу, чтобы ты пропускала работу. Ой... Я должен... — Он

резко дал отбой.

Я чуть было не сказала Маршаллу, что что-то не так. Но какой смысл беспокоить его, прежде чем я выясню, отчего же у меня по шее бегут мурашки?

Поскольку лампы горели только на центральной панели, края большого зала все еще тонули в темноте. Бобо начал включать свет и открывать двери в задней части здания. Поэтому я была одна, когда заметила человека, лежащего на скамье в дальнем левом углу.

Я ни на минуту не подумала, что он спит. Только не со штангой, лежащей на горле... Его руки неуклюже болтались, ноги были широко раскинуты. Там оказалось много пятен.

Я царапала выключатель за своей спиной, пытаюсь не отвести глаз от неподвижной фигуры, когда Бобо вышел из зала, за которым располагались кабинет Маршала, солярий, секции карате и аэробики.

— Эй, Лили, тебе нравится «Натуральный утренний энергетический чай»? Я не видел Дела, но нашел эту сумку в кабинете Маршалла...

Мои пальцы нашли выключатель слева, и, когда Бобо проследил за моим взглядом, любопытствуя, что же меня там заинтересовало, я включила свет.

— Ой, дерьмо! — воскликнул Бобо.

Мы глядели на то, что лежало на скамье, и теперь видели все слишком четко.

Бобо стал суетливо передвигаться вбок, пока не очутился у меня за спиной. Глядя поверх моей головы, он положил руки мне на плечи, скорее желая удержать меня между собой и этим, чем утешить.

— Ой... дерьмо! — повторил он и зловеще сглотнул.

В этот миг Бобо рывком очутился по ту сторону восемнадцатилетнего возраста, которая называется «мальчик».

Я уже встретила с двумя испытывающими тошноту представителями сильного пола, а еще не было и семи часов утра.

— Мне надо подойти и проверить, — сказала я. — Если ты собираешься сплевать, выбирайся на улицу.

— Проверить что? Он мертв, мертвее некуда, — ответил Бобо, прочно удерживая меня большими руками с его стороны служебной стойки.

— Кто это, как ты думаешь? Дел? — спросила я. Возможно, я тянула время, а потому сказала: — Да, судя по одежде. Именно так мистер Пакард был одет прошлым вечером. Ты оставил его здесь одного? — спросила я, двинувшись к телу, лежащему на скамье.

— Он работал над грудью, когда я ушел. У него был свой ключ, чтобы запереть дверь. Маршалл сказал, что с этим порядок. По словам мистера Пакарда, скоро должен был прийти его споттер, — защищаясь, ответил Бобо. — У меня было назначено свидание, и уже пришла пора закрываться.

Голос парня стал сильным и гневным, когда он понял, что ему придется оправдываться. Ведь именно Бобо оставил Дела в клубе одного. По крайней мере, судя по тону, его больше не тошнило.

В конце концов я добралась до угла. Это было длинное путешествие. Прежде чем туда шагнуть, я сделала глубокий вдох, задержала дыхание и нагнулась, чтобы проверить пульс на запястье Дела.

Я никогда не прикасалась к нему живому и не хотела делать это сейчас, когда он был мертв, но если имелся хоть малейший шанс, что в нем осталась хоть искра жизни...

Его кожа на ощупь показалась мне странной, резиновой, хотя это могло просто

почудиться. Зато запах был вполне реальным, как и отсутствие пульса.

Чтобы полностью убедиться в худшем, я подержала свои большие часы перед ноздрями Дела. На них остались следы стекавшей крови. Я крепко закусил губу, заставив себя на мгновение замереть, а когда снова протянула руку, циферблат остался чистым.

Я поймала себя на том, что сперва сделала два шага, пятясь, как будто непочтительно или опасно было поворачиваться к бедному Делу Пакарду спиной. Я не боялась его тогда, когда могла с ним говорить. Было нелепо нервничать рядом с ним сейчас. Но мне пришлось повторить это себе несколько раз.

Я снова взяла трубку телефона и набрала номер. В ожидании звонка я смотрела на Бобо. Тот уставился на тело в углу с зачарованным ужасом. Может, это был первый мертвец, которого он когда-либо видел.

Я потянулась и похлопала по тыльной стороне его большой ладони, лежащей на стойке. Он перевернул руку и вцепился в мои пальцы.

— Угм, — пророкотал в телефонной трубке низкий голос.

— Клод, — сказала я.

— Лили, — отозвался он теплым, уже более мягким тоном.

— Я в «Телу время».

Я дала ему минуту на то, чтобы окончательно проснуться.

— Хорошо, — осторожно произнес Клод.

Я услышала, как заскрипели пружины, когда здоровяк-полицейский сел на кровати.

Может, если я сделаю это постепенно, все не будет так плохо?

Я оглянулась на неподвижное тело на скамье.

Не существовало легкого способа проделать такое. Я просто сразу нырну с головой.

— Дел Пакард здесь. Его раздавили, — сказала я.

Я и вправду добралась до первого места работы вовремя, но по-прежнему в тренировочном костюме и без макияжа, поэтому чувствовала себя неуютно и не захотела приветствовать Хелен и Мэла Дринкуотеров чем-либо, кроме кивка.

Они тоже были не из болтливых, и Хелен не любила наблюдать, как я работаю. Ей нравилось смотреть только на результаты. Она сурово поглядывала на меня с тех пор, как в сентябре я оказалась втянута в печально известную свару на парковке «Магната бургеров», но ничего не сказала и не уволила меня.

Я решила, что критическая точка миновала. Ее удовольствие от чистого дома перевешивало опасения относительно моей личности.

Сегодня Дринкуотеры вышли из кухонных дверей тесной парой, каждый скользнул в свою машину, чтобы ехать на работу, и я смогла приступить к рутинным занятиям.

Хелен Дринкуотер не хотела тратить деньги на уборку всего дома — двухэтажного особняка, построенного на рубеже двух веков. Она платила мне за два с половиной часа работы — этого хватало, чтобы сменить постельное белье, вымыть ванные комнаты и кухню, вытереть пыль, собрать мусор и пропылесосить. Сперва я быстро подбираю брошенные вещи, потому что это облегчает остальную работу.

Дринкуотеры не грязнули, но их внуки живут рядом на той же улице, и уж они-то точно чистоту не уважают.

Я прочесала дом в поисках разбросанных игрушек и сложила их в корзину, которую Хелен держала возле очага, потом натянула резиновые перчатки и рысцой направилась в

главную ванную, чтобы начать скоблить и чистить. После этого я постепенно переходила из одного помещения в другое.

Домашних животных тут не было. Дринкуотеры сами стирали и развешивали свою одежду, мыли грязную посуду.

К тому времени, как я смотала шнур пылесоса, дом выглядел очень хорошо.

По дороге к выходу я сунула в карман чек. Хелен всегда кладет его на кухонный стол, прижав солонкой, как будто иначе эту бумажку сдует некий внутренний ветер. На этот раз она оставила под солонкой еще и записку. «Нам нужно, чтобы вы выбрали, в какую пятницу помоете окна на первом этаже», — было написано острым почерком Хелен.

Утро помянутого дня я приберегаю для необычных работ — например, если надо помочь кому-нибудь с весенней уборкой, помыть окна, время от времени постричь газон.

Я посмотрела на календарь, лежавший рядом с телефоном, выбрала две пятницы, когда могла сделать такое, указала обе даты в конце записки и поставила рядом знак вопроса.

По дороге домой, на ланч, я положила на свой счет в банке деньги по чеку.

Клод как раз шел по моей подъездной дорожке, когда я появилась.

Шеф полиции Клод Фридрих живет рядом со мной, в так называемых Садовых квартирах Шекспира. Мой маленький дом находится чуть ниже по склону холма, его отделяет от парковки арендаторов большой забор.

Отпирая переднюю дверь, я почувствовала, как большая рука Клода потерла мое плечо. Ему нравилось дотрагиваться до меня, но я оттягивала более близкие отношения с шефом полиции, поэтому его прикосновения должны были быть случайными, как в раздевалке.

— Как все прошло после моего отъезда? — спросила я, шагая через гостиную к кухне.

Клод шел сразу за мной и, когда я повернулась, чтобы на него посмотреть, обхватил меня обеими руками. Я почувствовала щекотание усов — губы его скользили по моей щеке к более заманчивой цели. Он был моим добрым другом, но хотел стать и любовником.

— Клод, отпусти меня.

— Лили, когда ты позволишь провести с тобой ночь? — тихо спросил он.

Голос его не был умоляющим или скулящим, потому что Клод не тот человек, который способен на это.

Я резко повернулась к холодильнику, почувствовала, как усы щекочут мою шею, и напрягла плечи. Клод уронил руки.

Вытащив несколько тарелок с остатками еды, я тихонечко открыла микроволновку, пытаясь не выдать резкими жестами своего волнения.

Когда печка зажужжала, я повернулась к Клоду, глядя на него снизу вверх. Фридриху за сорок, он на десять лет или чуть больше старше меня, у него седеющие русые волосы и постоянный загар. Проработав много лет в темных уголках Литтл-Рока и таких же закоулках человеческих сердец, Клод приобрел несколько морщин, глубоких и решительных, и громадное спокойствие, которое, возможно, было его способом сохранить здравый рассудок.

— Ты меня хочешь? — спросил он.

Я ненавижу, когда меня загоняют в угол. На такой вопрос не существовало простого ответа.

Он нежно прикоснулся к моим волосам.

— Клод.

Я наслаждалась, произнося его имя, каким бы непривлекательным оно ни было. Я желала обхватить ладонями его лицо и вернуть поцелуй. Пусть он потом уйдет и больше

никогда не возвращается. Я хотела, чтобы он меня не хотел. Мне нравилось иметь друга.

— Ты знаешь, что я просто привыкла жить сама по себе, — вот что я сказала.

— Это Седака?

Черт возьми! Маршалл и я встречались и спали друг с другом несколько месяцев. Под пристальным взглядом Клода я напряглась еще больше. Не сознавая, что делаю, я сунула руку под воротник футболки и потеряла шрамы.

— Не надо, Лили. — Голос Клода был нежным, но очень твердым. — Я знаю, какая беда с тобой случилась, и лишь восхищаюсь тем, что ты это пережила. Если ты любишь Седаку, то больше я не скажу ни слова. По-моему, мы с тобой были счастливы, когда нам случалось бывать вместе. Мне бы хотелось продолжения...

— И эксклюзивных прав?

Я твердо посмотрела на него. Клод никогда ни с кем не будет делить женщину.

— И эксклюзивных прав, — спокойно признался он. — Пока мы видим, как все идет.

Я заставила себя ответить:

— Я подумаю. А теперь давай поедим. Мне надо возвращаться на работу.

Клод долго смотрел на меня, потом кивнул. Он достал из холодильника чай, налил нам по стакану, положил сахар и поставил на стол. Я ткнула между нами вазу с фруктами, вынула пшеничный хлеб и доску, чтобы нарезать разогретое мясо.

Во время еды мы молчали, и мне это нравилось. Пока Клод кромсал для себя яблоко, а я очищала банан, мы нарушили это непринужденное молчание.

— Мы отослали тело Дела Пакарда в Литтл-Рок, — сказал Клод.

— Что ты думаешь о случившемся? — Я почувствовала облегчение оттого, что мы сменили тему разговора.

— Трудно сказать, что могло произойти, — пророкотал Клод самым утешительным голосом, похожим на далекие раскаты грома.

— Он уронил на себя гриф — разве не так?

Я не особо дружила с Делом, но с трудом могла вынести мысль о том, как он в полном одиночестве сражался, чтобы вернуть гриф на стойку, и проиграл.

— Почему он был там один, Лили? Седака настолько болен, что я не смог разобраться, что он мне рассказывал.

— Дел тренировался для гимнастических соревнований Марвела в Литтл-Роке.

— Тот постер, верно?

Я кивнула. Постеры, приклеенные к каждому из многочисленных зеркал, обрамляющих стены «Телу время», изображали это событие и прошлогодних победителей.

— Дел выступал в прошлом году в мужской команде среднего веса, в группе новичков. Он занял второе место.

— Это большое событие?

— Для новичка-бодибилдера довольно большое. Дел никогда раньше не бывал на соревнованиях, а тут занял второе место. Если бы он победил в этом году — а Маршалл думал, что у него есть шанс, — то смог бы попасть на другое соревнование, потом на следующее, до тех пор пока не принял бы участие в одном из национальных.

Клод покачал большой головой, изумляясь такой перспективе, и поинтересовался:

— Позируя, как мисс Америка, когда она выступает в купальнике?

— Да, только на нем было бы надето куда меньше. Стринги, как на окруженном ореолом славы профессиональном спортсмене. Он сбрил все волосы на теле...

— А я-то гадал, с чего бы. — Судя по виду, Клод чувствовал легкое отвращение. — Я заметил.

— Он работал над своим загаром и на соревнованиях чем-нибудь намазался бы.

— Я не знаю, чем именно они мажутся. — Фридрих вопросительно приподнял брови.

Меня начинала утомлять эта беседа, но Клод описывал рукой круги, что означало — давай поподробней.

— Ты должен изобразить серию поз, чтобы подчеркнуть группы мускулов. — Я встала, чтобы продемонстрировать это Клоду, повернулась к нему боком, сжала кулаки, подняла согнутые руки, посмотрела на него невидящим взглядом, чуть улыбнулась и сказала: — Посмотрите, какое у меня превосходное тело. Разве вы не хотите быть на моем месте?

Клод скорчил гримасу.

— А в чем весь смысл?

— Точно такой же, как и в конкурсах красоты, Клод. — Я снова села за стол. — За исключением того, что в данном случае все сосредоточивается на разработке мышц.

— Мне попался на глаза постер с победителями прошлого года. Такой женщины я в жизни не видал, — сказал Клод, сморщив нос.

— Маршалл хотел, чтобы я тоже приняла участие.

— Ты бы это сделала? — в ужасе спросил он. — Та девица выглядела как маленький накачанный мужчина с накладными грудями.

— Не хочу тратить время на тренировки, — пожалала я плечами. — На подготовку к соревнованию уходят месяцы. К тому же мне пришлось бы замаскировать все шрамы, что практически невозможно. Но Делу хотелось заниматься именно этим — тренироваться и соревноваться. Развить себя, полностью раскрыть свой потенциал — так он выражался.

Я наблюдала, как Дел глазел на одну из своих мышц добрых пять минут, погрузившись в созерцание собственного отражения и не замечая остальных людей в зале.

— Думаю, я мог бы поднять тот вес, который был у него на грифе, — сказал Фридрих с вопросительной ноткой в голосе, потом сполоснул тарелки и поставил их в сушилку.

— Вес дисков дошел до двухсот девяноста фунтов.

Я подумала, что Клод себе льстит, но вслух этого не сказала. Он, похоже, был неплохо сложен, но не упражнялся ни разу за все время, что я его знала.

— Бодибилдинг не совсем похож на соревнования по поднятию тяжестей, — ответила я. — Тренируясь, некоторые поднимают не самые большие тяжести и делают много подходов, предпочитая такой способ по-настоящему большому весу и лишь несколькими повторами. Вероятно, на штанге был самый большой вес, какой выжимал Дел.

— Повторы? — с любопытством спросил Клод.

— Да, повторения упражнения.

— Он что, поднимал тяжесть в одиночку? Дел был не таким уж здоровяком.

— Вот этого я и не понимаю, — призналась я, зашнуровывая свои кроссовки «Нью беланс».^[4] — Дел так следил за собой. Он не стал бы рисковать растянуть мышцу или получить другую травму, когда до соревнований осталось совсем немного времени. Наверняка у него был споттер. Он сказал Бобо, что ждет кого-то.

— Кто такой споттер? — спросил Клод.

— Компаньон, — пояснила я.

Термин был для меня настолько привычен, что я уже забыла о тех временах, когда его не знала.

— Партнер по тренировкам. Если у тебя нет никого на примете, ты должен попросить кого-нибудь из работников клуба. — По тому, как нахмурился Клод, я поняла, что не очень точно выразилась. — Споттер — человек, который стоит рядом, пока ты делаешь самые трудные упражнения. Он служит твоей страховкой, передает гири или гриф, принимает их после окончания подхода, подбадривает, хватает твои запястья, если они начинают слабеть.

— Чтобы ты не уронил на себя тяжесть?

— Именно. И помочь закончить последние несколько повторов, которые нужно выполнить, чтобы сделать подход.

— Например?..

— Допустим, я делаю сорок пять повторов. Это практически верх моих возможностей. Я лежу на скамье, держа гантели, а споттер стоит на коленях возле моей головы. Когда я выжимаю вес, руки начинают дрожать. Споттер хватается мои запястья и помогает держать их прямо.

— Сорок пять?

— Две сорокапятифунтовые гири. Некоторые поднимают тяжести, используя штангу и добавляя диски, другие выбирают гири различного веса. Так уж вышло, что я предпочитаю их. Делу нравилась штанга. Он думал, что так лучше разовьет грудь.

Клод задумчиво посмотрел на меня и спросил:

— Ты говоришь, что можешь лежа поднять руками девяносто фунтов?

— Нет, — удивленно ответила я, и Клод явно почувствовал облегчение. — Я могу поднять сто десять или сто двадцать.

— Ты?!

— Конечно.

— А это не многовато? Для женщины?

— В Шекспире — многовато, — ответила я. — В клубе более крупного города — почему бы и нет. Там у тебя был бы куда больший выбор тренеров по поднятию тяжестей.

— Итак, какой груз смог бы поднять мужчина, серьезно относящийся к тренировкам?

— Сложения Дела, примерно шести футов ростом, весом где-то сто семьдесят фунтов. После интенсивных тренировок, думаю, он сумел бы выжать около трехсот двадцати фунтов. Итак, ты видишь, что не сила была главной целью Дела, хотя он был очень крепок. Судя по всему, Пакард хотел добиться исключительно развитой мускулатуры. Мне же просто нравится быть сильной.

— Хм. — Клод обдумал, в чем тут разница. — Итак, ты была знакома с Делом?

— Конечно. Я видела его почти каждое утро в «Телу время». Но мы не общались так уж запросто. — Я вытирала стол, поскольку через десять минут мне надо было ехать на работу.

— А почему?

Я некоторое время думала об этом, споласкивая тряпку. Потом выжала ее, аккуратно сложила, повесила на разделитель между раковинами, пересекла прихожую, вошла в ванную, вымыла руки, лицо и для самоуважения наложила легкий макияж.

Клод прислонился к кухонному дверному косяку и наблюдал. Он ждал ответа.

— Просто... У нас с ним было мало общего. Пакард родился здесь, у него большая семья, он встречался с девушкой из родного города. Ему не нравились черные, футбольная команда «Нотр-Дам» и длинные слова. — Лучше я объяснить не могла.

— Ты считаешь, что это неправильно — жить в маленьком городке?

— Вовсе нет. — Я не хотела, чтобы Фридрих принял эти слова за выражение моего

мировоззрения. — Дел был в некоторых отношениях хорошим парнем.

Я посмотрела на свое лицо, наложила губную помаду и пожалала плечами отражению. Макияж не менял лицо, но я почему-то всегда чувствовала себя лучше, накрасившись.

Я вымыла руки, повернулась и посмотрела на Клода.

— Он был безобидным, — сказала я, но тут же задумалась, что же имела в виду.

Выражение лица Клода настолько застало меня врасплох, что я не смогла обмозговать это как следует.

— Скажу тебе кое-что странное, Лили, — проговорил Клод. — На грифе не было никаких отпечатков пальцев, хотя им положено было остаться. Там, где человек обычно сжимает эту железку, их должно было быть множество. Отпечаткам Дела полагалось бы лежать поверх прочих. Но их не обнаружили вообще. Только смазанные. Знаешь что, Лили? Я сомневаюсь, что ты накладывала бы макияж у меня на глазах, если бы всерьез мною интересовалась. — Клод остановился у передней двери и сделал прощальный выстрел: — Мне хотелось бы знать вот что. Если Дел Пакард был в клубе совсем один, как он погасил лампы после своей смерти?

День, который начался хуже некуда, становился просто отвратительным.

Я занималась уборкой, не избавившись от гнева, и результаты не были гармоничными. Я уронила газеты, подняв их, порезалась бумагой; захлопнула крышку унитаза с такой силой, что коробка бумажных носовых платков сорвалась с хлипкой пальмовой полочки бюро путешествий, втянула пылесосом несколько канцелярских кнопок, валявшихся возле доски объявлений, и окончательно возненавидела все при виде постера, изображавшего пару на палубе круизного корабля. Эти люди выглядели слишком уж простыми. Они как будто могли сказать: «Ух ты, мы и вправду хорошо ладим. Давай-ка переспим!» — и у них и вправду все получилось бы.

Я радовалась, что на сегодня это моя последняя работа.

Закрыв за собой дверь, я облегченно вздохнула.

На пути домой я завернула к унылому дому, который арендовал Маршалл. Он предложил мне ключ, когда мы начали, мягко выражаясь, встречаться, но я отказалась. Поэтому ему пришлось добраться до двери, чтобы мне открыть, а потом тащиться обратно к древней клетчатой кушетке, которую он выпросил у друга, когда развелся с женой.

Я положила его связку ключей от «Телу время» на такой же ветхий кофейный столик, подошла и села на пол рядом с Маршаллом. Он растянулся во весь рост и явно чувствовал себя паршиво, но не стонал. Прикоснувшись к его лбу, я решила, что жар стал меньше.

— Ты уже в состоянии поесть? — спросила я, не зная, что еще можно для него сделать.

— Может, тост, — ответил он несчастным голосом.

Очень странно было слышать такой тон при его-то мускулах.

Маршалл — на четверть китаец. Кожа его имеет промежуточный оттенок между розовым и цветом слоновой кости, а глаза и волосы темные. У него едва заметный восточный разрез глаз. Если не считать всего этого, он представитель белой расы. Но поскольку Седака — тренер боевых искусств, он с наслаждением подчеркивает восточную толику своего происхождения.

— Пожалуйста, — добавил Маршалл еще более жалобно, и я засмеялась.

— Злюка, — сказал он.

Я встала, отыскала пшеничный хлеб, на котором лежал волнистый столовый нож,

подсушила ломтик и принесла ему вместе с водой.

Маршалл сел и съел все до крошки.

— Ты выживешь.

Я забрала тарелку, отнесла в раковину и решила побаловать болящего, загрузить его посудомоечную машину. Потом я вернулась и опять села рядом с кушеткой.

Маршалл снова прилег, взял меня за руку и признал:

— Думаю, я буду жить. Хотя на протяжении нескольких часов мне этого не хотелось. А узнать про Дела... Господи! Кто бы мог подумать, что Пакард окажется настолько глуп, что уронит штангу себе на шею?

— Сомневаюсь, что он это сделал.

Я рассказала Маршаллу о том, что на грифе не нашли отпечатков пальцев, рассказала о потушенном свете, которому полагалось бы остаться включенным.

— Ты считаешь, что споттер случайно уронил гриф на Дела, а потом запаниковал? — Я пожала плечами, а он продолжил: — Эй, ты ведь не думаешь, что кто-то убил Дела нарочно? Кто мог бы такое сотворить?

— Я не врач, поэтому не знаю, возможно ли это... Ты чувствуешь на своем горле сокрушающую тяжесть штанги и знаешь, что умрешь, если она там останется. Разве взрослый здоровый мужчина не будет бороться, стараться снять с себя тяжесть?

— Если бы она не убила меня мгновенно, то я старался бы изо всех сил, — мрачно ответил Маршалл. — Так ты говоришь, что кто-то удержал гриф, не позволив его снять? У кого же хватило жестокости сделать такое?

Я снова пожала плечами. По-моему, есть немало людей, способных на подобный садизм, даже если они пока не открыли в себе этого свойства. Так я и сказала Маршаллу. Я просто не могла понять, зачем кому-то понадобилось ублажать свою жестокость, убивая безобидного, тупоголового Дела Пакарда.

— Ты знаешь, что иногда становишься жутко холодной?

Маршалл в последнее время часто говорил мне такое. Я остро посмотрела на него. Эта холодная женщина притащилась из дома в шесть утра, чтобы открыть его заведение.

— Может, Дел встречался с чьей-нибудь женой, — продолжал Маршалл. — Из-за подобных дел и убили Лена Элгина. Или же Линди взбесилась, что он слишком много тренируется.

— Дел был слишком поглощен собой, чтобы попасть в беду, ведя тайные делишки, — ответила я. — Если ты думаешь, что Линди Роланд может поднять пятьдесят фунтов, не говоря уж о почти трехстах, то тебе лучше найти другую работу.

— Верно. Тот, кто уронил штангу, должен был сперва суметь ее поднять, — задумчиво произнес Маршалл. — Кто из известных нам людей может одолеть такую тяжесть?

— Почти все регулярно занимающиеся могут ее поднять. Особенно мужчины. Наверное, и я сумела бы, если бы пришлось.

Последнее я проговорила с сомнением. Для такого подвига потребовался бы мощный выброс адреналина.

— Да, но ты не стала бы убивать Дела.

Я смогла бы лишиться человека жизни и однажды уже это сделала, но вряд ли совершила бы такое без серьезной провокации. Я начала мысленно просматривать список тех, кто регулярно выжимал тяжести в «Телу время».

— Мне на ум приходят как минимум двенадцать человек, а я пыталась размышлять об

этом всего минуто или две.

— Со мной то же самое, — отозвался Маршалл и вздохнул. — Помимо того, что мне жаль Дела, его родных и Линди... Это не пойдет на пользу бизнесу.

— Кто убирает там весь этот кошмар? — спросила я.

— Ты не могла бы?..

— Нет.

— Может, служба уборки из Монтроуза?

— Позвони им.

Маршалл с явным обвинением посмотрел на меня и заявил:

— Ты так хладнокровно к этому относишься.

Я почувствовала прилив раздражения. Еще одно обвинение.

Маршалл желал, чтобы я впряглась в ярмо его интересов так, словно мы были постоянной парой.

А мне этого не хотелось.

Я подвигала плечами под футболкой, пытаюсь снять напряжение мышц, снова напомнила себе, что он болен, вытщила ладонь из его руки и сказала спокойным ровным тоном:

— Маршалл, если тебе нужны муси-пуси, ты обратился не к той женщине.

Он снова опустил голову на подушку и засмеялся. Я заставила себя подумать о том, что его рвало всю ночь и часть утра, вспомнить особенно хорошее время, проведенное вместе с ним в постели, которая виднелась за приоткрытой дверью спальни. Таких случаев приключилось несколько, было из чего выбрать.

Маршалл оставался моим сэнсэем, тренером карате, вот уже четыре года. Мы стали друзьями. Потом Седака бросил Тею, свою ужасную жену. После этого мы время от времени делили постель, у нас выпадали хорошие часы дружеского общения. Порой Маршалл был способен на огромное сочувствие и чуткость.

Но по мере развития наших отношений обнаруживалось нечто новое. Он ожидал, что я изменюсь, причем быстро. Все мои острые углы сгладятся благодаря его вожделению, товариществу, сочувствию и чуткости, странности уйдут лишь потому, что у меня есть постоянный парень.

Поскольку иметь такового, да еще и Маршалла, было во многих отношениях приятно, я поймала себя на том, что сама желаю, чтобы именно так все и вышло. Ан нет.

Я коротко попрощалась и покинула его дом, мрачная и беспокойная.

Я дала от ворот поворот Клоду, гордому человеку, а теперь подумывала, не порвать ли с Маршаллом.

Я не могла понять, что со мной творится, но знала: пришло время перемен.

Всю неделю после смерти Дела Пакарда жизнь моя текла рутинно.

Я не подхватила гриппа.

Женщина, специализировавшаяся на уборке мест преступления, приехала в клуб из Литтл-Рока и ликвидировала грязь, оставшуюся после смерти Дела.

Клуб снова открыли. Маршалл опять взялся за управление им, вел занятия по карате. Он переставил тренажеры и поместил скамью, на которой умер Дел, среди остальных, чтобы никто не мог сказать, что она проклята, или попытаться в лицах восстановить преступление.

Я посещала тренировки и делала упражнения, но, вопреки своей привычке последнего

времени, отправлялась домой одна, вместо того чтобы после занятий ехать к Маршаллу.

Седака выглядел слегка сердитым и обиженным, когда я желала ему доброго вечера, но, судя по всему, испытывал также и легкое облегчение. Он не просил меня объясниться, что оказалось приятной неожиданностью.

Я не виделась с Клодом Фридрихом. У меня ушла пара дней на то, чтобы понять — я нигде его не встречаю и он не заглядывает на обед. После мне понадобилось столько же времени на осознание очевидного факта: это происходит не случайно, Фридрих так решил. Я скучала по компании Клода, но не скучала по давлению его желания.

Я потеряла клиентов. Том и Дженни О'Хагены, жившие рядом с моим домом в Садовых квартирах Шекспира, переехали в Иллинойс, чтобы управлять более крупным рестораном сети «Биппиз».

Меня не слишком беспокоил пробел в расписании. Я имела резервный список и начала обзванивать тех, кто в нем значился. Первые два потенциальных клиента отклонили мою инициативу под надуманными предложениями, и я начала чувствовать, как где-то внутри меня зашевелилась тревога. Со времени драки на парковке «Магната бургеров» я беспокоилась, что моя клиентура разбежится.

Третья семья, которой я позвонила, нашла другую уборщицу, поэтому пришлось вычеркнуть и их.

Женщина, ответившая на четвертый звонок, сказала, что решила развестись с мужем и будет заниматься уборкой сама. Еще один вычеркнутый пункт.

Пятой в списке значилась Муки Престон.

Поломав голову над вступительными словами, я вспомнила, что госпожа Престон звонила мне пару месяцев назад и сказала, что только что переехала в Шекспир. Когда я связалась с ней, она, судя по голосу, была в восторге оттого, что я смогу работать у нее по утрам в пятницу. Престон снимала дом, и ей требовалось больше времени, чем те полтора часа, что я тратила на уборку апартаментов О'Хагенов.

— Почему бы мне тогда не делать это по пятницам с десяти до двенадцати? — Я пыталась сообразить, зачем молодой одинокой женщине нужно, чтобы я работала так долго.

— Посмотрим, — сказала она глубоким звучным голосом. — Я немножко грязнуля.

Я ни разу в жизни не видела Муки Престон, но, судя по беседе, она была... эксцентричной. Ладно, если ее чеки в порядке, мне плевать, даже если она разводит в ванне сомов и носит костюм динозавра Барни.^[5]

Утром в пятницу я пришла в «Телу время» и обнаружила там Бобо, сидевшего за стойкой слева от входа. Он казался таким удрученным, каким только может выглядеть восемнадцатилетний мальчик.

Я запихнула свою спортивную сумку в пустой пластиковый бокс, один из пятнадцати у восточной стены, сперва вытащив свои перчатки для поднятия тяжестей. У них был очень потрепанный вид, и я знала, что скоро мне придется покупать новую пару. Еще одна трата в моем и без того напряженном бюджете. Обматывая запястья ремнями и крепко застегивая их на липучки, я смотрела на Бобо. Даже поза выдавала его уныние: поникшие плечи, бесцельно лежащие на прилавке руки, опущенная голова.

— Что? — спросила я.

— Лили, они уже дважды допрашивали меня, — отозвался он.

— Почему?

— По-моему, детектив думает, что я имею какое-то отношение к убийству Дела.

Бобо плотнул отвратительной с виду белой смеси, на которой помешались все младшие члены тренировочных групп. Я не дотронулась бы до этой штуки даже десятифутовым шестом.

— С чего же он так думает?

— Дел работал на моего папу.

Среди множества финансовых пирогов отец Бобо, Хоувелл Уинтроп-младший, владел магазином спортивного инвентаря и рыболовных принадлежностей. Дел там работал, по большей части в отделах спортивного инвентаря и одежды, хотя знал достаточно о рыбалке и об охоте, чтобы продавать и другие вещи, которые предлагал магазин «Спортивные товары Уинтропа». Дел сам сказал мне об этом, когда я мучительно долго выбирала себе подвесную грушу.

— Как и многие другие люди города, — заметила я. Бобо непонимающе уставился на меня, и я пояснила: — Работают на твоего папу.

Бобо ухмыльнулся, как будто солнышко выглянуло из-за тучи. Он и вправду был милым мальчиком.

— Да, но мистер Джинкс, похоже, думает, что я решил, будто Дел знает что-то, способное разрушить папин бизнес. Поэтому я сам подумал, что должен его убить, или папа велел мне это сделать.

— Из-за того, что ты был последним, кто его здесь видел?

Кстати, Дедфорд Джинкс — детектив маленького отделения полиции Шекспира.

Бобо кивнул.

— Кто-то сказал шефу, а тот сообщил мистеру Джинксу... если люди не приводят собственных споттеров, то просят помочь кого-нибудь из здешнего персонала. То есть, само собой, меня.

Он молча протянул мне пластиковую чашку со своей мерзостью. Содрогнувшись, я покачала головой.

Я боролась с чувством вины. Ведь это я упомянула Клоду, что иногда здешних служащих просят выступить в роли недостающего споттера.

— Я не очень хорошо знал мистера Пакарда, — сказал золотой мальчик. — Но сильно сомневаюсь, что он мог выяснить, будто мой папа хоть как-то нарушает закон. Может, это неуважительные слова, особенно теперь, когда мистер Пакард мертв, но я никогда не считал его настолько смышленным. Если бы он даже знал, что папа делает что-то неправильное, думаю, просто решил бы, будто не так понял, или пошел бы поговорить об этом с ним.

Мне подумалось, что Бобо совершенно прав.

— Ты мило выглядишь, Лили, — сказал парень, меняя тему разговора так внезапно, что лишь спустя минуту до меня дошли его слова.

— Спасибо.

На мне была зеленовато-голубая футболка и тренировочные штаны, новые, без единого пятнышка, пусть и купленные в «Уол-марте».^[6]

— Почему ты не носишь что-нибудь вроде этого?

Бобо показал на вешалку, где Маршалл все время держал дорогую спортивную одежду. Та, что привлекла внимание Бобо, была с бледно-розовыми и голубыми завитками, с низким вырезом и короткими штанинами — ее полагалось носить поверх трико.

— Да уж! — фыркнула я.

— Ты выглядела бы очень здорово. У тебя как раз подходящая фигура, — сказал он

смущенно. — Мне хотелось бы понаблюдать за твоей спиной, когда ты ее качаешь.

— Спасибо, — натянуто произнесла я. — Но шмотки в подобном стиле просто не в моем вкусе.

Я пошла поздороваться с Рафаэлем. Он уже оправился после гриппа, но что-то явно беспокоило этого человека. Его приветствие не было обычным счастливым ревом.

— Что?

— Ты спрашиваешь меня — что? — переспросил он, потирая затылок.

Рафаэль всегда стригся очень коротко. Его красновато-коричневая рука не внесла никаких изменений в прическу из тугих черных кудрей.

— Я скажу тебе, Лили.

Он говорил громче, чем следовало, и я немедленно поняла, что обратилась к нему в неподходящий момент.

— Ты хорошая женщина, Лили, но в этом месте недружелюбно относятся к черным.

— Маршалл... — начала было я.

Я собиралась сказать, что Седака — не расист, ничего подобного, но меня перебили:

— Я знаю, Маршалл — не расист. Зато здесь слишком много других таких типов. Я не могу приходить туда, где меня, черного, встречают недружелюбно.

За те четыре года, что знала Рафаэля, я никогда не слышала, чтобы он говорил так серьезно и сердито. Он злобно уставился на двух мужчин, которые работали вместе на другом конце зала. Они сделали паузу, с минуту так же недружелюбно смотрели на него, потом вернулись к своим упражнениям. Одним из них был Дарси Орчад, плотно сложенный, с длинными жидкими светлыми волосами и прыщавыми щеками, широким славянским лицом и ногами, напоминающими деревья. Второго я не знала.

Пока я пыталась придумать, что сказать Рафаэлю, тот просто поднял свою спортивную сумку и вышел.

Я взглянула на Дарси. Он стоял ко мне спиной, а его товарищ выжимал штангу. Все в зале, похоже, смотрели в другую сторону.

Занимаясь обычными упражнениями — сегодня я разрабатывала ноги и плечи, — я пыталась не заикливаться на маленьком инциденте. Мне была ненавистна мысль о том, что придется тоже бросить клуб. Ежедневные тренировки очень много для меня значили. Если я почувствую, что обязана уйти отсюда, то смогу ли купить собственное спортивное снаряжение? Нет, только не с моим бюджетом, тем более что я уже уплатила здесь ежегодный членский взнос. Каждый месяц мне приходилось основательно экономить на случай ненастных дней, которые наверняка придут. Я уже подозревала, что Маршалл сделал для меня скидку в «Телу время».

Мало-помалу прибывали остальные посетители клуба и, помахав рукой и поздоровавшись с другими и со мной, начинали свои упражнения.

В этом клубе я нашла единственный коллектив, членом которого могла себя ощущать, если не считать группы, с которой занималась карате. До последних минут Рафаэль тоже был одним из нас. Это товарищество пота постоянно обновлялось. Люди принимали решения и нарушали их. В среднем человек придерживался своей программы тренировок недели три. Но образовалась стойкая группа членов клуба вроде меня, которые приходили сюда почти каждый день. Постепенно мы познакомились друг с другом. Более или менее.

Дел Пакард оказался одним из таких людей.

Сегодня здесь присутствовали все постоянные посетители, кроме Дела. К примеру,

Джанет Шук, которая занималась также в моей группе карате, — невысокая коренастая женщина с темно-каштановыми волосами. Сколько я ее знала, она была страстно влюблена в Маршалла. Еще пришли Брайан Грубер, седовласый и привлекательный, — глава фабрики по производству матрасов, Джерри Сайзмор, бывшая жена Джона Сайзмора, местного стоматолога, Дарси Орчад, работавший в магазине спортивных товаров, как и Дел. Дарси обычно тренировался вместе с Джимом Боксом, еще одним служащим магазина, но сегодня тот отсутствовал, наверное, лежал дома с гриппом. Вчера он чихал.

Я гадала, кто новый партнер Дарси. В конце концов товарищ Орчада — я смутно вспомнила, что видела его неподалеку от Садовых квартир, — ушел, но Дарси продолжал упражняться.

Он занимался на тренажере для икр, который был моим следующим пунктом, поэтому я наблюдала за его вторым подходом. Орчад поставил регулятор на отметку в двести фунтов, и я ждала, пока он приспособит упоры для плеч. Дарси, ростом примерно в шесть футов, имел отличные грудные мышцы и сильно выпуклые бицепсы фаната тренировок, невзирая на унцию подкожного жира. Он был в укороченном спортивном костюме — рукава отрезаны, горловина оторвана. Такие носили самые рьяные приверженцы тренировок. Свои спортивные штаны, он, наверное, надевал еще в школе.

— Закончу через минуту, — пропыхтел Орчад, делая подход из двенадцати повторов.

Потом он шагнул с тренажера и походил с минуту вокруг него, расслабляя мышцы икр, которым досталась такая нагрузка.

Дарси собрался с силами, передвинул регулятор еще на два деления, чтобы добавить лишние сорок фунтов нагрузки, и шагнул на узкую подставку. Его вес держался на пальцах ног. Пятки пошли вниз, потом вверх — и так еще двенадцать повторов.

— Ой! — вскрикнул он, слезая, хмуро уставился в пол и расслабил протестующие мышцы ног. — Чтоб мне сгореть на месте!

Дарси передвинул регулятор к более разумному весу, снова шагнул на подставку и очень быстро сделал двадцать четыре повтора. При этом гримаса сосредоточенности превратилась в судорогу боли.

— Как дела, Лили? — спросил Дарси.

Теперь он шагнул на место, чтобы снять напряжение. Схватив полотенце, Орчад промокнул им рябые от прыщей щеки.

— Прекрасно.

Я гадала, скажет ли он что-нибудь об уходе Рафаэля, но у Дарси на уме было кое-что другое:

— Слышал, ты нашла старину Дела. — Его маленькие карие глазки изучали мое лицо.

— Да.

— Он был хорошим парнем, — медленно выдал Дарси своеобразную надгробную речь. — Всегда улыбался. Тот парень, который был тут со мной минутой назад, — Хоувелл нанял его, чтобы заменить Дела, — совсем не таков.

— Местный? — вежливо спросила я, опуская плечевые планки, чтобы приспособить их к своему росту в пять футов пять дюймов.

— Не-а, думаю, из Литтл-Рока. Крутой сукин сын, извини за выражение.

Я передвинула регулятор на восемьдесят фунтов, шагнула на узкую подставку, поднырнула под обитые мягким материалом плечевые упоры, резко опустила пятки и сделала двадцать очень быстрых повторов.

Потом я слезла, походила, чтобы снять напряжение, и передвинула регулятор на более тяжелый вес.

— Ты с кем-нибудь сейчас встречаешься, Лили? Я слышал, у вас с Маршаллом больше нет прочных отношений.

Я удивленно подняла глаза.

Дарси все еще стоял неподалеку. У него было замечательное тело. Только это хоть слегка меня в нем интересовало. Подобной причины не хватало, чтобы провести вечер вместе. Разговоры Дарси нагоняли на меня скуку. В нем чувствовалось нечто такое, что настораживало меня. Я никогда не отмахиваюсь от подобных ощущений.

— Сама не хочу, — сказала я.

Он слегка улыбнулся, будучи уверен в том, что неправильно понял, и уточнил:

— Не хочешь чего?

— С кем-нибудь встречаться.

— Брось, Лили! Такая красавица не желает, чтобы мужчина ее пригласил?

— Верно, сейчас не хочу.

Я сошла с тренажера, настроила его так, что мне на плечи давила теперь сотня фунтов, и сделала еще подход из двадцати повторов. Последние пять были чем-то вроде вызова.

— Почему так? Тебе нравятся женщины, а не мужчины? — Дарси глумливо ухмылялся, как будто чувствовал себя обязанным принять презрительный вид, когда речь шла о лесбиянках.

— Нет. А теперь я собираюсь закончить упражнение.

Дарси снова улыбнулся, уже совсем неуверенно, хотя я вела себя предельно вежливо. Казалось, он не может поверить, что женщина не хочет ходить на свидания, тем более с ним. Прождав мгновение в ожидании, когда я заберу свой отказ назад, Орчад гневно сжал тонкие губы и зашагал к римской скамье.^[7]

Передвинув регулятор на сто двадцать фунтов, я снова задумалась, кого Дел мог попросить стать его споттером. Он доверился бы кому угодно в зале. Даже у меня и Джанет, наверное, хватило бы сил, чтобы помочь ему с некоторыми более легкими, но все равно грозными штангами, которыми Дел пользовался для бодибилдинга. Руки и грудь Джанет были почти такими же сильными, как у меня. С тех пор как она стала дважды в день преподавать аэробику в придачу к занятиям в детском клубе, Шук обогнала меня по части ног. Это помещение предоставляла финансируемая общиной организация, занимающаяся досугом детей после школы.

Закончив работать над икрами, я медленно направилась к Джанет, которая занималась скручиваниями на пресс. Пот превратил ее короткие каштановые волосы в темную бахрому, обрамляющую квадратное маленькое лицо.

— Сто десять, — выдохнула она, когда я подошла к ней.

Я кивнула и стала ждать.

— Сто двадцать пять, — сказала она минуту спустя, расслабилась и с закрытыми глазами плашмя легла на пол.

— Джанет, — окликнула я после долгого уважительного молчания.

— Мм?

— Дел когда-нибудь просил тебя стать его споттером?

— Он? — Джанет распахнула карие глаза и уставилась на меня с легким весельем. — Дел не считал, что женщина способна нести собственные покупки, не то что быть его

споттером.

— Он видел женщин-бодибилдеров на тех соревнованиях. Если уж на то пошло, много раз наблюдал, как мы тренируемся по утрам.

— Да, но он считал нас уродцами, капризом природы! — грубо фыркнула она и продолжала более нейтральным тоном: — Что ж, такие мы и есть. Дел судил всех женщин по своей девушке Линди, а та не может нарезать ветчину без электроножа.

Я засмеялась.

Джанет чуть удивленно посмотрела на меня снизу вверх и заметила:

— Приятно слышать твой смех. Ты не слишком часто смеешься.

Я пожала плечами.

— Теперь иди-ка сюда, — сказала она, садясь и вытирая лицо полотенцем. — Я дожидалась случая спросить тебя кое о чем.

Я села на ближайшую скамью и принялась ждать.

— Ты и Маршалл — постоянная пара?

Я думала, Джанет попросит меня быть ее споттером или перейдет к трудным вопросам последней ката, которую мы изучили на занятиях по карате.

Сегодня все хотели знать о моей личной жизни.

Мне вроде как нравилась Джанет, поэтому ответить ей было труднее, чем Дарси. Если я отвечу «нет», это будет означать, что Маршалл теперь честная добыча для любой женщины, которая захочет его подцепить после моего отказа от всяких прав на эту персону. Скажу «да» и окажусь прикованной к Маршаллу на все обозримое будущее.

— Нет, — ответила я и пошла делать последний подход.

По пути в раздевалку Джанет остановилась и спросила:

— Ты на меня злишься?

Слегка удивившись, я ответила:

— Нет, — но по-настоящему удивилась, когда Джанет засмеялась.

— Ох, Лили, — качая головой, сказала она. — Ты такая странная.

Она произнесла это так, будто моя странность была милой маленькой причудой, вроде настойчивого желания, чтобы брюки подходили по цвету к обуви, или привычки носить по понедельникам зеленое.

Я покинула «Телу время», недовольная тренировкой. Я имела первую беседу на личные темы с Дарси Орчадом и надеялась, что она станет последней. Я убедилась, что Джанет Шу сохнет по Маршаллу Седаке, — эту новость нельзя было назвать сенсационной. Дел почти наверняка не просил женщину стать его споттером. Еще я выяснила, что чувствует Рафаэль, когда получает прохладный прием в заведении, за постоянное посещение которого платит деньги.

Но дороге домой я пыталась уяснить причины своей неудовлетворенности. С чего я решила, что утром должна получить нечто большее, нежели хорошую тренировку? В конце концов, меня так же мало касалось то, что случилось в «Телу время» в ночь, когда умер Дел, как Джанет — вопрос о том, связывают ли нас с Маршаллом какие-то обязательства.

Мне не слишком нравился Дел. Почему меня заботит, погиб он в результате несчастного случая или его убили?

Я сказала Клоду, что Дел был безобидным человеком.

Принимая душ, я впервые по-настоящему задумалась о Пакарде.

Он не отпускал шутливых замечаний насчет моей силы, которые я время от времени

слышала от других мужчин. Когда я оказывалась рядом, он был в меру этим доволен, но и без меня не скучал. Дел бывал рад помочь мне во всем, о чем я просила, и чрезвычайно гордился тем, что стал чемпионом Шекспира. Он с удовольствием продолжал бы заниматься этим всю свою жизнь... если бы она и дальше текла обычным путем.

Пакард любил маму и папу, посылал цветы своей подруге Линди, удовлетворительно выполнял свою работу и жил себе да жил, не досаждая ни единой живой душе. Он страстно хотел лишь одного — снова стать чемпионом, на этот раз номер один.

Если споттер убил Дела по неосторожности, то должен был выйти вперед. Если он поступил так по злему умыслу, за это тем более следовало заплатить.

Я высушила полотенцем волосы и наложила макияж, все еще обдумывая смерть Дела, пытаюсь понять, почему лично заинтересована в том, чтобы найти ответы на вопросы.

Полиция работала над расследованием обстоятельств смерти Дела. Это должно было меня удовлетворить. Я явно не рвалась сама выискивать факты после того, как осенью забили до смерти Дарнелла Гласса, а несколько недель спустя застрелили Лена Элгина. Оба случая так и остались нераскрытыми.

Ответ пришел ко мне, когда я садилась в машину, чтобы ехать на первую работу. Смерть Дела заботила меня по еще двум причинам. Во-первых, в дело впутали Бобо Уинтропа, отчасти потому, что я кое-что сказала Клоду. Во-вторых, меня расстраивало, что Дела убили в клубе, в одном из немногих мест, где я чувствовала себя как дома. Поэтому мне были безразличны как смерть Дела, так и расплата за нее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тянулись однообразные дни, и я все больше и больше скучала по Клоду.

Он заботился обо мне несколько месяцев, когда я была ранена. Фридрих помогал мне мыться над раковиной, одеваться, возвращаться в постель. Я чувствовала себя совершенно естественно, накладывая перед ним макияж — поступок, который он истолковал как признак того, что мало меня интересует как мужчина.

Я поняла, что Клод углядел в этом самое худшее. Он счел, что я крашусь и мажусь не для него, а для всего остального мира.

Единственная правда, обнаруженная в самой глубине сознания, состояла в том, что я скучаю по Клоду, по тому, как он заглядывал на обед, по его периодическим появлениям у моих дверей с едой, взятой навынос из китайского ресторанчика, или с видео из проката.

Еще одной правдой было то, что я не переживаю по поводу прежних отношений с Маршаллом, когда у нас с ним были свидания. Вообще-то мне нравилось возвращение к прежнему товариществу, к отношениям на уровне наставник — ученица, которые связывали нас прежде. Их изменение меня смутило.

Сегодня на улице я видела возлюбленную Дела Пакарда, Линди Роланд. Прежде она была рослой улыбчивой девушкой с длинными каштановыми волосами, теперь как будто ссутулилась, глаза ее покраснели. На похоронах Дела, если верить разговорам в «Телу время», Линди была просто убита горем.

Что ж, Дел в земле, на кладбище, именуемом «Покойся с миром», а его девушка одинока.

Поужинав тем вечером в уединении, вымыв посуду и прибравшись, я принялась расхаживать по дому.

Я снова приняла душ, смыла макияж, убедилась, что гладко выбрита там, где надо, что брови у меня подщипаны, и пустила в ход все обычные лосьоны и крошечную толику духов.

Потом я, голая и нерешительная, постояла в спальне. Еще не успев заглянуть в шкаф, я знала, что там увижу: голубые джинсы, футболки, одежду для занятий спортом, пару платьев и костюм из моей бывшей жизни. Сама мысль об оболыщении показалась мне неопишимо глупой, когда я увидела свою скудную экипировку.

Внезапно я отвергла эту идею. Она казалась неправильной. Клод заслуживал внимания какой-нибудь более уступчивой особы с шелковой короткой ночной сорочкой и воскресным платьем.

Больше всего на свете я ценила контроль над собственной жизнью и не готова была уступить его Маршаллу, а теперь и Клоду, связать свою жизнь с их жизнью. Ни один из них не нужен был мне настолько, чтобы совершить пугающий прыжок. Это осознание оказалось горьким.

Злясь на саму себя, на Клода, я натянула темную одежду и вышла прогуляться. Я мало спала в ту ночь.

Взглянув вверх, на окна Клода, я увидела, что у него горит свет. Если бы я нашла в себе нужные чувства, то находилась бы сейчас там, наверху, деля с ним этот свет, и он был бы счастлив... по крайней мере на некоторое время.

Я брела по Шекспиру, растворившись в ночи, и через некоторое время начала чувствовать холодок и влагу. Дрожа в своей куртке, я прошла еще несколько кварталов и уже

возвращалась домой, когда увидела, что у меня есть компания.

По другой стороне улицы, так же тихо и мрачно, как я, шел незнакомый мужчина с длинными черными волосами. Мы молча повернули головы и посмотрели друг на друга. Никто из нас не улыбнулся и не заговорил.

Я не чувствовала ни страха, ни гнева. Через несколько секунд мы разминулись, продолжили свой путь в знобящей влажной ночи.

Я припомнила, что уже видела этого человека раньше. Где? И тут меня озарило. Это тот самый парень, который тренировался с Дарси Орчадом в день, когда Джим Бокс лежал с гриппом.

Я отправилась домой, чтобы поработать со своей подвесной грушей, свисавшей с потолка в центре моей пустой второй спальни.

Я отработывала когэн-гэри,^[8] щелкающий пинок, до тех пор, пока не начал гореть подъем стопы. Потом — майе-гэри, прямой удар ногой, до ощутимой боли. Дальше я просто колотила грушу руками, снова и снова, заставляя ее раскачиваться, — никакого искусства, чистый расход энергии.

Наконец я тяжело опустилась на пол и вытерла лицо розовым полотенцем, которое всегда висело на крючке у двери.

Теперь, после душа, я, вероятно, усну.

Натянув на себя одеяло и повернувшись на правый бок, я задумалась: где тот человек, что он делает, почему шел в ночи?

На следующее утро я чувствовала себя слишком вялой, чтобы отправиться в «Телу время», хотя мне полагалось делать упражнения для груди и бицепсов, мои любимые. В порядке компенсации я заставила себя сделать пятьдесят отжиманий и столько же раз подняла ноги.

Пока я лежала на полу, то поневоле заметила, что с плинтусов надо вытереть пыль, и, промокнув лицо розовым полотенцем, использовала его для этого.

Швырнув полотенце в корзину с грязным бельем, я проделала свои обычные утренние приготовления.

По средам я в первую очередь убирала квартиру Дидры Дин, находящуюся в соседнем доме. Она жила этажом выше шефа полиции Клода Фридриха.

По просьбе местного юриста, распорядившегося владениями покойного Пардона Элби, я продолжала прибираться в общественных местах многоквартирного дома до тех пор, пока его наследник занимался какими-то другими делами.

Итак, я заметила, сколько грязи арендаторы натащили в дом после недавнего дождя, и решила, что должна дополнительно пропылесосить здесь после обычной уборки, которую делала поздно в субботу.

Отцепив от пояса рабочие ключи, я быстро пошла вверх по лестнице, но дверь Дидры оказалась заперта. Она все еще была дома, снова опоздала на работу. Я сунула ключ в карман и постучала. С другой стороны двери раздался шаркающий звук шагов, потом Дидра обменялась с кем-то резкими репликами — слов я не разобрала.

Я насторожилась. Не потому, что Дидра оказалась не одна. В этом не было ничего удивительного. Она верила в то, что отдаваться кому попало — весело. Но шарканье, резкие слова — такого тут обычно не бывало.

Когда Дидра рывком распахнула дверь и шагнула назад, я увидела, что посетитель — ее

отчим, Джеррелл Кноп. Он женился на состоятельной вдове Лэйси Дин и, что называется поднялся. Кноп был привлекательным — стройным, седовласым, с яркими голубыми глазами — и обращался с женой вежливо и ласково, если те немногие случаи, когда я наблюдала их общение, являлись нормой. Но в характере Джеррелла имелись злые черточки, и сейчас Дидра приняла на себя удар. На ее руке виднелся ярко-красный отпечаток, как будто отчим держал ее мертвой хваткой. Он был не слишком доволен, когда Дидра меня выпустила.

Просто замечательно.

— Шеф полиции рядом, за стенкой, — солгала я, зная, что Клод наверняка уже на работе. — Он может в мгновение ока оказаться здесь.

Я перевела глаза с красного отпечатка на Джеррелла, решила, что не уклонилась бы от стычки с ним, если бы не было другого выхода, но не предвкушала ее.

— У нас семейный разговор, Лили Бард. А ты не лезь не в свое дело, — очень твердо произнес Кноп.

Я подумала, что из-за одного этого хотела бы его ударить.

— Это квартира Дидры. Думаю, она имеет право голоса относительно того, кто уходит, а кто остается.

Я всегда надеялась, что Дин продемонстрирует кое-какую силу характера или хотя бы относительно здравый смысл, и всякий раз разочаровывалась. Это утро не было исключением.

— Тебе лучше начать со спальни, — тихо сказала Дидра, на лице которой виднелись слезы. — Со мной все будет в порядке, Лили.

Я бросила на ее отчима предупреждающий взгляд и понесла свою коробку с моющими принадлежностями в спальню Дидры.

Отсюда открывался гнетущий вид на парковку, за которой высилась железнодорожная насыпь. Из-за насыпи виднелась часть магазина пиломатериалов и скобяных товаров Уинтропа, расположенного по другую сторону железной дороги. Самой интересной деталью вида из окна этим утром был красивый красный «таурус» Дидры на парковке, на полдороге к своему месту. Кто-то взял баллончик с белой краской и аккуратно вывел «Она трахает ниггеров» на капоте машины.

Я почувствовала себя старой и больной.

Дидра, очевидно, выехала со своего места на парковке, прежде чем заметила надпись. Потом, как я предполагаю, она побежала в дом, чтобы позвонить маме, вместо которой приехал отчим.

Меня накрыла волна ярости и страха. Я злилась в основном на подонков, которые испоганили машину Дидры и, скорее всего, ее жизнь. Пройдет немного времени, и эту историю будет обсуждать весь город. Как и в случае с дурной репутацией Дин, слухи будут безудержными, не ограниченными никаким благоразумием.

А еще — к моей чести, куда меньше — я сердилась на саму Дидру. Она время от времени спала с Маркусом Джефферсоном, который тоже жил в этом многоквартирном доме, через коридор от Клода. Дин сказала мне, что занималась этим не по благородной причине вроде любви и даже не по какому-то эксцентричному поводу вроде дружбы наций. Она трахалась с ним просто веселья ради.

Ты не можешь вести себя так в Шекспире, если не готов платить по счетам. И вот Дидра получила счет.

Пару раз с многозначительным видом я пересекла гостиную, пока Джеррелл и Дидра продолжали свою стычку. Я не могла назвать это диалогом, поскольку то, что говорил один, никак не влияло на то, что отвечал другой. Джеррелл бранил Дидру на чем свет стоит за то, что она втоптала себя и свою мать в грязь, осквернила собственную честь, сделала их всех мишенью для слухов и подвергла опасности.

— Ты знаешь, что случилось с тем черным парнем меньше двух месяцев назад? — хрипло спросил Джеррелл. — Хочешь, чтобы что-нибудь в том же духе произошло с тобой? Или с человеком, с которым ты ложишься в постель?

Когда Джеррелл это сказал, я полировала зеркало Дидры над туалетным столиком с девятью ящиками и увидела свое отражение. Меня словно тошнило. Джеррелл имел в виду Дарнелла Гласса, забитого до смерти одним или несколькими неизвестными типами. Я была знакома с ним.

— Но, Джеррелл, я этого не делала! — упорно отпиралась Дидра. — Я не знаю, почему в голову кому-то пришла такая идея!

— Девочка, все, кроме твоей матери, знают, что ты всего лишь шлюха, которая не берет денег, — жестоко сказал Джеррелл. — Лэйси покончит с собой, если узнает, что к тебе прикасались черные руки.

Я скорчила рожу в зеркале, вытирая верх туалетного шкафчика, потом уронила пару сережек в коробочку, где Дидра держала их.

— Я этого не делала! — простонала Дин.

Она во многих отношениях вела себя по-детски, верила: если ты что-то отрицаешь достаточно часто, то этого и вправду не произошло.

— Дидра, если ты немедленно, сию же минуту не изменишь своего поведения, с тобой случится кое-что похуже, чем заляпанная машина. Я не смогу этому помешать! — сказал Джеррелл.

— Что ты имеешь в виду? Что может быть хуже? — всхлипывая, спросила Дидра как-то по-детски, весьма глупо.

— Есть множество вещей похуже, чем немного белой краски, — мрачно проговорил Джеррелл, но голос его теперь звучал чуть мягче. — В городе живут люди, которые серьезно воспринимают ситуации вроде той, в которой очутилась ты. Не поверишь, насколько серьезно.

Он ей угрожал.

Вопреки обыкновению, я была полностью «за». Какую бы сильную неприязнь я ни испытывала к Джерреллу Кноппу, меня устраивал любой метод, способный напугать Дидру так, чтобы та бросила свой рискованный образ жизни. Если эта женщина двадцати с лишним лет, часто кажущаяся куда более юной, не начнет жить иначе, она подхватит СПИД, какую-нибудь другую болезнь или приведет домой того, кто зверски с ней обойдется.

— Теперь вот что. — Джеррелл постепенно сбавлял обороты. — Я уже позвонил в мастерскую и договорился, чтобы тебе перекрасили машину. Только перегони ее туда. Донни подбросит тебя на работу, я отвезу домой, а твоя машина будет готова через пару дней.

— Я не могу ее туда перегнать, — проскулила Дидра. — Я умру.

— Ты можешь умереть, если не будешь держаться подальше от чернокожих мужчин, — ответил отчим, в голосе которого прозвучало резкое предупреждение.

Джеррелл не теоретизировал. Он что-то знал.

Я почувствовала, как зашевелились волоски у меня на шее, и шагнула в гостиную, держа в руке тряпку, которой вытирала пыль. Джеррелл и я смерили друг друга пристальными взглядами.

— Ты не доставишь мою машину в мастерскую? — спросила Дидра с видом маленькой девочки, которая знает, что просит о многом, но для нее самой слишком трудно сделать такое.

— Нет, — коротко ответила я и вернулась к работе.

Я не знала, как Дидра и Джеррелл все уладили, и снова принялась за уборку, усиленно размышляя обо всех тех, кто был вовлечен в это дело, включая Маркуса Джефферсона. Я готова была побиться об заклад, что сейчас Маркус в ужасе. Он работал на том же заводе, что и Джеррелл Кноп. Даже если Джефферсон не видел машины Дидры, когда утром уходил на работу, кто-нибудь на фабрике уже рассказал ему обо всем. Я считала, что Маркуса это встревожит, если не ввергнет в панику.

Моя самая старая клиентка, Мэри Хофстеттлер, рассказала мне, что семьдесят лет назад Шекспир страдал от линчеваний на расовой почве. Будь я на месте Маркуса Джефферсона, те времена были бы для меня все равно что вчера.

Дидра с Джерреллом убрались вон, не поговорив со мной, что меня очень даже устраивало. Я закончила работу в тишине и покое, хотя бы в том небольшом, который они оставили после себя.

В квартире все еще эхом отдавались отзвуки гнева и страха различной интенсивности. Мне казалось, что эти потоки дурных чувств ползут по Шекспиру, как смог. Маленький город, принявший меня, обычно был тихим, предсказуемым, с медленной жизнью. Мне это нравилось.

Я загрузила арсенал моющих средств в машину, пытаясь прогнать гложащее меня беспокойство.

Следующей в моем рабочем расписании значилась новая клиентка, Муки Престон, и я сумела слегка приободриться, пока ехала к ее дому.

Раньше я никогда не работала на Сикамора-стрит. По обеим сторонам улицы выстроились маленькие белые домики с аккуратно убранными сквериками. Этот район вырос в пятидесятых годах и в большинстве случаев оказывался отправной точкой пути новобранцев и конечной — пенсионеров.

Дом Муки Престон стоял в середине квартала и ничем не отличался от остальных. На подъездной дорожке была припаркована зеленая «тойота» с иллинойскими номерными знаками. Если по машине можно судить о состоянии дома, то Муки Престон нуждалась в моих услугах, причем очень сильно. «Тойота» была пыльной, снаружи — в полосах грязи, внутри — заваленной газетами и остатками фастфуда.

Я быстро постучала в заднюю дверь, и тот же глубокий, сочный голос, который я слышала по телефону, отозвался:

— Иду-иду!

Примерно через минуту дверь отворилась, и женщина по другую сторону второй, сетчатой, створки уставилась на меня. Она ничего не говорила. Мы молча рассматривали друг друга.

Муки Престон была моложе меня, где-то лет двадцати пяти. Очень грубые прямые рыжеватые волосы, завязанные в «конский хвост», золотистая веснушчатая кожа, большие темно-карие глаза. Круглое лицо, идеальные белые зубы. Если на ней и был макияж, я не

смогла его разглядеть.

Несмотря на то что она была очень хорошенькой и улыбалась самым дружелюбным образом, эта женщина выбила меня из колеи.

Если судить по гаснущей улыбке, Муки испытывала те же чувства в отношении меня.

— Вы Лили Бард? — осторожно спросила она.

— Да.

Она медленно отворила сетчатую дверь, протянула пухлую золотистую руку, и я пожалала ее. Потом хозяйка шагнула в сторону, и я вошла в дом.

Муки застеснялась своей грязной маленькой кухни.

— Я должна была ожидать вашего прихода, но с головой утонула в работе, — произнесла она через плечо, складывая тарелки рядом с раковиной и пытаюсь сделать вид, что была поглощена именно этим, когда я постучала.

— Чем вы занимаетесь?

— Я специалист по генеалогии, — сказала она, отвернувшись, что я сочла удачей.

— Мм, — отозвалась я, издав самый необщительный звук, какой смогла изобразить. — Вы не должны прибираться вместо меня. Я же уборщица.

Она посмотрела на тарелку, которую держала в руках, как будто не понимала, что делает, очень осторожно водрузила ее в сушилку и заметила:

— Верно.

— Какой работы вы от меня ждете? — спросила я.

— Да-да. — Этот вопрос ее успокоил, что и входило в мои намерения. — Я хочу, чтобы вы сменили постельное белье — чистое в шкафу в ванной, — вытерли пыль в доме и пропылесосили. Здесь только одна ванная комната, и она в довольно плохом состоянии. Вымойте раковину, ванну, полы, застланные линолеумом, и вытрите кухонные столы.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Пока ничего больше не могу придумать.

Мы обсудили мою оплату и часы работы. Муки считала, что я проработаю до двенадцати тридцати, чтобы привести дом в порядок. По кухне вполне можно было судить обо всем доме. Я согласилась, что так и будет. Обычно я приезжала к Уинтропам в час дня, поэтому у меня оставалась некоторая свобода действий. Я решила, что смогу заглянуть к себе по дороге к Уинтропам и перехватить фруктов.

Сперва я обследовала дом, чтобы распланировать работу.

Муки удалилась в гостиную, которую превратила в свой кабинет. Там стояли старый диван, кушетка, кресло, телевизор и огромный стол. Она не подумала о занавесках, и жалюзи на больших окнах покрывала пыль.

Корзина для мусора была так переполнена, что ее содержимое вываливалось через край. Чашки из разных забегаловок с фастфудом стояли на столе, на боковине дивана и на полу.

Я сохранила бесстрастное выражение лица. Я этому научилась.

Когда Муки села за свой компьютер, я побрела через прихожую — грязные панели, отпечатки пальцев на краске — в ту спальню, что была побольше, и сморщила нос.

Белье явно требовалось сменить, а кровать, наверное, не убрали с тех пор, как застелили. Толстый слой пыли лежал на всем, не покрытом чем-нибудь другим, вроде книг в бумажных обложках, оберток от еды, салфеток, ювелирных изделий, расчесок, рецептов и завязок для волос.

Я почувствовала легкое напряжение между бровями, означавшее беспокойность,

потом обследовала ванную и недоверчиво покачала головой.

Вторая спальня оказалась почти пуста. На полу валялись только багаж и несколько картонных коробок, брошенных как попало.

Теперь я гадала, хватит ли мне отпущенного времени.

Я вышла к своей машине, чтобы принести принадлежности для уборки, размышляя, как далеко смогу сегодня продвинуться. Начну, конечно же, с ванной, потом примусь за спальню.

Уборка — это работа, не занимающая ум целиком, вот почему время от времени я ею наслаждаюсь. Я слегка улыбалась сама себе, начав оттирать ванну. Я ожидала, что Муки Престон окажется стопроцентной белой, а та представляла меня чернокожей. Мы обе удивились.

В мире лучшем, чем этот, мы даже не заметили бы, что относимся к разным расам, возможно, даже приветствовали бы наши этнические различия, если бы встретились в большом городе. Но этот мир не был лучшим, во всяком случае здесь и сейчас. Только не в Шекспире. И не в последнее время.

Я перестала так сильно удивляться своей новой работодательнице, сосредоточившись на непосредственных задачах.

Потратив некоторое время на энергичное отскабливание и мытье, я заставила ванную выглядеть очень респектабельно. Резко кивнув, я повернулась, чтобы начать работать в спальне. К моему удивлению, Муки Престон стояла прямо за моей спиной.

— Простите, что напугала вас, — произнесла она с довольно шокированным видом, когда я сжала кулаки.

— Я не слышала, как вы подошли, — с усилием расслабившись, призналась я. Мне не нравилась такая манера.

— Ванная выглядит отлично, — заметила Муки, посмотрев мимо меня в маленькую комнату. — Ух ты, особенно зеркало.

Да, теперь в нем можно было видеть свое отражение.

— Хорошо, — сказала я.

— Послушайте, вы стараетесь не замечать, что я смешанных кровей?

— Кто вы такая — совершенно не мое дело.

Почему люди всегда хотят говорить о каждой мелочи? Даже перед бандой, рисовавшей ножом картинки на моей груди, я не была тем человеком, которому хотелось поболтать.

— Я не знала, что вы окажетесь белой.

— Да.

— Значит, мы можем сделать так, чтобы все сработало? — настаивала она.

— Я уже работаю, — ответила я, пытаясь донести до нее свою точку зрения, и начала снимать с кровати постельное белье.

Мне хотелось, чтобы из моих слов Муки Престон кое-что уяснила. Если бы у меня имелись серьезные возражения против ее родословной, то я уже запрыгнула бы в свой «скайларк» и уехала домой, чтобы попытаться позвонить следующему человеку в моем списке.

Не знаю, поняла она или нет, что я пытаюсь ей объяснить. Подождав, не скажу ли я еще чего-нибудь, Муки, к моему облегчению, отбыла обратно к компьютеру.

Один раз она вышла за покупками в бакалейный магазин. Если не считать этого периода тишины и спокойствия, моя новая работодательница все время двигалась:

вскакивала, чтобы пойти в туалет, плыла через прихожую, чтобы достать из холодильника питье, всегда мимоходом роняя какую-нибудь реплику. Очевидно, Муки Престон относилась к тем людям, которые не могут сидеть спокойно, когда кто-то другой работает.

Когда Муки в третий раз сказала, что уходит за покупками, я решила, что это даст мне хорошую возможность прибраться в кабинете без ее назойливого присутствия.

Рассмотрев поближе пыльную, почти пустую комнату, я поняла, что листки бумаги, прикрепленные к стенам, — генеалогические схемы. Некоторые из них были напечатаны вычурным готическим шрифтом, другие оказались скучными с виду компьютерными выборками информации.

Я пожалала плечами. Генеалогия — не мое, но вреда от нее никакого.

На старой подставке из досок и цементных блоков стояли несколько книг. Три из них были про женщину по имени Салли Хемингс.^[9] Надо будет поискать их в библиотеке. Еще я увидела множество дисков в коробках. На них были программы, к примеру, «Создатель фамильного дерева» и «Происхождение семьи». Я заметила список веб-сайтов, прикрепленный рядом с компьютером, и перечень телефонных номеров мест наподобие Библиотеки семейной истории и Организации спрятанных детей.^[10]

Но чем дальше я вытирала пыль, приводила в порядок и пылесосила, тем больше вопросов возникало у меня насчет этой женщины.

Если она позвонила мне, чтобы попасть в мой список, сразу после того, как перебралась в этот дом, значит, жила здесь по меньшей мере пять недель. Почему молодая женщина вроде Муки Престон переехала в маленький южный городок, где у нее нет ни родственников, ни друзей? Если Муки Престон — единственный специалист по генеалогии, то я милое юное создание.

На этот раз она отсутствовала долго, что вполне меня устраивало. К тому времени, как Муки Престон притащила в пластиковых пакетах диетическую пепси и еду «Здоровый выбор»^[11] для разогревания в микроволновке, благодаря мне дом стал выглядеть намного лучше. Понадобится еще пара заходов, чтобы закончить уборку накопившейся грязи и вычистить все до уровня обычной недельной захламленности, но я взяла боевой старт.

Муки огляделась по сторонам с открытым ртом, жесткие рыжеватые волосы мазнули ее по плечам, когда она повернула голову.

— Это просто здорово! — воскликнула она совершенно искренне, хотя и не относилась к чистоте с тем энтузиазмом, какой демонстрировала. — Вы сможете приходить каждую неделю? — Я кивнула и услышала: — Какую форму оплаты вы предпочитаете?

Некоторое время мы обсуждали это, и, как раз когда я решила, что Муки собирается перестать трещать, она задала еще один вопрос:

— Держу пари, вы много работаете на местную элиту? Такие семьи, как Уинтропы и Элгины?

— На множество самых разных людей. — Я в упор взглянула на нее и повернулась, чтобы уйти.

На сей раз Муки Престон меня не задержала.

Когда я собирала сыр, крекеры и фрукты для быстрого ланча в своем доме, слава богу, тихом и чистом, без единого пятнышка, зазвенел дверной звонок. Прежде чем открыть, я выглянула из окна гостиной. Розовый автофургон припарковался у моих дверей, на его боку были нарисованы изящные цветочки.

Такая машина наверняка приехала к моему дому впервые.

Я открыла, готовясь сказать разносчице, что ей нужно к соседям, но бойкая молодая женщина, стоявшая на пороге, спросила:

— Мисс Бард?

— Да.

— Это для вас.

«Это» оказалось красивым букетом из розовых роз, гипсофил, зелени и белых гвоздик.

— Вы уверены? — с сомнением спросила я.

— Лили Бард, Трэк-стрит, десять, — прочитала женщина на оборотной стороне конверта, и улыбка ее слегка поблекла.

— Благодарю вас.

Я взяла вазу и отвернулась, закрыв за собой дверь ногой.

Я не получала цветы уже... невозможно вспомнить, как долго.

Осторожно поставив вазу на кухонный стол, я вытащила письмо из продолговатого пластикового держателя. Я заметила, что конверт лизнули и заклеили очень тщательно, — вытащив открытку и прочитав ее, оценила такую предосторожность.

«Скучаю по тебе. Клод», — было написано наклонным растянутым почерком.

Я искала в себе реакцию на такое событие и обнаружила, что понятия не имею, как к нему отнестись.

Кончиком пальца я прикоснулась к розовому цветку. Хотя я носила на работе пластиковые перчатки, руки мои все равно огрубели. Я беспокоилась, что могу повредить изящный гладкий цветок. Потом я прикоснулась к гипсофиле, медленно разместила вазу точно в центре стола и подняла руку, чтобы вытереть щеки.

Я боролась с желанием позвонить торговцу и тоже послать Клоду цветы, чтобы показать, как он меня тронул. Но Фридрих хотел сделать чисто мужской жест. Я оставлю все как есть.

Я покидала дом, чтобы привести в порядок хаос Уинтропов, и чувствовала, что слегка улыбаюсь.

Тем утром удача продолжала мне сопутствовать — в определенной степени. Поскольку погода была хорошая, я припарковалась на улице перед домом Уинтропов. Гаражом я пользовалась только при снегопаде или дожде. У моей машины, похоже, вечно подтекало масло, и я не хотела испачкать безукоризненно чистый пол гаража Уинтропов.

Проезжая мимо гаража, который открывался на боковую улицу, я увидела, что он пуст. Хорошо. Никого из Уинтропов не было дома.

Бини, стройная, привлекательная женщина лет сорока пяти, скорее всего, играла в теннис или занималась какими-нибудь благотворительными делами. Хоувелл-младший, должно быть, находился в «Спортивных товарах Уинтропа», или в «Пиломатериалах и товарах для дома Уинтропа», или даже в «Маслах Уинтропа». Эмбер Джин и Хоувелл-третий — так его звали в семье — были в школе. Бобо работал в «Телу время» или сидел на занятиях в филиале Арканзасского университета в тридцати пяти минутах езды отсюда, в Монтроузе.

Хотя Уинтропы были очень богатыми людьми, ни один из их детей даже не задумывался о том, чтобы поступить куда-нибудь, кроме Арканзасского университета. Я удивлялась лишь тому, что Бобо предпочел отправиться в Монтроуз, а не в главное

отделение на севере, в Фейетвилле. Кабан, символ Арканзасского университета, четко виделся в планах на будущее Уинтропов.

По пятницам я вытирала пыль, мыла полы и пылесосила. Я уже закончила со стиркой, глажкой и мытьем ванн в свой первый визит на этой неделе, утром во вторник.

Дети Уинтропов неплохо научились управляться с той одеждой, которую поневоле приходилось стирать в промежутках между моими визитами, но так и не привыкли как следует прибираться в своих комнатах. Хотя Бини довольно аккуратно обращалась со своими вещами, а Хоувелл не настолько часто бывал дома, чтобы устроить бардак.

Вытирая пыль, я помедлила, чтобы рассмотреть портрет Бини и Хоувелла-младшего. Они подарили его друг другу на последнюю годовщину свадьбы. Я могла бы сосчитать по пальцам одной руки случаи, когда видела Хоувелла дома за те три года, что работала на эту семью. Он был лысеющим, приятным с виду человеком и имел примерно двадцать фунтов лишнего веса. Последнее обстоятельство художник любезно замаскировал. Хоувелл был одного возраста с женой, но не трудился так усердно, как она, чтобы скрыть свои годы. Он проводил много времени в доме родителей, Хоувелла-старшего и Арниты, еще более впечатляющем, чем этот.

Помянутая пара являлась некоронованными королем и королевой Шекспира. Хотя официально Хоувелл-старший вышел на пенсию, он все еще имел право голоса в каждом предприятии Уинтропа. Старшие члены семьи все еще играли очень активную роль в социальной и политической жизни города. У них была постоянная чернокожая горничная Калли Канди.

Мои раздумья о Хоувелле-младшем как будто заставили его материализоваться. Я услышала, как повернулся ключ в замке, и хозяин вошел в дом из-под навеса для автомобилей. За ним следовал тот человек, который прогуливался по городу прошлой ночью.

Теперь, увидев его при дневном свете, я убедилась, что именно он тренировался с Дарси Орчадом в тот день, когда Рафаэль покинул «Телу время».

Они с Хоувеллом несли по большой, тяжелой черной сумке на ремне через плечо.

Хозяин дома резко остановился, покраснел, явно нервничая, и сказал:

— Простите, что потревожил вас за работой. Я не видел вашей машины.

— Я припарковалась на улице перед домом.

Хоувелл, должно быть, заехал в гараж с боковой улочки.

— Мы не будем вам мешать, — заявил он.

Я сощурилась и осторожно ответила:

— Хорошо.

Это же его дом.

Я посмотрела мимо Хоувелла на его спутника. Тот стоял достаточно близко, чтобы я разглядела глаза орехового цвета. На нем был темно-зеленый стеганый жилет, под ним — фирменная футболка работника «Спортивных товаров Уинтропа». Такие темно-красные тряпки с золотыми и белыми буквами носили все его служащие.

Этот человек смотрел на меня так же пристально, как я на него. Я не ожидала, что друг Хоувелла окажется таким. Он был слишком опасен. Я сразу распознала это, но еще поняла, что не боюсь его.

Я почти забыла про Хоувелла, когда тот откашлялся и сказал:

— Что ж, тогда мы... — Он вошел в гостиную, чтобы через нее проследовать в свой рабочий кабинет.

Оглянувшись, человек в красной футболке последовал за ним, и дверь кабинета закрылась.

Меня оставили вытирать пыль в гостиной и спальне. Во время работы я постоянно пыталась понять, что же происходит. В голову мне пришло, что Хоувелл, возможно, гомик, но, вспомнив глаза его спутника, этакого черного хвоста, я отмахнулась от этой идеи.

Мне еще раз пришлось пройти через гостиную, и я увидела, что дверь кабинета Хоувелла до сих пор закрыта. «По крайней мере, я уже все вытерла и пропылесосила там», — подумала я со смутным облегчением. Кабинет — одна из моих любимых комнат в этом доме. Его стены были обшиты панелями. Там имелось множество книжных полок. Рядом с настольной лампой стояло кресло, а на стенах висели оттиски «Дакс анлимитед».^[12] Очень солидный с виду стол возле эркера с сиденьем было дьявольски трудно полировать.

Я не хотела выглядеть любопытной, поэтому усердно и быстро работала, пытаясь убраться отсюда прежде, чем Хоувелл и его гость выйдут, но не успела. Крепкая дверь отворилась, и они появились из кабинета как раз тогда, когда я протирала кухонный пол. Оба были с пустыми руками.

Хоувелл и незнакомец остановились посреди комнаты, оставив следы, которые мне потом придется подтирать. Я была в желтых пластиковых перчатках, старых джинсах и такой же древней футболке. Мой нос наверняка блестел.

Мне хотелось лишь одного — чтобы они ушли. Хоувелл тоже желал немногого — сгладить странную ситуацию, заведя со мной беседу.

— Я слышал, это вы нашли беднягу Дела? — сочувственно спросил он.

— Да.

— Говорят, вы дружны с Маршаллом Седакой? У вас есть ключи от «Телу время»?

— Нет, — заявила я твердо, но без уверенности в том, на который вопрос отвечаю. — Я открыла клуб тем утром, чтобы оказать услугу Маршаллу. Он болел.

— Мой сын чрезвычайно вами восхищается. Он часто вас упоминает.

— Мне нравится Бобо, — сказала я, пытаюсь говорить негромким ровным тоном.

— Какие-нибудь признаки свидетельствовали о том, что Дел был не один, когда произошел несчастный случай?

Я стояла в замешательстве, не в состоянии уследить за его мыслью, потом внезапно кое-что поняла. Эта помешавшая мне беседа не была всего лишь пустым трепом. Хоувелл хотел побольше разузнать о смерти Дела Пакарда.

Я гадала, какие такие признаки, по мнению Хоувелла, могли там остаться. Следы ног на ковре по ту или другую сторону двери зала? Перочинный нож с монограммой, зажатый в пальцах Дела?

— Простите меня, Хоувелл, но я должна закончить эту работу и ехать на следующую, — отрывисто сказала я и сполоснула швабру.

Хоть и не сразу, человек, плативший многим местным жителям, понял намек и поспешно покинул кухню. Его товарищ мгновение помедлил. Этого оказалось достаточно, чтобы я подняла глаза, желая проверить, ушли ли они, и встретила с ним взглядом. Больше я не пыталась этого делать, пока не услышала, как под навесом для автомобилей загудел двигатель.

Добросовестно замыв их следы, я выжала швабру, выставила ее сохнуть за заднюю дверь, с легким облегчением заперла дом Уинтропов и села в машину.

Это семейство раздражало меня, интересовало, служило источником размышлений и

наблюдений вот уже четыре года. Но они никогда не были загадочными. То, что Хоувелл резко свернул с предсказуемой стези добродетели, невольно меня тревожило, а его общение с бродящим во тьме незнакомцем с черными волосами, завязанными в хвост, сбивало с толку.

Я обнаружила, что мои чувства по отношению к членам семьи Уинтроп варьируются от «терплю» до «люблю». Я работала на них достаточно долго, чтобы принимать смысл их жизни и испытывать по отношению к ним своего рода верность. Внезапное осознание этого не очень-то меня осчастливило.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Возвращаясь домой со своей последней сегодняшней работы, я начала остро чувствовать усталость.

Прошлой ночью я мало спала, у меня был полный рабочий день. Много раз я наблюдала поведение людей, ставившее меня в тупик.

Но перед моим домом была припаркована машина Клода, «бьюик» цвета бургундского вина. В общем и целом, я была рада видеть Клода.

Окно в его машине было опущено, и я слышала, как радио в «бьюике» передает «С учетом всех вещей» — государственную программу новостей. Клод с закрытыми глазами развалился на сиденье водителя. Я прикинула, что ему пришлось ждать довольно долго, поскольку кто-то успел сунуть под «дворник» голубой листок бумаги.

Въезжая под навес для автомобиля и выключая зажигание, я чувствовала, что внутренне улыбаюсь.

Я скучала по Клоду.

Тихо подойдя по подъездной дорожке, я наклонилась к его уху и прошептала:

— Эй, крутой парень.

Он улыбнулся, только потом распахнул глаза и сказал с нескрываемым наслаждением:

— Лили! — Фридрих пригладил усы, в которых теперь седых волос было больше, чем каштановых.

— Собираешься сидеть здесь или войдешь? — спросила я.

— Теперь, когда ты здесь, чтобы пригласить меня, войду.

Когда Клод вылез из «бьюика», я вытащила из-под «дворника» со стороны пассажирского сиденья голубой листок.

Я думала, что это реклама нового заведения, где продают пиццу, бросила на заголовок небрежный взгляд и тут же сказала:

— Клод!

Тот заправлял в штаны выбившуюся рубашку.

— Угу?

— Взгляни.

Он взял у меня голубую бумажку, мгновение изучал буквы, отпечатанные черным, потом с отвращением произнес:

— Дерьмо. Вот только этого Шекспиру не хватало.

— В самом деле.

«Верните то, что принадлежит вам!» — гласил заголовок. Сам текст был напечатан буквами поменьше: «Белые мужчины — вымирающий вид. Благодаря вмешательству правительства белые мужчины не могут получить работу, которую хотят, или не способны защитить свои семьи. Действуйте без промедления! Пока не стало слишком поздно! Присоединяйтесь к нам в этой борьбе. Мы вам позвоним. Верните то, что принадлежит вам. Нас уже достаточно пинали. Дадим ответного пинка!»

— Ни адреса, ни телефонного номера, — заметил Клод.

— Доктор Сайзмор тоже получил такое.

Я запомнила цвет, хотя, само собой, не вытаскивала листок из мусорного бачка дантиста.

— Как это ни глупо, но закон не преследует за подобные вещи, — пожал тяжелыми плечами Клод.

За последние несколько десятилетий в Северном Арканзасе появилось множество организаций, утверждающих превосходство белой расы. Я гадала, не выпустило ли листовку отделение одной из них, той, что мигрировала на юг.

Куда бы я ни направилась, везде — в бакалейном магазине, в офисе доктора, в церкви, в тех редких случаях, когда я работала на одну из них, — люди жаловались, что у них слишком мало времени и много дел. Я прочла «Верните то, что принадлежит вам» и подумала, что некоторым людям просто нечем заняться.

Я скомкала листок, повернулась, поднялась по каменным ступеням к своей передней двери, вынула ключи и приготовилась отпереть оба замка.

Клод потянулся так медленно, как это свойственно для большого мужчины, и последовал за мной. Я напряглась, думая, что он снова попытается меня поцеловать, но Фридрих только начал рокошующий монолог о том, как ему нелегко отрядить на улицы достаточно патрульных машин во время Хеллоуина, когда веселье так и норовит стать слишком буйным.

Я принялась выкладывать содержимое карманов на кухонный стол — успокаивающий маленький ритуал. Я не беру на работу сумочку. Она стала бы просто еще одной вещью, которую пришлось бы вносить в дом и выносить оттуда.

— Спасибо тебе за цветы, — сказала я, все еще стоя к Клоду спиной.

— Это доставило мне удовольствие.

— Цветы... — начала я, потом замолчала, чтобы сделать еще один глубокий вдох. — Они очень красивые. Мне понравилась открытка, — через мгновение добавила я.

— Могу я тебя обнять? — осторожно спросил он.

— Лучше не надо, — ответила я, пытаюсь говорить небрежно.

В открытке Клод написал, что скучает по моей компании. Конечно, это была неправда. Он мог наслаждаться беседой со мной, но главной его целью было забраться ко мне в постель. Я вздохнула. Что нового можно найти на фронте мужчина — женщина?

Я была более чем когда-либо убеждена в том, что вступить в интимные отношения — плохая идея для каждого из нас, но в тот момент промолчала об этом, хотя подобное для меня не характерно. Однако тем вечером мне требовался друг, общество человека, который нравится. Я хотела, чтобы он посидел со мной рядом и выпил кофе за моим столом. Я знала, что это продлит ожидания Клода, но временно попала на удочку иллюзии, решив, что он хочет лишь товарищеских отношений со мной.

Мы и вправду выпили кофе и поели фруктов, ведя небрежную беседу. Но тепло, которое я надеялась ощутить, так и не пришло. Может, потому что я обманывала себя.

Клод возражал, когда мне понадобилось переодеться, чтобы ехать на карате, но я никогда не пропускала занятий, если это было в моих силах. Я пообещала, что по возвращении мы вместе отправимся пообедать в Монтроуз, предложила Клоду остаться и посмотреть без меня футбол, поскольку у моего телевизора экран был побольше, чем у его маленького, переносного.

Сев в машину, я испытывала усталую убежденность в том, что мне следовало велеть Фридриху ехать домой.

Я прошагала через главный зал «Телу время», пытаюсь радоваться ожидавшей меня

тренировке, которая поможет избавиться от стресса. Но в основном я ощущала... недовольство собой. С тех пор как погиб Дел, я была здесь уже много раз, но всегда бросала взгляд на тот угол, где труп лежал на скамье.

Уменьшенная копия приза Дела за второе место на гимнастических соревнованиях Марвела все еще была выставлена в стеклянном шкафчике рядом с холодильником для напитков, поскольку клуб, где тренировался победитель соревнований, всегда делил эту честь с чемпионом.

Я остановилась, чтобы полюбоваться сияющим кубком на деревянной подставке с красной гравировкой. В стекле шкафчика виднелись отражения других потенциальных чемпионов, занимавшихся обычной утренней тренировкой. Я слегка подвигала руками вверх и вниз, чтобы убедиться в том, что тоже нахожусь здесь.

Покачивая головой своему отражению, я двинулась через зал к открытым двойным дверям, ведущим в зал карате и аэробики. В проеме я поклонилась в знак уважения и вошла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джанет Шук уже переделалась в ги.^[13] Его снежная белизна подчеркивала ее темные волосы и глаза. Она держалась за планку, отрабатывая боковые удары. Маршалл разговаривал с Карлтоном Кокрофтом, моим соседом и бухгалтером, которого я не видела по меньшей мере неделю. Новенькая женщина с очень длинными светлыми волосами и темным искусственным загаром делала разминку. Она носила ги с коричневым поясом, и я посмотрела на нее с уважением.

Рафаэль, ноги которого не было в «Телу время» с того утра, когда он ушел в гнев, тренировался с Бобо Уинтропом, отрабатывая комбинацию из восьми блоков. Я была рада видеть Рафаэля, довольна тем, что его больше не гложет так сильно то, что не давало покоя раньше. Наблюдая за спаррингующей парой, я впервые заметила, что Бобо такой же высокий, как и Рафаэль. Мне следовало перестать думать о нем как о мальчике.

— Йо-хо, Лили! — жизнерадостно окликнул меня Бобо.

Я предполагала, что солнечная натура Бобо не позволит ему долго хандрить. Утешительно было видеть, что он улыбается и выглядит уже не таким встревоженным.

Они с Рафаэлем закончили упражняться, и Бобо подошел ко мне, когда я завязывала пояс. Я успела подумать, что Бобо в своем белом ги похож на героя всей Америки в боевике, тут он просто протянул руки, с двух сторон обхватил меня за талию большими ладонями, слегка сжал и приподнял.

Со мной не обращались так с тех пор, как я выросла. Ощущение, что тебя подняли и держат в воздухе, внезапно вернуло меня в детство. Я поняла, что смеюсь, глядя сверху вниз на Бобо, а он в ответ ухмыляется. Через его плечо я мельком увидела стоявшего в зале черноволосого незнакомца. Он смотрел на меня и слегка улыбался, вытирая лицо полотенцем.

Маршалл кивнул этому Черному Хвосту и закрыл двойные двери.

Бобо опустил меня на пол.

Я сделала притворный выпад, целясь ему в горло, и он блокировал его слишком поздно.

— Я бы тебя достала, — предупредила я. — Ты сильнее, но я быстрее!

Бобо ухмылялся, радуясь, что его выходка удалась. Не успела я отойти, как он сильными руками схватил меня за запястье. Шагнув ближе, я повернула руки ладонями вверх, надавила на его большие пальцы и освободилась. Я жестами изобразила, как бью его по шее ребром ладоней, потом похлопала по массивному плечу и шагнула в сторону, прежде чем он еще

что-нибудь затеял.

— Однажды я тебя достану! — крикнул мне вслед Бобо, грозя пальцем.

— Если ты достанешь Лили, то пожалеешь, — заметил Рафаэль. — Эта девица может съесть тебя на завтрак.

Бобо стал багровым. Я поняла, что он уловил двойной смысл реплики Рафаэля, и отвернулась, пряча ухмылку.

— Строиться! — твердо сказал Маршалл.

Светловолосая женщина была ученицей самого высокого ранга из присутствующих на тренировке. Она заняла первое место в строю. У меня был зеленый пояс с одной коричневой полосой. Я сделала глубокий вдох, предупредила себя, что нельзя испытывать недостойных чувств, и приготовилась быть любезной.

— Киостке!

Мы вытянулись, сдвинув пятки.

— Рэй.

Мы поклонились сэнсэю, а он — нам.

Три минуты мы тренировались, испытывая привычную боль, в стойке шико-дачи^[14] — это очень походило на сидение на воздухе — и занимались гимнастическими упражнениями.

Сегодня вечером Маршалл был в крутом настроении. Я не хотела быть мелочной и думать, что он заставляет нас больше потеть потому, что пытается произвести впечатление на нового члена группы, но Седака добавил нам приседаний, доведя их число до сотни. Еще мы сделали по столько же подъемов ног и отжиманий.

В упражнениях сидя я очутилась в паре с новой женщиной, а не с Джанет. Ее ноги, когда она сцепила их с моими, были похожи на железные обручи. Она не дышала тяжело после восьмидесяти повторов, хотя следующие двадцать были трудноваты. После подъемов ног спортсменка слегка вспотела, после сотни отжиманий дышала чуть тяжелей, но у нее хватило энергии улыбнуться мне, когда она поднялась.

Я слегка повернулась и посмотрела на Рафаэля. Тот в ответ покачал бровями. Мы были впечатлены.

— Стойка санчин-дачи^[15] для джодан-укэ,^[16] — велел Маршалл. — Потом кумитэ — спарринг!

Мы заняли нужную позицию. Правая нога проносилась вверх и вниз, останавливаясь, когда пятка была параллельна пальцам левой. Краешком глаза я наблюдала за блондинкой, гадая, не занималась ли та другой разновидностью карате. Так, наверное, и было, но она быстро училась. Внимательно наблюдая за Маршаллом, женщина вскидывала правую ногу, описывала ею правильную дугу и поворачивала носок под углом в сорок пять градусов к телу, слегка согнув колени. Ее левая рука двигалась рядом с боком, правая сжалась в кулак, согнувшись так, что тот оказался на уровне плеча, костяшками наружу.

Пока мы занимались кихоном,^[17] практикуясь в ударах и блоках, я поняла, что новая соседка отвлекает меня, и решительным усилием воли выбросила ее из головы. С этого мгновения я стала чувствовать себя удобнее, и занятие пошло лучше. В спарринге Маршалл поставил меня в пару с Карлтоном. Мы с ним обменивались ударами, ставили блоки, а в перерыве по-соседски обменивались новостями. Он слышал, что на нашей улице появятся новые фонари, а владелец пустого углового участка — я всегда думала, что тот совершенно заброшен, — был выбран из пяти детей пожилой леди, почившей четыре года назад. Карлтон

пока не узнал, что именно новый собственник сделает с клочком земли, на который наверняка нелегко будет впихнуть дом.

Когда я одним пальцем ткнула в нужную точку на предплечье Карлтона, отчего у него подогнулись колени, он сказал, что этим утром, выйдя за почтой, нашел листок голубой бумаги.

— Пошли они к черту, — прокомментировал Кокрофт.

Я надеялась, что все так же решительно отмахнутся от этой авантюры.

Потом пришел черед Карлтона. Он крепко нажал, я очутилась на полу и посмотрела на него снизу вверх, приподняв брови.

Когда группу распустили, блондинка подплыла к Маршаллу. Ее прямые густые волосы ниспадали до задницы. Такой юношеский стиль не совсем подходил к ее возрасту, но явно производил эффект, способный привлечь к ней массу внимания.

Джанет нахмурилась, сидя на полу и зашнуровывая обувь.

Я приготовилась уйти, уже схватила свою спортивную сумку и ключи, когда меня поманил Маршалл.

— Лили! — позвал он меня с широкой улыбкой. — Это Бекка Уитли, племянница Пардона.

Пардон Элби, владелец многоквартирного здания, находившегося рядом с моим домом, был убит прошлой весной. Бекка Уитли хорошо проводила время, прибыв сюда, чтобы оценить свое наследство. Одна из обитательниц дома, Мэри Хофстеттлер, очень старая женщина, входившая в число моих любимых клиенток, рассказала, что тот же юрист, который нанял меня для уборки помещений, несколько последних месяцев собирал квартирную плату. Дидра поделилась, что ей придется отдавать за жилье больше, когда срок арендного договора истечет.

— Я знаю, что поздновато добралась до Шекспира, чтобы урегулировать дела с владениями дяди Пардона, — сказала блондинка, ворвавшись в мои мысли так, что я сразу полностью сосредоточилась на ней.

Впервые я посмотрела на нее в упор. У нее было узкое лицо, с сильными, но мелкими чертами, сквозь глубокий загар проступали веснушки. Глаза ярко-сапфирового цвета, говорившего о том, что она носит контактные линзы, оказались сильно подкрашенными. Еще Бекка накладывала конфетно-розовую помаду и обводила губы тоном потемнее. Эффект получался чуть ли не вампирский и явно хищнический.

— Мне нужно было уладить дела с разводом в Далласе и очистить тамошнее помещение, — продолжала объяснять Бекка Уитли.

— Значит, вы переезжаете в Шекспир? — спросила я, едва сумев скрыть изумление.

При виде ее длинной гривы «Леди Клерол»^[18] и остроконечных груди, выпирающих под ги, я подумала, что Бекка наверняка взбудоражит местных ухажеров. Маршалл уже расхаживал вокруг нее, чуть ли не выпятив грудь и не воркуя. Неудивительно, что сегодня вечером он поскупился на взгляды, которые бросал на меня последние две недели. Мне пришлось подавить желание фыркнуть.

— Думаю, я просто поживу в доме дяди Пардона, по крайней мере пока, — заявила Бекка Уитли. — Он такой удобный.

— Надеюсь, Шекспир не покажется вам слишком тихим после такого большого города, — произнесла я, и тут до меня кое-что дошло: при мысли о том, что Маршалл интересуется Беккой Уитли, я испытываю лишь маленький, почти незаметный укол

ревности — и это правильно.

— Я жила в Остине, а он вообще-то всего лишь большая деревня, — ответила Бекка. — Но последние несколько месяцев провела в Далласе и не смогла выдержать тамошнего трафика и стрессов. Понимаете, я только что развелась, и мне нужно начать жизнь заново.

— Дети у вас есть? — с надеждой спросила Джанет, подошедшая вслед за мной.

— Ни одного, — со счастливым видом ответила новая обитательница Шекспира. — Думаю, я просто слишком занята.

Маршалл попытался скрыть свое облегчение так же сильно, как Джанет — огорчение.

— Я убиралась в коридорах дома с тех пор, как умер Пардон, — сообщила я. — Хотите, чтобы я продолжала этим заниматься, или у вас есть другие планы?

— Скорее всего, меня устроит, если вы согласитесь работать и дальше, — сказала Бекка.

Я кивнула и собрала свои вещи. Лишние деньги — это приятно, но работа поздно в субботу — нет.

Наш сэнсэй все еще рассказывал Бекке, как сильно ему хочется, чтобы она вернулась к занятиям, когда Джанет и я поклонились у дверей и вышли.

— Чтоб ее трахнули! — произнесла Джанет тихо и злобно, когда мы добрались до парковки.

Мне думалось, что пройдет совсем немного времени, и Маршалл попытается сделать именно это. Карлтон, давно уже считавшийся самым желанным холостяком Шекспира, явно тоже заинтересовался Беккой.

Мне очень нравилась Джанет. Я видела, как она огорчена появлением сексуальной и неотразимой Бекки Уитли и тем, что Маршалл неприкрыто благоволит к новенькой. Джанет уже пару лет ждала, когда Седака ее заметит.

— Она ни за что не задержится в Шекспире, — сказала я разочарованной женщине и сама удивилась, услышав свой голос.

— Спасибо, Лили, — ответила Джанет так же удивленно. — Придется подождать, тогда увидим.

К моему изумлению, она слегка обняла меня, прежде чем отпереть свой «трупер» фирмы «Исудзу».

Войдя через кухонную дверь, я услышала работающий телевизор.

Клод расположился в двойном кресле и смотрел футбольный матч. Он выглядел так, будто находился дома, и меня это нервировало.

— Привет! — сказала я, и он небрежно помахал рукой, поэтому мне не хотелось торопиться, принимая душ и переодеваясь.

Когда я вышла, снова в макияже и безупречная, Клод на кухне пил чай со льдом.

— Что ты думаешь о своей новой домовладелице? — спросила я.

— Той женщине, Уитли? Со своими накрашенными глазами она смахивает на енота, верно? — лениво отозвался он.

— Готов поесть? — улыбнувшись, поинтересовалась я.

Вскоре мы уже ехали к Монтроузу, ближайшему большому городу. Он находился к северо-западу от Шекспира и был центром для многих маленьких городков вроде нашего. Монтроуз, который мог круглый год похвастаться населением около сорока тысяч — чуть больше во время университетских сессий, — оказывался тем местом, куда жители Шекспира отправлялись, когда не хотели ехать дальше на север, в Литтл-Рок.

Я никогда не испытывала энтузиазма в отношении Монтроуза, города, который можно было бы зашвырнуть куда угодно в Соединенных Штатах — все равно его посетители не почувствовали бы разницы. Монтроуз не имел своего лица, зато в нем было много мест для покупок. Масса обычных забегаловок с фастфудом, типовые сетевые магазины, мувиплекс^[19] с пятью залами и гипермаркет «Уол-март». С моей точки зрения, главной прелестью Монтроуза была его превосходная библиотека, один приличный независимый книжный магазин, возможно, четыре довольно хороших несетевых ресторана и пара неплохих сетевых.

За те месяцы, в течение которых у меня случались свидания с Маршаллом, я провела в Монтроузе больше времени, чем за предыдущие четыре года, прожитые в Шекспире. Вечер, проведенный дома, казался Маршаллу потерянным.

Мы попробовали каждый ресторан, высидели фильмы с Джекки Чаном и Стивенном Сигалом, посетили все спортивные магазины, чтобы сравнить их цены с теми, которые запрашивал Уинтроп, и делали еженедельные покупки в гипермаркете.

В этот вечер Клод предложил сходить в кино.

Из вежливости я почти согласилась, но, вспомнив неловкие часы с Маршаллом, призналась:

— Вообще-то мне не нравится ходить в кино.

— Вот как?

— Не люблю сидеть в темноте со множеством незнакомых людей, поневоле слушать, как они двигаются, шуршат бумагой и разговаривают. Я предпочла бы подождать, пока этот фильм выйдет на видео, и посмотреть его дома.

— Хорошо, — сказал он. — А чем бы тебе хотелось заняться?

— Поесть в «Эль-Пасо гранд» и сходить в книжный магазин.

Молчание. Я посмотрела на Клода краешком глаза.

— А как насчет «Поймай волну» и книжного магазина? — спросил он.

— Договорились, — с облегчением ответила я. — Тебе не нравится техасско-мексиканская еда?

— Я ел ее на прошлой неделе, когда приезжал в Монтроуз на заседание суда.

Пока мы ждали в ресторане морепродуктов, когда принесут наш заказ, Клод сказал:

— Думаю, мать Дарнелла Гласса собирается подать в суд на шекспировское отделение полиции.

— Почему? — резко спросила я. — Это нечестно. Иск должен быть против Тома Дэвида.

Том Дэвид Миклджон, один из патрульных Клода, давно пребывал в моем черном списке, а после случая с Дарнеллом Глассом передвинулся в нем на место номер один.

Внезапно я задумалась, не в том ли настоящая причина посланных мне цветов и приглашения провести вместе вечер — чтобы завязать со мной эту беседу?

— Ее адвокат упомянул Тодда Пикарда. Как думаешь, ты сможешь еще раз припомнить, когда и что произошло?

Я кивнула, но с тяжелым вздохом. Мне не хотелось вспоминать ту теплую черную ночь. Меня снова и снова допрашивали насчет боя — так называли это событие в Шекспире. Он произошел на парковке «Магната бургеров», местного заведения, которое доблестно соперничало с «Королем бургеров»^[20] и «Макдоналдсом», расположенными на Мейн-стрит.

Я присоединилась к бою в критический миг, но позже читала и слышала достаточно, чтобы то, что видела собственными глазами, обрело плоть.

Дарнелл Гласс сидел в своей машине на парковке «Магната бургеров», разговаривая с подружкой. Боб Ходдинг, пытаясь въехать на соседнее место на парковке, ударил в задний бампер машины Гласса. Ходдинг был белым шестнадцатилетним учеником средней школы Шекспира. Глассу исполнилось восемнадцать, он учился на первом курсе Монтроузского университета и только что внес стартовый взнос за машину, которой прежде не имел. Неудивительно, что, услышав скрежещущий звук — тут нельзя было ошибиться, это сцепились два буфера, — Гласс пришел в ярость. Он выпрыгнул из машины, размахивая руками и крича.

Ходдинг моментально перешел в наступление, поскольку знал репутацию молодого человека, машину которого только что ударил. Дарнелл Гласс до поступления в колледж ходил в шекспировскую школу и был известен как смысленый и многообещающий молодой человек. Но он славился агрессивностью, вспыльчивостью и обидчивостью, когда имел дело со своими белыми товарищами.

Боба Ходдинга вырастили в доме, перед которым развевался флаг Конфедерации. Он помнил, что Гласс слишком резко реагировал на неприятные ситуации в школе. Боб не испугался, поскольку в машине сидели три его приятеля, не собиравшись извиняться в их присутствии или признаваться в том, что неадекватно водит машину.

Позже двое свидетелей сказали Клоду наедине, что Ходдинг сделал все, чтобы еще больше взбесить Дарнелла Гласса, в том числе отпустил шпильку в адрес его матери, учительницы средней школы и хорошо известной активистки.

Никого не удивило, что Гласс взъярился.

Вот тогда и появилась я. Я вообще не была знакома с Дарнеллом Глассом или Бобом Холдингом, но оказалась там, когда начался бой.

Как и два полисмена.

Я только-только въехала на парковочное место по другую сторону от машины Гласса, выбрав именно эту ночь, чтобы в кои-то веки купить гамбургер, а не самой что-нибудь приготовить. Такое случалось столь редко, что позже мне стало казаться, будто я очутилась там в кульминационный момент благодаря какой-то вселенской шутке.

Это был очень теплый вечер начала сентября. Конечно, в Шекспире нам приходится стричь газоны аж до середины ноября.

На мне была обычная футболка и мешковатые джинсы. Я только что закончила работать, устала, мне хотелось лишь купить еду навынос и посмотреть по телевизору какой-нибудь старый фильм, может, прочесть главу-другую триллера, взятого в библиотеке.

Свободный от дежурства патрульный офицер Шекспира Тодд Пикард находился в «Магнате бургеров», покупая ужин для своей семьи. Дежурный Том Дэвид Миклджон подъехал, чтобы купить колы. Но я не знала, что в заведении присутствуют два офицера полиции.

Их присутствие ничего не изменило, хотя, конечно, должно было.

Я видела, как жилистый Дарнелл благоразумно нанес первый удар. Высокий, более мускулистый Боб Ходдинг подавился и согнулся пополам, а его дружки налетели на Дарнелла, как сердитые пчелы.

Если бы у меня были пистолет или свисток, то, может, внезапный звук остановил бы их, но я имела только кулаки.

Они были сильными мальчиками старших классов, полными адреналина, и мне

пришлось нелегко. Я не желала серьезно ранить маленьких подонков, что затруднило мне работу. Я довольно легко могла бы их уложить, если бы хотела нанести непоправимые травмы. Поскольку Боб Ходдинг временно выбыл из строя, выbleывая внутренности в окаймлявших парковку миртовых кустах, я сосредоточилась на его друзьях.

Очутившись за самым высоким парнем, который осыпал ударами Дарнелла Гласса, я сперва зажала правой рукой точку на плече того типа, который стоял между другими нападавшими, а потом левой надавила чуть ниже. Юнец пронзительно завопил, начал сгибаться, но все еще прикрывал меня от черноволосого парнишки справа, который замахнулся вслепую. Но он стоял, широко расставив ноги, и явно никогда не участвовал в уличных драках.

Я пнула его по яйцам под небольшим углом, довольно аккуратно выполнив когэн-гэри. Это вывело его из строя.

Парень, с которым я расправилась чуть раньше, в конце концов с воплем ударился о землю. Он попытался отползти назад, прочь с дороги, чтобы уяснить, что же случилось.

Краешком глаза я наконец-то заметила патрульную машину и увидела, как из нее вылез помощник шерифа Том Дэвид Миклджон. Он улыбался злой улыбкой мужлана и расставлял руки, чтобы помешать зевакам присоединиться к драке, вот и все.

Человек в штатском, руки которого были заняты сумкой и картонным подносом с пятью чашками в ячейках, орал на Тома Дэвида. Позже я выяснила, что это Тодд Пикард, офицер, свободный в ту пору от дежурства.

Тем временем третий парень обхватил Дарнелла за талию и попытался свалить с ног борцовским приемом. Потеряв терпение и разозлившись, я пнула юнца сзади. Конечно, колени его подогнулись, но парковка имела наклон, и он увлек за собой Дарнелла. Тот быстро откатился в сторону. Я поскользнулась на оберточной бумаге и ударилась о землю, а нога мальчика, обутого в тяжелые ботинки, больно врезалась в сустав моего правого бедра. Я откатилась и вскочила, прежде чем боль успела запустить в меня зубы.

Когда борец с трудом поднялся на колени, я заломила ему руку за спину и сказала:
— Сломаю ее, если ты шевельнешься.

Почти все люди понимают, когда к ним обращаются совершенно серьезно. Он не шевельнулся.

Оказаться на земле зачастую плохо, когда дерешься, но Дарнелл не потерял силы духа, хотя кровь текла из нескольких ссадин на его лице и он был весь покрыт синяками. Боб Ходдинг, слегка оправившись после удара в живот и обезумев от ярости, шатаясь, шел к Дарнеллу, чтобы сделать еще одну попытку. Тот пнул его. Боб отшатнулся и попал в руки морского пехотинца, который случайно оказался здесь на побывке, навещая свою семью. Огромный молодой человек, только что прошедший основной курс боевой подготовки, шагнул из-за Тома Дэвида, схватил Боба Ходдинга крепко, как ручниками, и дал ему звучный, хотя и нецензурный совет.

Я стояла, тяжело дыша, осматривая группу в поисках еще одного противника. У меня болела губа. Я заметила на своей футболке несколько ярких пятен крови. Во время драки мне попали локтем по губам. Я выпрямилась, оценивая, собирается ли драться тот парень, которого продолжала сдерживать, и решила, что его готовность равна нулю.

Морской пехотинец, имя которого я так никогда и не узнала, встретился со мной взглядом, одобрительно кивнул и сказал:

— Простите, что не поспел раньше. Тхеквондо?

— Годзю. Для ближнего боя.

— Вы очень понравились бы моему армейскому инструктору, — заявил он.

Я попыталась выжать из себя улыбку.

В этот миг в нескольких шагах от нас раздался звук, напоминающий вой сирены.

Это подружка Дарнелла Гласса, Ти Ли Блейн, которая наблюдала за дракой из машины, вылезла, чтобы помочь парню встать. Она запуталась в целом спектре эмоций, от страха за себя и за Дарнелла до гнева из-за помятой машины и ярости, что на ее приятеля набросились всем скопом. Она знала по именам всех белых агрессоров и дала им несколько новых кличек.

Я перехватила взгляд Тома Дэвида Миклджона. Мне очень хотелось его пнуть.

Он улыбнулся и лаконично сказал:

— Сдерживаю толпу.

Тодд Пикард успел отнести свою еду в машину и стоял перед патрульным автомобилем Тома Дэвида, у которого был пристыженный вид. В конце концов я его узнала и, если бы у меня осталась энергия, влепила бы ему пощечину. От Тома Дэвида я ничего лучшего и не ожидала, но Тодд мог бы мне помочь.

Впервые я осознала, что собралась немалая толпа. «Магнат бургеров» находится на Мейн-стрит — Шекспир не слишком изобретателен по части названий, — и ресторан был полон. Сушая правда, что, если бы Том Дэвид не сдерживал толпу, инцидент мог бы перерасти в настоящие уличные беспорядки, но, с моей точки зрения, с его позволения произошла большая часть случившегося.

Бедро, в которое меня пнули, внезапно начало пульсировать болью. Адреналин выветривался, я села и прислонилась головой к машине.

— Лили, ты в порядке? — спросили из толпы, и я увидела своего соседа.

Карлтона, как всегда ухоженного, сопровождала грудастая брюнетка с кудрявой пышной прической. Помню, я думала о спутнице Кокрофта дольше, чем она того заслуживала, пытаюсь припомнить, где работает эта женщина.

Мне было приятно, что кто-то поинтересовался моим состоянием. Я чувствовала себя вымотанной и слегка дрожащей.

— Со мной все будет хорошо, — ответила я и закрыла глаза.

Через минуту мне надо было встать. Я не могла сидеть там с таким видом, как будто меня ранили.

Потом надо мной нагнулся Клод и спросил:

— Лили, ты ранена?

— Конечно, — сердито сказала я и открыла глаза. — Мне пришлось выполнять за твоих копов их работу. Помоги мне встать.

Клод протянул руку, я за нее ухватилась. Он выпрямился, потянул. Я поднялась и стояла на ногах, может, не грациозно, но хотя бы твердо.

Дарнелл Гласс к тому времени тоже встал. Он тяжело опирался о свою машину. Ти Ли поддерживала его с другого бока. Морской пехотинец отпустил своего пленника. Белые парни забирались в патрульную машину Тома Дэвида.

— У тебя проблема с офицером, — сказала я Клоду.

— Сейчас у меня есть вопросы посерьезней, — тихо ответил он, и я заметила, что толпа волнуется, а несколько молодых людей на парковке обмениваются горячими словами.

— Залезай в мою машину, — сказал Клод. — Я приведу парня и девушку.

Потом мы все вместе проехали до полицейского участка.

Остаток вечера выдался беспросветно мрачным. Все белые мальчики оказались несовершеннолетними. Их родители налетели тучей, жужжа так же сердито, как африканские пчелы. Один папаша рывкнул, что должен подать на меня в суд. Мол, я ранила его мальчика, того самого, которого пнула в пах. Я повернула это предвзятое высказывание против него самого.

— Мне очень хотелось бы рассказать суду, как единственная женщина избивала вашего парня и двух других, — заявила я. — Особенно учитывая, что они сами всей толпой налетели на одного молодого человека.

Больше я не слышала реплик насчет судебного преследования.

До сегодняшнего дня. И не я была мишенью судебного преследования.

Когда наша официантка ушла, Клод расстелил на коленях салфетку и насадил на вилку креветку.

— Том Дэвид был там и ничего не сделал, — сказал он со слабым намеком на вопрос.

— Верно. — Я приподняла брови. — А ты в этом сомневаешься?

— Том Дэвид говорит, что ему пришлось удерживать других людей, мешая им присоединиться к драке. — Он бросил на меня взгляд из-под тяжелых бровей. — Тодд сказал, что боялся. Вдруг в нем не признают свободного от дежурства офицера и решат, что он просто ввязался в свару?

— Конечно, они будут так говорить, и в этом, возможно, даже найдется толика правды. Но сотрудники полиции позволили сделать их работу двум другим людям: мне и морскому пехотинцу. Том Дэвид наверняка хотел, чтобы Дарнелла Гласса избивали. Тодду было по меньшей мере наплевать, если такое произойдет.

Клод избегал моего взгляда. Его явно не радовала мысль о том, что кто-то из его полицейских не воспрепятствовал насилию. При этом я наверняка знала и кое-что другое. Клоду ничуть не нравится Том Дэвид Миклджон.

— Дарнелл первым нанес удар, — сказал Фридрих характерным тоном, подтверждая неприятную истину.

— Да. Хороший удар.

— Ты никогда прежде не встречалась ни с одним из этих парней, — заявил Клод.

— Верно.

— Тогда почему так рьяно вступилась?

Я уставилась на Клода, не донеся до рта вилку с рыбой, и ответила:

— Я сделала бы то же самое, будь Дарнелл белым, а остальные мальчики — черными.

Я поразмыслила о сказанном. Да, это была правда. Потом во мне поднялась знакомая волна гнева.

— Конечно, выяснилось, что я могла бы побережь силы, позволить им продолжать начатое и затоптать его.

На лице Клода проступил тускло-красный румянец. Он решил, что я обвиняю его в чем-то. Но я не делала этого, по крайней мере сознательно.

Дарнелл Гласс прожил недолго после того вечера на парковке у «Магната бургеров». Четыре недели спустя его забили до смерти на поляне в лесу к северу от города.

Никого не арестовали за это преступление.

— Если слухи правдивы и миссис Гласс действительно подает в суд, то тебя наверняка

вызовут как свидетельницу.

Клод чувствовал, что обязан обратить на это мое внимание. Происходящее нравилось ему не слишком, ничуть не больше, чем мне.

— Лучше бы мы не начинали наш разговор, — сказала я, зная, что трачу слова впустую. — Если ты и в самом деле беспокоишься о будущем своего полицейского участка и думаешь, что оно зависит от моих показаний... Я не могу затушевать или изменить то, что видела. Возможно, тебе не хочется быть рядом со мной.

Место для таких высказываний было неподходящее. Я выразилась слишком прямо и почувствовала забавный укол боли, когда у меня вырвались эти слова.

— Ты и вправду так думаешь? — спросил Клод очень тихо.

Пришло время истины.

— Я хочу встречаться с тобой, если ты собираешься быть моим другом, но не вижу нас в роли любовников. Сомневаюсь, что для нас будет правильным стать таковыми.

— А если я в этом уверен?

Я видела, как в глазах Фридриха растет отчужденность.

— Клод, мне приятно находиться в твоём обществе, но все рухнет, если мы займемся сексом. Вряд ли мы можем перевести наши отношения в другую плоскость.

— Лили, ты всегда будешь нравиться мне, — после долгой паузы сказал он. — Но я уже в том возрасте и живу в таком месте, где не смогу вечно оставаться в правоохранительных органах. Мне нужна жена, дом, кто-нибудь, с кем можно будет совершать вылазки на природу, украшать рождественское дерево. Я думал, что этим «кем-нибудь» сможешь стать ты. Если я правильно понял, ты говоришь, что такого не случится.

Господи, я ненавижу объяснять, что чувствую.

— Я не вижу себя в этой роли, Клод. Я просто не могу совершить с тобой подобный прыжок. Если я сделаю попытку и зря потрачу твоё время, ты можешь пропустить кого-нибудь получше.

— Нет никого достойнее тебя, Лили. Допустим, я найду какую-нибудь другую, вполне хорошую женщину. Но лучше не встречу.

— Что ж, — тихо сказала я. — Мы тут, в Монтроузе. Нам надо ехать домой, находиться друг с другом в машине. Нам стоило бы поговорить еще в Шекспире, да? Тогда ты смог бы отправиться в свою квартиру, а я — запереть дверь своего дома, и мы начали бы зализывать раны.

— Хотел бы я верить, что тебя это ранило, Лили, — сказал Клод. — Пошли. Посмотрим твои книги.

Конечно, после дискуссии в ресторане в книжном магазине было не очень весело.

В основном я читаю биографии, возможно, в надежде найти способ сделать свою жизнь светлее, обнаружив, что кому-то другому это удалось. А может, я люблю знать, что не только у меня было несчастное прошлое. Всегда можно отыскать жизнь еще более трудную, чем моя, но не сегодня вечером.

Я поймала себя на том, что думаю не о себе и Клоде, а о Дарнелле Глассе.

Я взглянула на книги, описывающие преступления, совершенные в действительности. Я больше не в состоянии переваривать их, как и смотреть новости по телевидению.

Никто никогда не написал бы книгу о Дарнелле Глассе.

Черный парень, забитый до смерти в Арканзасе, не считался достойным освещения в

печати. Разве что убийца Дарнелла будет арестован, и это вызовет некоторую сенсационную огласку. К примеру, выяснится, что убийца — один из местных священников, или смерть Дарнелла окажется первым эпизодом в карьере яркого серийного убийцы.

Я ухитрилась продраться сквозь отчеты репортеров. Газета Шекспира сделала все, что в ее силах, чтобы сгладить напряженную ситуацию, но даже сжатое упоминание длинного списка ран молодого человека заставило мои внутренности перевернуться.

Дарнеллу Глассу сломали челюсть, пять ребер и руку в нескольких местах. Удар, милосердно прикончивший его, был нанесен по черепу. Еще у него были обнаружены огромные внутренние повреждения, говорившие о целенаправленном зверском избиении.

Он умер, окруженный врагами, в ярости, в ужасе, в недоумении, на неприметной поляне в сосновом лесу.

Никто не заслуживает подобного.

Что ж, мне пришлось внести поправки в свою мысль. Я смогла припомнить нескольких человек, над которыми не стала бы плакать, если бы они встретили такой конец. Пусть Дарнелл Гласс и не годился в святые, но был очень умным молодым человеком без криминального прошлого, самым худшим преступлением которого, очевидно, являлся его взрывной характер.

— Пошли, — сказала я Клоду, и тот удивился моему отрывистому тону.

Всю дорогу домой я молчала. Возможно, Клод истолковал это как сожаление или решил, что я дуюсь. Как бы то ни было, он быстро клюнул меня в щеку у дверей. В этом поцелуе чувствовался холодок завершенности.

Я смотрела в его широкую спину, когда он уходил, и почему-то подумала, что больше никогда его не увижу.

Войдя в дом, я посмотрела на цветы, все еще свежие и душистые. Сожалеет ли сейчас Клод о том, что послал их мне? Я чуть было не вытащила такую красоту из вазы, чтобы выбросить. Но это было бы глупо и расточительно.

Готовясь лечь в постель — слава богу, в одиночестве, — я думала, было ли правдой обвинение, брошенное мне Маршаллом. Я действительно холодная женщина?

Я никогда не считала себя таковой. Склонной защищаться — может быть, но не холодной. Мне казалось, что где-то в глубине меня всегда горит огонь.

Я ворочалась, металась на кровати, пыталась применить технику расслабления, потом встала, чтобы пройтись.

Теперь, в полночь конца октября, снаружи было прохладно и ветрено. Еще до наступления утра снова пойдет дождь. На мне была футболка, спортивный костюм и кроссовки «Найк». Все это — темных тонов. Я оставалась в отвратительном настроении и не хотела, чтобы кто-нибудь меня видел. Фонари на каждом углу моей улицы, Трэк-стрит, окружал обычный слабый ореол.

Окно Клода не светилось, как и все остальные в многоквартирном доме. Его жильцы, старые и молодые, рано легли спать.

В Объединенной церкви Шекспира — или ОЦШ, как называли ее прихожане, — тоже было темно, если не считать нескольких сигнальных огней. Вообще в городе почти все затихло.

Шекспир рано просыпается и засыпает, если не считать тех мужчин и женщин, которые работают в поздние смены, служащих двух заведений фастфуда, да еще людей, занятых на фабриках по производству матрасов и переработке цыплят, никогда не закрывающихся на

ночь.

Я забрела далеко и очутилась в районе низших слоев среднего класса, в котором вырос Дарнелл Гласс, одном из районов Шекспира, где жили и белые, и черные.

Я прошла мимо маленького домика, который купила мать Гласса, Ланетт, переехав в Шекспир из Чикаго. В этом доме тоже царили темнота и тишина. Ни один из здешних домов не имел гаражей или проходов во внутренний двор, поэтому легко было увидеть, что Ланетт Гласс нет дома.

Но я обнаружила, что она находилась в доме Муки Престон.

Думая о своей любопытной сегодняшней уборке у этой женщины, я, сама того не сознавая, брела в направлении ее дома и оказалась как раз напротив, когда оттуда вышла Ланетт Гласс. Я находилась недостаточно близко, чтобы увидеть выражение ее лица, — уличные фонари позади нее отбрасывали глубокие тени, и детали все равно трудно было бы разглядеть, — но, судя по тому, как она шла, ссутулившись, чуть покачивая головой, крепко прижимая к себе сумочку, Ланетт Гласс тревожилась и была в беде.

Я все больше и больше задумывалась о целях, которые преследует загадочная Муки Престон.

Холодный ветерок шевелил мои волосы, и я почувствовала, как по спине бежит озноб. В Шекспире варилось что-то густое и опасное.

Меня всегда устраивали расовые отношения в моем приемном городке. Да, тут существовало множество табу. Некоторые из них я, вероятно, даже не осознавала. Но черные занимали здесь административные посты, владели удобными домами. Несколько клубов и одну церковь посещали и белые, и черные. В системе среднего обучения, похоже, имелись только малые разногласия, и Ланетт Гласс была лишь одной из множества черных учителей.

Привычки и предубеждения, появившиеся больше века тому назад, не исчезнут за одну ночь и даже через тридцать лет, но я всегда чувствовала, что медленный и тихий прогресс все же существует, а теперь гадала — не пребывала ли в стране дураков.

Я считала, что почти все люди обеих рас одобряют перемены к лучшему. Я до сих пор так думала. Но что-то злое скользило по Шекспиру, и это происходило уже месяцами.

Примерно через три недели после убийства Дарнелла Гласса Лен Элгин был найден убитым в своем «форде»-пикапе на заброшенной дороге сразу же за чертой города. Его застрелили.

Лен, процветающий белый фермер лет пятидесяти, был сердечным и умным человеком, столпом церкви, отцом четырех детей, жадным до книг, охотником, личным другом Клода. Фридриху не давало покоя то, что не удалось раскрыть убийство Лена, а слухи, распространявшиеся как пожар, делали руководство расследованием смерти Элгина еще более щекотливым.

Одни считали, что того прикончили в отместку за смерть Дарнелла Гласса. Конечно, по мнению этих людей, в убийстве были виноваты черные экстремисты. Точно так же смерть Гласса приписывалась белым экстремистам.

Другой слух гласил, что Лен изменял жене, Мэри Ли, с супругой другого фермера. Согласно этой сплетне, Элгина могла убить Мэри Ли или оскорбленный муж по имени Бут Мур, а то и Эрика, его жена. Люди, обвинявшие Эрику, считали, что Лен с ней порвал.

Каким-то образом драка на парковке «Магната бургеров», именуемая боем, спровоцировала все это.

Мы перестали воспринимать наше общество как единое целое, разделились на группы

не только по расовому признаку, но и по тому, насколько сильные чувства испытывали в отношении цвета кожи. Я подумала об отвратительных каракулях на машине Дидры, о едва скрываемом злорадстве Тома Дэвида Миклджона той сентябрьской ночью на парковке. Я вспомнила, как мельком видела в окне следующего за катафалком лимузина лицо Мэри Ли Элгин, когда похоронная процессия следовала мимо. А потом — банальный по своим заблуждениям, но не менее порочный листок голубой бумаги под «дворником» машины Клода.

Наверняка было бы слишком наивно полагать, что смерть Дела Пакарда в клубе не имеет никакого отношения к убийству Дарнелла Гласса и Лена Элгина. Как три человека могли погибнуть в таком небольшом городке, как Шекспир, в течение двух месяцев при столь загадочных обстоятельствах? Если бы Дарнелла Гласса убили на задворках местного бара в драке из-за девушки, Лена Элгина застрелили бы в постели Эрики Мур, Дел имел обыкновение в одиночестве поднимать тяжести и у него диагностировали бы какие-нибудь физические недуги...

Я сделала еще один круг, пройдя мимо многоквартирного дома. Глядя вверх, на окно Клода, я печально размышляла о человеке, находящемся за ним. Если бы мне выпал еще один шанс, пожалела бы я о том, что ему сказала? Я искренне любила Клода, была благодарна ему.

Он нес на плечах большой груз, но сам выбрал такую работу. Дарнелла Гласса убили за чертой города, поэтому расследование его гибели оказалось головной болью шерифа Марти Шустера. Я мало знала о нем, не считая того, что этот ветеран вьетнамской войны стал хорошим политиканом. Я гадала, смог бы Шустер утихомирить надвигающийся шторм, заставлявший дребезжать окна Шекспира.

Мне пришлось погулять еще час, прежде чем я смогла уснуть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Проснувшись, я увидела за окном пелену дождя, знобящего, серого, осеннего.

Я чуть проспала, поскольку минувшей ночью мне нелегко было лечь в постель. Чтобы добраться до «Телу время», придется торопиться.

Прежде чем одеться, я налила себе чашку кофе и выпила ее за кухонным столом. Рядом лежала неразвернутая утренняя газета. Мне было о чем поразмыслить.

Я тренировалась, не вступая ни с кем в разговоры, и поехала домой, чувствуя себя лучше.

Там я приняла душ, переоделась, наложила макияж и сделала прическу.

Интересно, гулял ли ночью и черноволосый мужчина?

Пока моя машина медленно, рывками, двигалась по подъездной дорожке к задней части клиники — скучному кирпичному зданию, построенному в ранние шестидесятые, я держала пари сама с собой, что сегодня будет работать Кэрри Траш.

Конечно, ее потрепанная белая «субару» обнаружилась на обычном месте за домом.

Я открыла дверь своими ключами и крикнула в прихожую:

— Привет!

Клиника Кэрри Траш приводила меня в уныние. Стены были выкрашены в скучный желтовато-бурый цвет, полы покрыты коричневым линолеумом с маленькими впадинками. На ремонт пока не хватало денег. Доктору требовалось оплатить солидные долги.

До меня донесся ответ, и я шагнула в дверной проем кабинета.

Лучшее, что можно сказать об этом помещении, — оно было достаточно просторным. Большую часть грязной работы докторша делала сама, чтобы сэкономить деньги на оплату ссуды, благодаря которой получила медицинское образование. На Кэрри были черные джинсы и свитер ржаво-красного цвета. Эта невысокая, пухлая, бледная и серьезная женщина ни разу не ходила на свидание за те два года, что прожила в Шекспире.

Во-первых, ее, скорее всего, отвлекли бы в любое свободное время, которое она сумела бы выкроить. Во-вторых, мужчин устрашали спокойный ум и компетентность Кэрри Траш. По крайней мере, я так считала.

— На этой неделе случилось что-нибудь интересное? — спросила она.

Ей, похоже, хотелось отвлечься от груды бумаг. Кэрри Траш заправила за уши русые волосы длиной до подбородка и поправила очки на курносом носу. Их стекла во много раз увеличивали ее красивые карие глаза.

— Бекка Уитли, племянница Пардона, живет теперь в его доме, — сказала я, немного подумав. — Человек, занявший место Дела Пакарда в «Спортивных товарах Уинтропа», поселился в квартире Норвела Уитбрета. Маркус Джефферсон спешно уехал после того, как покрасили машину Дидры Дин.

Я видела прошлым утром большой трейлер, прицепленный к машине Маркуса.

— Вероятно, он поступил благоразумно, — сказала Кэрри Траш. — Однако печально видеть такое положение вещей.

Попытавшись припомнить другие интересные события, я сказала:

— Я ужинала в Монтроузе с шефом полиции.

Кэрри Траш провела всю неделю в воздержании, принимая решения, которые по плечу только Богу, и теперь жаждала фривольных новостей.

— Это та племянница, о которой все говорят? Именно ей Пардон оставил все? — спросила Кэрри Траш.

Она уцепилась за первую упомянутую мной тему, но еще придется по всем без исключения.

Я кивнула.

— И какая она из себя?

— У нее длинные светлые волосы, очень щедрый макияж. Она качается, берет уроки карате и, вероятно, является предметом «влажных снов» половины встретившихся ей парней.

— Умная?

— Не знаю.

— Она уже сдала квартиру Маркуса? Больничный лаборант ищет жилье.

В Шекспире была крохотная лечебница, над которой вечно висела угроза закрытия.

— Думаю, пыль еще не успела осесть на подоконнике. Скажите лаборанту, чтобы поспешил туда и застолбил за собой квартиру.

— Так что там с шефом полиции? Он показал тебе свою дубинку?

Я улыбнулась. У Кэрри Траш грубоватое чувство юмора.

— Он хотел, но я не думаю, что это хорошая идея.

— Коп болтается возле тебя месяцами, как верная собака, Лили. Сделай так, чтобы он отстал, или уступи.

Мне снова напомнили, как много людей в маленьком городке едва ли не всё о тебе знают, даже если ты пытаешься не афишировать свою личную жизнь.

— Он отстал как раз прошлым вечером, — сказала я. — Я просто наслаждалась его компанией. Клод это знает.

— Думаешь, теперь ты не будешь чувствовать себя рядом с ним неловко?

Я задумалась, ответить кратко или более длинно и правдиво, опустилась в одно из двух кресел для пациентов и сказала:

— У нас с ним могло бы что-нибудь получиться, пока он не начал говорить о судебном процессе по делу Дарнелла Гласса.

— Да, я слышала, что миссис Гласс ведет переговоры с юристом из Литтл-Рока насчет судебного иска. Ты будешь выступать свидетельницей, да?

— Полагаю.

— Том Дэвид Миклджон — редкий засранец.

— Но он засранец Клода. Миссис Гласс подаст в суд на отделение полиции Шекспира, а не только на Тома Дэвида или Годда.

— Впереди бурные воды. — Кэрри Траш покачала головой. — Подумай, сможете ли вы с Клодом пережить все это как друзья.

Я пожала плечами.

— Быть твоей наперсницей — трудная работа, Бард, — криво улыбнулась Кэрри Траш.

Минуту я молчала, потом заявила:

— Полагаю, это из-за того, что я была жертвой года, когда меня изнасиловали. Слишком многие люди, с которыми я разговаривала об этом, которых знала всю жизнь, полностью изменились и разболтали все мои слова прессе.

Кэрри Траш смотрела на меня, чуть приоткрыв от изумления рот.

— Какая гадость, — в конце концов сказала она.

— Мне надо работать.

Я встала, вытащила желтые резиновые перчатки и приготовилась сперва справиться с туалетом для пациентов, поскольку это место всегда было самым отвратительным.

Когда я вышла из комнаты, Кэрри Траш с легкой улыбкой на губах склонилась над своими бумагами.

Еще одной моей любимицей давно стала Мэри Хофстеттлер, и мне было жаль, что сегодня у нее один из так называемых жестких дней. Я воспользовалась своим ключом, вошла в ее квартиру на первом этаже и сразу заметила, что ее нет в обычном кресле.

Мэри жила в Садовых квартирах Шекспира, в доме по соседству с моим, уже много лет. Ее сын Чак, осевший в Мемфисе, платил мне за то, чтобы я убиралась у миссис Хофстеттлер раз в неделю и возила ее туда, куда она захочет отправиться, по субботам.

— Миссис Хофстеттлер! — окликнула я.

Мне не хотелось ее пугать. В последнее время она забывала, когда я должна прийти.

— Лили. — Голос был очень слабым.

Я поспешила в спальню.

Мэри Хофстеттлер сидела, опершись на подушки, ее длинные шелковистые белые волосы, неаккуратно заплетенные в косу, свисали с одного плеча.

Мне почему-то показалось, что она уменьшилась, а ее бесчисленные морщинки как будто стали глубже, словно высеченные в нежной коже. У нее был плохой цвет лица, одновременно бледный и сероватый.

Она выглядела так, будто умирает. Попытка окликнуть меня явно ее измучила. Она хватала воздух ртом.

Я взяла с тумбочки телефон, зажатый между фотографией ее правнука в рамке и коробкой бумажных платков.

— Не звони, — выдавила Мэри.

— Вы должны отправиться в больницу, — сказала я.

— Хочу остаться здесь, — прошептала она.

— Я знаю и жалею, но не могу...

Мой голос прервался, когда я поняла, что собиралась сказать: «Отвечать за вашу смерть». Я откашлялась и подумала о том, как храбро она много лет терпела боль — и от артрита, и от больного сердца.

— Не надо, — сказала женщина, умоляя.

Стоя на коленях возле кровати и держа миссис Хофстеттлер за руку, я думала обо всех обитателях этого дома, которые при мне покинули какую-то из восьми его квартир. Пардон Элби погиб, О'Хагены переехали, Йорков больше не было, Норвел Уитбред сидел в тюрьме за подделку чека. Это только из тех арендаторов, которые жили в Садовых квартирах прошлой осенью. А теперь вот Мэри Хофстеттлер.

Она скончалась через час.

Я знала, что конец близок и что Мэри больше не слышит меня, а потому позвонила Кэрри Траш:

— Я насчет Мэри Хофстеттлер.

Я слышала, как шуршат бумаги на столе Кэрри.

— В чем дело?

Кэрри поняла по моему голосу — что-то не так.

— Она покидает нас, — сказала я очень тихо.

— Уже еду.

— Она хочет, чтобы ты ехала медленно.

Молчание.

— Поняла, — сказала Кэрри. — Но ты должна позвонить в девять-один-один, чтобы прикрыть свою задницу.

Я повесила трубку телефона свободной рукой. Другой я держала костлявые пальцы Мэри. Когда мой взгляд сосредоточился на лице Мэри, она вздохнула, а потом душа ее покинула тело.

Я тоже вздохнула, набрала девять-один-один и сказала:

— Я прибиралась в квартире Мэри Хофстеттлер. Оставила комнату на некоторое время, чтобы навести порядок в ванной, а когда вернулась проверить Мэри, она... Думаю, она умерла.

Потом мне пришлось пошевеливаться. Я схватила моющее средство для окон, чтобы очень быстро прибраться в ванной. Я оставила спрей и бумажные полотенца возле раковины, воткнула ершик в туалет и торопливо налила в воду немного голубого очистителя.

В дверь постучала Кэрри Траш и едва успела склониться над Мэри, как прибыли медики «скорой помощи».

Когда я их впустила, открылась дверь по другую сторону коридора и выглянула Бекка Уитли. Она была одета модно, в строгие красные слаксы и черный свитер.

— Старая леди?

Я кивнула.

— Она в плохом состоянии?

— Умерла.

— Я должна кому-нибудь позвонить?

— Да. Ее сыну Чаку. Вот тут его номер.

Пока Кэрри и медики «скорой» совещались над телом миссис Хофстеттлер, а потом грузили его на каталку, я принесла телефонную книжку, которую старая леди держала в гостиной рядом с телефоном, и протянула ее Бекке Уитли.

Не могу выразить, какое облегчение я почувствовала оттого, что меня избавили от необходимости звонить Чаку. Не только потому, что он мне не нравился. Я чувствовала вину.

Пока Мэри вкатывали в машину «скорой», я думала о том, что мне следовало сделать. Я должна была немедленно позвонить Кэрри или набрать девять-один-один, связаться с лучшей подругой Мэри — старшей миссис Уинтроп, Арнитой, а потом уговорить миссис Хофстеттлер не сдаваться. Но в последние месяцы Мэри все больше страдала от боли, постепенно становилась совсем беспомощной. Много раз бывало так, что мне приходилось ее одевать. Если по расписанию я не должна была приходить, то позже выяснялось, что она весь день оставалась в постели, потому что не могла встать сама. Мэри отказывалась от предложения сына поместить ее в дом престарелых, от сиделки на дому и приняла собственное решение, когда уйти.

Внезапно я поняла, как сильно буду скучать по миссис Хофстеттлер. На меня обрушилось осознание того, что я была свидетельницей ее смерти. Я села на ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж, где находились еще четыре квартиры, и почувствовала влагу на щеках.

— Я поговорила с женой Чака, — сказала Бекка.

Пытаясь догадаться, как она смогла подобраться ко мне незаметно, я увидела, что Уитли в одних носках.

— Нельзя сказать, что она убита горем.

Я не подняла глаз и ровным голосом произнесла:

— Они списали ее со счетов несколько лет назад.

— Вас нет в ее завещании? — спокойно спросила Бекка.

— Надеюсь, что нет.

Потом я все-таки на нее посмотрела, а она уставилась на меня через голубые контактные линзы. Спустя минуту Бекка кивнула и вернулась в свою квартиру.

Я боялась без разрешения закончить работу в квартире миссис Хофстеттлер. Вдруг кто-нибудь явится, чтобы расспросить меня о ее смерти, и тот факт, что я осталась, чтобы прибраться, покажется подозрительным. Как будто я пытаюсь избавиться от улики или краду ценности. Поэтому я заперла квартиру и вернула ключи Бекке, которая без комментариев их взяла.

Когда за мной закрылась ее дверь, я услышала, как хлопнула еще одна, этажом выше. Я взглянула на лестницу. По ней спустился человек, который арендовал квартиру Норвела Уитбрета, — мужчина, явившийся вчера вместе с Хоувеллом в дом Уинтропов. Я решила, что он примерно моего возраста. Около пяти футов десяти дюймов, с торчащим прямым носом и ровными черными бровями над глазами орехового цвета, с узкими, прекрасной формы губами и сильным подбородком. Волосы его были снова завязаны в хвост. От самой линии волос мимо правого глаза тянулся к челюсти тонкий, слегка сморщенный шрам. На нем была темно-зеленая фланелевая рубашка, старая кожаная куртка и джинсы.

Я смогла рассмотреть его так хорошо потому, что он остановился у подножия лестницы, долго глядел на меня, а потом сказал:

— Вы плакали. С вами все в порядке?

— Я не плачу, — нелепо, яростно ответила я и встретилась с ним глазами.

Мне казалось, что я полна страха. Я будто чувствовала, как во мне что-то надламывается.

Приподняв прямые брови, мужчина еще мгновение смотрел на меня, потом шагнул и через черный ход вышел на парковку для жильцов. Дверь закрылась за ним далеко не сразу, и я увидела, как он сел в машину, через мгновение-другое вырулил со своего места и уехал.

Похороны миссис Хофстеттлер состоялись в понедельник — быстро даже для Шекспира. Она запланировала поминальную службу еще два года назад. Я помнила священника епископальной церкви, крошечного человечка, почти такого же старого, как Мэри. Он приходил, чтобы поговорить с ней об этом.

Я многие годы не входила в церковь, поэтому долго боролась сама с собой. Я уже попрощалась с Мэри, но тут меня посетило пронзительное озарение. Ей хотелось бы, чтобы я присутствовала на похоронах.

Натянуто, неохотно я позвонила двум своим клиентам, к которым обычно приходила днем по понедельникам, и договорилась с ними на другое время. Причесавшись, я облачилась в дорогой черный костюм, оставшийся еще от моей прошлой жизни. Я долго хранила его, потому что он был универсальным. Я купила пару колготок, втиснулась в эту

мерзкую одежду, гримасничая от отвращения, сунула ноги в черные туфли-лодочки на высоких каблуках. Два моих шрама теперь стали видны, тонкие и белые, потому что костюм имел низкий квадратный вырез. Но я была очень бледной и решила, что шрамы не бросаются в глаза. С ними все равно ничего нельзя было поделаться. Я не собиралась покупать другую одежду. Этот костюм все еще был мне впору, но не тютельница в тютельница, как раньше. Регулярные тренировки изменили мое тело.

Черный костюм казался мрачным, неприкрашенным, поэтому я вдела в уши бабушкины бриллиантовые сережки и добавила ее декоративную заколку, тоже с бриллиантами. У меня все еще имелась хорошая черная дамская сумочка, тоже реликт прежней жизни.

Похороны всегда проходят в сопровождении полиции Шекспира. Одна из полицейских машин, как правило, остается перед церковью.

Я побаивалась этого. Ведь в машине, регулирующей движение перед церковью, будет Клод.

Он стоял с отвисшей челюстью и наблюдал, как я выхожу из «скайларка» и иду по тротуару к церкви.

— Лили, ты выглядишь красавицей, — сказал он, но эти слова нисколько мне не польстили. — Я никогда раньше не видел тебя изысканно одетой.

Я бросила взгляд на Клода и прошла мимо, в теплый полумрак крошечной церкви Святого Стефана. Темный старый епископальный храм был битком набит друзьями и знакомыми, которых Мэри Хофстеттлер завела во время своей долгой жизни, ее сверстниками, их детьми, другими прихожанами, волонтерами из ее любимого благотворительного учреждения.

Только две скамьи впереди были отведены для членов семьи. Чак, которому теперь было под шестьдесят, оказался единственным оставшимся в живых отпрыском миссис Хофстеттлер.

Было ясно, что остальные сидячие места следует приберечь для пожилых людей, которых среди скорбящих было большинство.

Я стояла сзади и, когда внесли гроб, задрапированный тяжелым церковным покровом, склонила голову. Я смотрела на волосы на затылке Чака Хофстеттлера, следовавшего за гробом. Он с некой скорбной зачарованностью глядел на вышитую ткань. Меня не интересовал гроб и то, что в нем находилось. Сущность Мэри Хофстеттлер была уже где-то в другом месте. Гроб пребывал здесь лишь для того, чтобы было на чем сосредоточить свои скорбь и раздумья. Так, флаг является необходимым для патриотического подъема.

Лучшая подруга Мэри, Арнита Уинтроп, сидела в передней части церкви вместе со своим мужем, Хоувеллом-старшим, с сыном и его женой. Старый мистер Уинтроп держал жену за руку. Мне это почему-то показалось трогательным. Бини, как всегда нарядная, осветлила волосы на пару тонов, и я это заметила. Она и Хоувелл-младший не держались за руки.

Незнакомая служба тянулась медленно. Без молитвенника мне приходилось нелегко. Многие из нас стояли. Еще больше людей набилось в церковь после начала службы. У меня ушло пять минут на то, чтобы осознать, кто стоит чуть позади меня. Будто услышав сигнал некоего внутреннего радара, я слегка повернула голову и увидела человека, который спустился по лестнице многоквартирного дома в тот день, когда умерла Мэри, загадочного друга Хоувелла.

Он был одет так же тщательно, как и я. Костюм-тройка в темно-синюю полоску, белая

рубашка с консервативным желтовато-зеленым галстуком с золотыми полосами. Вместо кроссовок он надел сверкающие туфли с загнутыми острыми носами. Завязанные в хвост черные волосы и сморщенный шрам странно контрастировали с костюмом банкира.

Когда я его заметила, мужчина повернул голову и посмотрел на меня. Наши глаза встретились. Я снова уставилась перед собой. Что здесь делает этот человек? Он стародавний армейский приятель Хоувелла? Его телохранитель? Зачем Хоувеллу Уинтропу охрана?

Когда бесконечная служба все-таки закончилась, я как можно быстрее покинула церковь, отказываясь смотреть по сторонам, проворно забралась в машину и отправилась домой. Мне надо было переодеться и ехать на работу.

Даже ради Мэри я не собиралась отправляться на кладбище.

Когда на следующее утро я вошла в «Телу время», Дарси Орчад приветствовал меня словами:

— Ты и вправду работаешь на ниггера?

— Что? — Я поняла, что не слышала этого слова уже многие годы и не скучала по нему.

— На ту девицу, которая снимает дом на Сикаморе?

— Да.

— Она, должно быть, наполовину черная, Лили.

— Пусть так.

— Она не сказала тебе, что делает тут, в Шекспире?

— Нет.

— Лили, это не мое дело, но мне кажется неправильным, когда белая женщина работает уборщицей у черной.

— Ты прав. Это совершенно не твое дело.

— Надо отдать тебе должное, Лили, — медленно произнес Дарси. — Ты умеешь держать язык за зубами.

Я повернулась и уставилась на него. Я делала упражнения на мышцы спины и не встала, а лишь слегка повернулась на узком сиденье тренажера и тщательно рассмотрела Дарси, от великолепной фигуры до рябых от прыщей щек. Потом я взглянула за спину этого типа, где маячила его тень, Джим Бокс, более темноволосая и худощавая версия Орчада.

— Да, — наконец произнесла я. — Умею.

Интересно, как среагировал бы Дарси, если бы услышал, что, убираясь в последний раз в доме Муки Престон, я нашла под ее кроватью ружье вместе с пачкой мишеней. Почти все они были аккуратно продырявлены посередине.

На следующий день я задержалась в «Телу время» дольше обычного. Утро среды я оставляла свободным для каких-нибудь срочных занятий. Единственным делом, намеченным у меня на сегодня, была разборка, которую я проводила раз в полгода в огромном гардеробе Бини Уинтроп.

Бобо этим утром работал, у него снова был угнетенный вид. Джим и Дарси решительно атаковали упражнения на трицепсы. Они коротко поздоровались со мной, прежде чем вернуться к намеченной программе. Делая растяжку, я кивнула в ответ.

Джерри Сайзмор помахал мне пальцами. Я решила, что на него подействовал мой новый наряд. Я дала себе послабление и купила пару голубых тренировочных брюк из

спандекса длиной до икр и такой же спортивный бюстгальтер, но смягчила эффект, натянув поверх лифчика старую укороченную футболку.

Я закончила обычную тренировку и решила попробовать несколько раз подтянуться до подбородка, просто чтобы увидеть, получится ли. Я повернулась лицом к стене, а не к комнате, потому что футболка задиралась и обнажала часть покрытых шрамами боков. Я подтащила к турнику табурет, чтобы с его помощью ухватиться за высокую перекладину, но потом отпихнула его болтающейся ногой, чтобы у меня не было искушения сжульничать.

Первое подтягивание получилось очень хорошо, за ним второе и третье.

Я наблюдала за собой в зеркале на стене, с раздражением замечая, что футболка и вправду задралась так, что стала видна широкая полоса голого тела. Мне не стоило прислушиваться к лести Бобо.

На четвертом повторе мне стало так больно, что было бы плевать, даже если бы футболка вообще слетела. Но я пообещала себе, что сделаю как минимум восемь подтягиваний. Я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться, заскулила вслух, подтягиваясь в пятый раз, и повисла на перекладине. Мне отчаянно хотелось закончить подход. Большие руки застали меня врасплох, схватив за бедра и толкнув вверх. Мне помогли ровно настолько, чтобы я закончила шестое подтягивание до подбородка.

Я опустила, прорычала:

— Еще одно! — и начала снова.

Мне помогли чуть сильнее, я закончила седьмую попытку и сказала устало:

— Все. Спасибо, Бобо.

Большие руки начали опускать меня на табурет, который мой помощник подтолкнул на прежнее место.

— Не за что, — ответил голос, не принадлежавший Бобо.

Через мгновение меня отпустили. После прикосновения больших рук на животе и бедрах осталось ощущение жара.

Я крутанулась на табурете.

Моим споттером оказался черноволосый мужчина. Он носил обрезанную серую фуфайку, красные тренировочные брюки и этим утром не брился.

Этот тип отошел и начал делать выпады на другом конце зала.

Я выбирала занятия почти наобум, зацепилась ногами под планкой тренажера для выжиманий и принялась отрабатывать пресс, скрестив руки на груди. Я все время поглядывала на незнакомца, который делал упражнения для ног. Разогревшись, он стянул с себя фуфайку, продемонстрировав красную безрукавку и широкие плечи. Я снова отвернулась.

Уходя, я чуть не спросила Бобо, знает ли он, как зовут этого человека, потом подумала: «Будь я проклята, если буду кого-нибудь о чем-нибудь спрашивать, тем более Бобо».

Я забрала свою спортивную сумку, куртку и двинулась к дверям.

Когда я до них добралась, вошел Маршалл. Он закинул руку мне на плечи.

Я испуганно отстранилась, но сэнсэй притянул меня ближе, обнял и ласково сказал:

— Сожалею о Мэри Хофстеттлер. Я знаю, ты ее любила.

Я смутилась из-за того, что неправильно истолковала намерения Седаки, а его участие и нежность напомнили мне, почему я вообще с ним связалась. Но мне хотелось, чтобы он меня отпустил.

— Спасибо, — натянуто проговорила я.

Черноволосый мужчина смотрел на нас, стоя рядом с Джимом и Дарси, которые болтали без умолку. Теперь мне показалось, что в нем есть нечто знакомое, какое-то стародавнее эхо самого темного периода моей жизни. Я не смогла распознать, откуда у меня возникли подобные мысли.

— Как твое бедро? — задал профессиональный вопрос Маршалл.

— Немного одеревенело, — призналась я.

Пинок, который я получила во время боя, оказался куда более скверной травмой, чем мне сперва подумалось. Стоя на левой ноге, я выбросила правую назад, потом вперед, чтобы показать Маршаллу амплитуду своих движений. Он присел передо мной на корточки, наблюдая за движениями. Сэнсэй велел мне задрать ногу и отвести ее в сторону, как кобель, собирающийся помочиться. Из такой стойки в карате наносятся боковые удары. Это была очень неудобная поза.

Маршалл около пяти минут толковал о моем бедре. Все остальные высказывали свои суждения и предлагали средства исцеления, как будто я их об этом просила.

Черноволосый не сказал ни слова, хотя подошел поближе, чтобы послушать дискуссию, которая переходила от моего бедра, боя и судебного иска Ланетт Гласс к будущему собранию в одной из церквей для черных.

Принимая душ и одеваясь, я думала, как же странно, что черноволосый тип возникает везде и всюду.

Это могло быть совпадением. Или же у меня просто паранойя? Он мог положить глаз на кого-нибудь другого, не на меня. Допустим, на Бекку Уитли. Может — я приободрилась — финансовые операции Объединенной церкви Шекспира привлекли внимание правительственного агентства? Пастор, брат Джоэл Маккоркиндейл, всегда включал во мне тревожный звоночек, предупреждавший о сумасшествии и патологии в людях. Вдруг мистер Черный Хвост нацелился на доброго брата?

Тогда к чему секретная встреча с Хоувеллом? Зачем черные сумки?

Конечно, я могла бы приписать все, что только угодно, обычному работяге, которому нравится поддерживать хорошую физическую форму, ходить на похороны незнакомых старушек и иметь секретные встречи со своим работодателем.

С Муки Престон, Беккой Уитли и этим человеком со шрамом и длинными черными волосами и глазом не моргнешь, как потеряешь свое положение самого экзотического импортного жителя Шекспира.

День выдался таким прохладным, что я почти видела пар от своего дыхания. Я не люблю работать в одежде с длинными рукавами, но натянула старый свитер с воротником-стойкой, который носила, когда становилось слишком холодно. Я купила его до того, как начала накачивать мускулатуру, и теперь он жал в шею, плечах, груди и выше локтей... Я покачала головой, глядя на свое отражение в зеркале, и подумала, что бросаюсь в глаза не меньше Бекки Уитли. Надену свитер только сегодня, а после выброшу. Но он, несомненно, годится для того, чтобы прибраться в гардеробе Бини.

Я натянула мешковатые джинсы и старые высокие «конверсы». ^[21] Взглянув на свое отражение в зеркале, чтобы убедиться, что волосы у меня кудрявые и пышные, а макияж привлекательный и ненавязчивый — косметика Бекки заставила меня острее сознавать опасность злоупотребления подобными вещами, — я пошла к своей машине.

Она не заводилась.

— Черт побери! — сказала я, повторила эти слова несколько раз, подняла капот и сразу

опустила его.

Одно из последствий моего элитного воспитания состоит в том, что я ни хрена не знаю о машинах. С тех пор как перестала быть элитой, я вела слишком хлопотливую жизнь, чтобы этому научиться. Я прошествовала обратно в дом и позвонила единственному механику в Шекспире, которому доверяла.

Кто-то снял трубку, и раздался взрыв рэпа, притупляющего рассудок.

— Седрик?

— Чего вам?

— Седрик?

— Сейчас позову.

— Привет. Кому нужен Большой Седрик?

— Седрик, это Лили Бард.

— Лили, что я могу для тебя сделать в этот прекрасный холодный день?

— Ты можешь выяснить, что случилось с моей машиной. Нынче утром она прекрасно ездил, а теперь не заводится.

— Я не оскорблю тебя, если спрошу, есть ли в ней бензин?

— Я рада, что ты не хотел меня оскорблять.

— Хорошо, вот что я скажу. У меня тут на опорах машина, с которой надо закончить, а потом я приеду. Ты будешь там?

— Нет, мне надо на работу. Я могу пройти пешком. Ключи оставлю в машине.

— Хорошо, разберемся, в чем там проблема.

— Спасибо, Седрик.

Он дал отбой без дальнейшей болтовни. Я вздохнула при мысли о внеочередных затратах на починку машины при таком напряженном бюджете, как мой, отцепила от кольца машинные ключи, вставила их в замок зажигания и двинулась пешком в сторону дома Уинтропов.

В Шекспире нет мест, которые разделяло бы по-настоящему большое расстояние, но, чтобы попасть в северную часть города, где жили Уинтропы, требовалось совершить хорошую прогулку, да еще в такую холодину.

По крайней мере, дождя не было.

Я постоянно напоминала себе об этом и решила побаловаться в обед чем-нибудь сверхплановым и вкусным. К примеру, съем целый сэндвич с арахисовым маслом и желе, а потом — домашний суп. Я заслужила и еще какое-нибудь угощение. Как насчет пары новых сапог? Нет, я не могу себе этого позволить, ведь мне придется платить за починку машины...

В конце концов примерно в девять тридцать я добралась до дома Уинтропов — жемчужины самого богатого из новых районов Шекспира. Не случайно он отстоял дальше всего от юго-западного района, населенного черными, и моего уголка, расположенного чуть юго-восточнее.

Участок Уинтропов был угловым. Сегодня я явилась не в машине, из которой вытекало масло, поэтому вошла через дверь, ведущую на кухню из задней части гаража, в том крыле здания, что смотрело на Бланш-стрит. Парадный вход находился на Аманда-стрит. Этот дом, как и соседние, построили недавно. Чтобы компенсировать то, что перед ним росли только маленькие деревца, проектировщик ландшафта превратил задний двор в настоящие джунгли, окруженные деревянной оградой, которая обеспечивала уединение. В ней было несколько ворот. Уинтропы всегда тщательно запирали их, чтобы помешать соседским детям забраться

к ним и понырять в пруду или поиграть в прятки.

Дом Уинтропов граничил с таким же большим зданием. Его владельцы нанимали того же проектировщика ландшафтов, поэтому в зеленые сезоны квартал напоминал вольтер для тропических птиц в хорошем зоопарке. Между задними калитками их домов имелся узкий переулок. Он тянулся вдоль квартала. По нему могли проехать мусоровозы и машины службы стрижки газонов, ухаживавшей почти за каждой лужайкой в районе.

Я шагнула в кухню Уинтропов, в кои-то веки чувствуя себя совершенно счастливой оттого, что здесь очутилась. Тут было полутемно и восхитительно тепло. Пару минут я стояла под кондиционером, наслаждаясь потоком теплого воздуха, восстанавливая кровообращение, потом сняла старую красную штормовку из «Лендс-энд»^[22] и повесила на один из стульев у круглого стола, за которым семья чаще всего завтракала, обедала и ужинала.

Я выкатилась из кухни, все еще потирая руки, в огромную гостиную с элегантным темно-зеленым ковром, декорированную в золотых, серо-коричневых и темно-красных тонах. Подбрав упавшую подушку, я взбила ее и машинально вернула в нужный угол дивана, на котором легко могли бы поместиться четыре человека.

Все еще пытаюсь согреться, я стояла и глядела через раздвижные стеклянные двери. Поздней осенью задний двор казался мрачным, листва поредела, высокая ограда печально бросалась в глаза. Серую крышку бассейна усеивали капли дождя. Теплые тона большой комнаты были приятнее, и я побродила по ней, подбирая всякую всячину и разминая окоченевшие мускулы.

Я была так довольна, что нахожусь в тепле, что мне захотелось петь. Я совсем недавно заново открыла свой голос. Он сохранился, хотя долгие годы я забывала о своем даровании. Сперва воспоминания об этом выворачивали мне душу. Я не забыла, как девчонкой пела на свадьбах, солировала в церкви, какой хорошей некогда была моя жизнь. Но тот этап миновал.

Я начала напевать себе под нос.

Хотя сегодня не был день обычной уборки, по привычке я прошла по всему дому, как делала всегда, являясь сюда. Комната Бобо наверху была прибрана, покрывало на кровати как следует застлано. Подобного прозрения не снизошло на Эмбер Джин и Хоувелла-третьего, но, с другой стороны, они никогда не были такими неряхами, как Бобо. Две верхние ваннные комнаты оказались более или менее в порядке. Внизу Бини всегда застилала большую кровать в огромной хозяйской спальне и аккуратно развешивала свою одежду, потому что много за нее платила. Ее семья очень уважала деньги.

Я начала напевать «В первый раз, когда я увидела твое лицо», приступив к вычищению барахла из шкафа на кухне, чтобы отобразить то, что мне требовалось: тряпки для вытирания пыли и мытья пола, пылесос, полировку для обуви.

Дважды в году — конечно, за дополнительную плату — я оказывала Бини эту странную маленькую услугу.

Я вынула все из ее громадного гардероба, потом вычистила его, заново повесила одежду и убедилась в том, что обувь отполирована и готова. Вещи, нуждающиеся в починке, или те, на которых недоставало пуговиц, я отложила в сторону, чтобы Бини обратила на них внимание. Вернее, это сделает ее швея.

Я допела балладу до конца, когда отнесла свои чистящие принадлежности в большую темную спальню — Бини не поднимала портьеры — и свалила на пол рядом со шкафом. Я

открыла дверцу с зеркалом и потянулась, чтобы включить в шкафу свет.

Кто-то схватил меня за запястье и рывком втащил внутрь.

Я начала драться немедленно, потому что Маршалл учил меня не колебаться. Если ты будешь сомневаться, дрогнешь, то утратишь психологическую почву под ногами. Вообще-то, я почти обезумела и растеряла навыки, приобретенные на тренировках, но держалась за крошечный обрывок разума. Как следует сжав кулак, я била свободной левой рукой куда попало. Я не могла точно определить, где находится тот неизвестный тип, который на меня напал.

Мои удары попали в цель. Мне показалось, что я врезала по щеке. Человек крикнул, но не ослабил грозной хватки на моем правом запястье, и мне стоило усилий оставить свободной левую руку. Судя по криканию, я поняла, что меня схватил мужчина, поэтому нацелилась на его яйца, но он извернулся, избежав моих пальцев. Незнакомец хотел перехватить мою свободную руку, в конце концов ему это удалось — к моему несчастью. Я попыталась вырваться, шагнула ближе, вскинула руки ладонями вверх и надавила на его большие пальцы тем же движением, которое сработало против Бобо. Если бы мне удалось вырваться, то я сразу ударила бы его по ушам или выдавила ему глаза. Я не знала досконально, что сделаю, но убила бы его или покалечила любым доступным мне способом.

Прием не сработал, потому что нападавший его ожидал. Чужие руки соскользнули с моих запястий, он схватил меня под локтями. Я ударила головой назад, чтобы сломать ему нос, но вместо этого попала в грудь.

Я резко запрокинула голову и услышала, как лязгнули зубы. Значит, я задела его подбородок, но этого было мало, чтобы нанести серьезную травму. Я снова попыталась достать его в пах коленом и на этот раз ухитрилась попасть, потому что услышала, как он снова крикнул. Возликовав, я попыталась свалить врага, просунув согнутую ногу между его ног и пнув сзади под колено. Это было невысказанной глупостью с моей стороны, потому что я преуспела. Я свалила его.

Он рухнул на меня и прижал к полу всем телом. Сильные руки приковали ладони к бокам. Его ноги придавили мои.

Я лишилась рассудка и укусила врага за ухо.

— Проклятье! Прекратите!

Он так и не ослабил хватку, как я ни старалась. Используя мой собственный прием, он стукнул меня головой в лоб, отнюдь не в полную силу, но я задохнулась от боли, на глаза мои навернулись слезы.

Противник шевельнул головой, подался к моему уху так, что его щека прижалась к моей в странном интимном контакте. Я дергалась и сопротивлялась, но чувствовала, что слабею.

— Послушайте, — прошипел он.

Я открыла рот, чтобы завопить, надеясь на секунду ошеломить его, и тут он прошептал то, что могло оказаться правдой:

— Они вламываются в дом. Ради бога, просто заткнитесь и утихните. Они убьют нас обоих.

Я умела затыкаться и вести себя тихо, хотя не могла перестать трястись. Мои глаза наконец привыкли к почти полной темноте гардероба, и я увидела, что лежащий на мне человек — мистер Черный Хвост.

Через секунду я перестала сильно удивляться.

Его взгляд был прикован не ко мне, а к дверцам гардероба. Этот человек прислушивался к слабым звукам, которые только что дошли до меня сквозь перепутавшиеся страх и ярость.

Он наклонился так, что рот его оказался возле моего уха, а свежесбрита щека снова коснулась моей, и тихо сказал:

— Им придется потратить на это некоторое время. Они ни хрена не знают о том, как взламывать двери чужих домов. — Голос его оказался таким низким, будто исходил откуда-то из моей головы. — А теперь — кто вы, к чертовой матери, такая?

— Я чертова прислуга, — сквозь сжатые зубы ответила я.

Каждый мой мускул был напряжен, дрожь не прекращалась, хотя я настойчиво заставляла себя утихнуть. Я приказала себе расслабиться, зная, что если этого не сделаю, то останусь слабой, в невыгодном положении.

— Так-то лучше. Мы на одной стороне, — прошептал он, почувствовав, как я обмякла и затихла под ним.

— Кто вы? — спросила я.

— Чертов детектив, — ответил он мне на ухо.

Черный Хвост шевельнулся. Он не был таким спокойным и невозмутимым, каким хотел казаться. Его тело реагировало на мою близость, и он начинал чувствовать себя неловко.

— Если я вас отпущу, вы не доставите мне хлопот? Те люди куда опасней меня.

Я понятия не имела, вправду ли он детектив. Если так, то откуда? Из ФБР? Частный сыщик? Из полиции Шекспира? Из поместья Уинтропа?

Я услышала, как разбилось стекло.

— Они вломились, — выдохнул он мне в ухо. — Послушайте, план игры изменился.

— Ха, — сказала я презрительно и почти неслышно.

Я ненавидела спортивные метафоры и почти немедленно почувствовала облегчение. Лучше сердиться, чем быть испуганной или сбитой с толку.

— Они убьют нас, если поймают, — повторил этот человек.

Его губы, которые были так близко от моего уха, внезапно породили во мне желание снова задрожать, совершенно по-другому. Его тело говорило с моим во всех подробностях, неважно, что именно произносил рот.

— Когда все они окажутся в доме, я хочу, чтобы вы сделали вот что, — чуть слышно прошептал мужчина. — Начните вопить. Я выйду через переднюю дверь, обогну дом, доберусь до переулка, чтобы увидеть их номера и машину. Тогда я смогу выяснить, куда они отправятся после взлома.

Я гадала, каким же был первоначальный план. Этот казался мне ужасно беспорядочным. Руки мужчины, вместо того чтобы стискивать мои, теперь медленно их растирали.

— Они узнают, что кричала я, и будут меня преследовать.

— Если вы ни разу не попадетесь им на глаза, то этого не случится, — выдохнул он. — Дайте мне три минуты, потом начинайте вопить.

— Нет, — тихо сказала я. — Я включу пылесос.

Я ощутила раздражение, исходящее от мистера Черный Хвост.

— Ладно, — согласился он. — Как хотите.

Он соскользнул с меня, встал, протянул руку, и я машинально ее приняла. Черный Хвост поднял меня так же легко, как нынче утром, когда помогал подтягиваться, резко кивнул, давая понять, что часы тикают... и исчез. Он выбрался из гардероба, миновал спальню Бини

и, по-видимому, маленький коридор, который вел в переднюю, вышел куда искуснее, чем взломщики вошли.

Я взглянула на свои большие мужские часы, соизмеряя собственные поступки с действиями самозваного детектива и пытаюсь не гадать о том, почему его слушаю. Спустя две с половиной минуты я рискнула выйти из гардероба. Теперь было отчетливо слышно непрошенных гостей. Едва проникнув в дом, они перестали даже пытаться вести себя тихо.

Воткнув вилку в розетку, я внезапно грянула «Свисти, пока работаешь»,^[23] не дожидаясь реакции на свое пение, наступила на кнопку включения, и пылесос с ревом ожил. Начав старательно пылесосить, я все время помнила о том, чтобы держаться спиной к двери спальни. Тогда я могла увидеть в зеркале туалетного столика Вины, не начал ли кто-нибудь ко мне подкрадываться. Я уловила тень, метнувшуюся в зеркале, но человек, отбрасывавший ее, покидал дом. Я их спугнула.

Когда я перестала сомневаться в том, что они ушли, выключила пылесос и снова бдительно обошла дом Уинтропов. Одна из раздвижных стеклянных дверей, ведущих к бассейну, закрытому пленкой, была разбита. Бросив взгляд на его другую сторону, я увидела, что одни деревянные ворота приоткрыты.

«Уинтропам нужна полная охранная система», — серьезно подумала я, потом поняла, что мне придется прибираться все эти стекла, и ощутила иррациональное раздражение.

Еще мне следовало позвонить в полицию.

Этого не избежать.

Должна ли я рассказать о Черном Хвосте? Если бы не Клод, я соврала бы, не раздумывая. Все мои контакты с полицией оказывались болезненными. Но Клоду я доверяла и должна была сказать ему правду. Знать бы еще, какова она.

Я почти не сомневалась в том, что Хоувелл-младший допустил в дом Черного Хвоста или дал ему ключи. Мои сомнения насчет их отношений вернулись. Но это неважно. Мне казалось, что я нарушу ту верность, которую должна испытывать к семье Уинтропов, если расскажу полиции, что Черный Хвост уже прятался в доме, предвидя, что туда вломятся.

Это было затруднительное положение.

Я позвонила в полицейский участок, сообщила о взломе и проникновении в дом, потом улучила несколько минут, чтобы хорошенько подумать. Самым безопасным вариантом было: «Я ничегошеньки не знаю, босс».

Мне очень помогло то, что Клод не явился. На мой вызов прибыли Дедфорд Джинкс, детектив, так напугавший Бобо, и двое патрульных. Клод находился на встрече с окружным судьей и мэром. Насколько я поняла, слушая разговор полицейских, ему не доложили об инциденте.

Дедфорд был добрым стариной с пивным брюшком, свисающим над потертой пряжкой, которую он выиграл в те дни, когда занимался связыванием бычков,^[24] с редкими седеющими волосами, тонкими поджатыми губами и красноватым лицом. Кстати, далеко не дурак.

Я рассказала такую историю: мол, услышала небольшой шум, но подумала, что вошел кто-то из членов семьи. Дальше шла чистая правда. Включив пылесос, я принялась за работу. Потом началась большая суматоха, но я никого не видела.

Проверив задний двор и найдя незапертые ворота, а также много следов на клумбах, полицейские сказали, что я могу идти.

— Мне нужно прибраться, — ответила я, показав на осколки стекла, валяющиеся на

толстом темно-зеленом ковре Уинтропов.

Полицейские собрали самые большие куски, чтобы снять с них отпечатки пальцев, но осталось еще много мелочи.

— Что ж, хорошо, — смущенно отозвался один из патрульных.

Потом в дом ворвался раскрасневшийся Хоувелл. Я никогда еще не видела, чтобы он так стремительно двигался.

— Господи, Лили, ты в порядке?

Он — кроме шуток! — взял меня за руки и не отпускал. Я высвободилась. Хозяин дома вел себя странно. Я заметила, как полицейские переглянулись.

— Да, Хоувелл, я в порядке.

— Они не ранили тебя?

Мне пришлось широко развести руки, чтобы он увидел — я цела.

— Но синяк у тебя на лбу?..

Я осторожно прикоснулась к лицу. Так и есть, на лбу припухшее болезненное место. Спасибо, мистер Черный Хвост. Я надеялась, что ухо у него болит.

— Похоже, я врезалась в дверной косяк. Очень уж волновалась.

— Да, конечно. Но ни один из этих людей не...

— Нет.

— Я понятия не имел, что ты собираешься сегодня прийти, — сказал Хоувелл, вынимая из кармана снежно-белый носовой платок и вытирая им лицо. — Я так рад, что ты невредима.

— Пришла, чтобы разобрать гардероб вашей жены. Я делаю это дважды в году, — объяснила я.

Я необычно много говорила и надеялась, что никто этого не заметит. Я была смущена. Теперь мне стало ясно, какое отношение имеет Хоувелл к странным событиям сегодняшнего дня. У меня больше не было сомнений в том, что именно он впустил Черного Хвоста, значит, тот находился в доме на законных основаниях. Я поняла, что Хоувелл гадает — где, к дьяволу, был этот человек и какую роль сыграл в случившемся фиаско.

— Я просто приберу здесь и уйду, — снова предложила я.

— Нет-нет, после пережитого тебе надо отправиться домой! — воскликнул Хоувелл, красивое полное лицо которого сморщилось от волнения. — Я буду рад прибраться сам.

Я заметила, как сотрудники полиции, слышавшие наш разговор, переглянулись. Дерьмо!

— Но мне бы хотелось...

Я не закончила фразу, потому как Дедфорд, глядя на меня, приподнял брови. Если я и дальше буду настаивать, то упрется и Хоувелл, привлекая все больше внимания к своей странной озабоченности моим состоянием. Его явно мучило чувство вины. Если он будет продолжать в том же духе, все присутствующие догадаются, что происходит нечто странное, могут подумать, будто за всем этим стоит нечто большее, чем простой роман Хоувелла со служанкой... хотя последнее само по себе достаточно плохо.

— Где твоя машина? — внезапно спросил он.

— Сегодня утром я не смогла ее завести, — устало ответила я и почувствовала, что мне уже надоело объясняться. — Я пришла пешком.

— Господи, в такую даль! Я уверен, один из этих парней будет рад подбросить тебя домой!

Один из «парней», пузатик постарше со скептически поджатыми губами, сказал, что,

конечно же, с удовольствием это сделает.

Итак, меня с шиком доставили домой. Моя машина все еще стояла под навесом, но теперь к ее лобовому стеклу был прилеплен желтый бланк. В нем говорилось:

«Я ее починил. Ты должна мне 68.23 \$».

Сообщение в этой бумажке было куда более прямым и честным, чем в тех голубых листках, которыми внезапно оказался облеплен город.

Я повернулась к патрульному, ожидавшему, пока его подопечная благополучно войдет домой, и спросила:

— Вы знаете что-нибудь насчет листовок, которые оказываются у всех под «дворниками» машин?

— Я знаю, что нет закона, который запрещал бы их, — ответил он, и лицо его стало замкнутым, как кулак. — Черные тоже вправе собираться и обсуждать это. Они хотят поступить так сегодня вечером.

— Где?

— Вы о месте собрания? В АМЕ,^[25] церкви Голгофы на Касл-роуд. Мы должны присутствовать там на случай, если возникнут какие-то проблемы.

— Хорошо.

Поблагодарив его за то, что подвез меня домой — и готов был поделиться информацией, о которой я даже не спрашивала, — я вошла в дом, села в кресло и задумалась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Не знаю, чего я ожидала от конца дня. Думаю, того, что в любую минуту неожиданно появится тот человек из гардероба, расскажет, что случилось, когда он ушел, спросит, не ранил ли меня во время нашей борьбы, и объяснится.

Раньше я видела его везде и всюду, стоило обернуться, а вот теперь он пропал. Сперва я тревожилась, потом сердилась, дальше снова начала волноваться.

Я заставила себя успокоиться, сосредоточившись на том, чтобы остыть, сказала себе, что страх и ярость, порожденные нашей молчаливой борьбой в огромном гардеробе Бини Уинтроп — ну и место! — послужили толчком, заставившим меня шагнуть за некий внутренний рубеж.

Лишь из-за недавшего меня беспокойства я записалась тем вечером на собрание в церкви Голгофы и обнаружила, что сделать это не так-то просто. Ведь она находилась в центре самого большого шекспировского района, в котором жили в основном черные и который раньше у меня было мало причин посещать.

Церковь из красного кирпича оказалась больше, чем я ожидала. Она стояла на холме, к ее главным дверям вели потрескавшиеся бетонные ступени, вдоль которых тянулись перила. Участок был угловым, у подножия ступеней сиял большой уличный фонарь.

Голгофа находилась в центре района, и я увидела, что многие идут на собрание, несмотря на порывистый холодный ветер.

Еще я заметила, что туда направляются две полицейские машины. За рулем одной из них сидел Тодд Пикард, который безрадостно мне кивнул. Легко было догадаться, что при виде меня он всякий раз вспоминает то, о чем хотел бы забыть. Я испытывала по отношению к нему такие же чувства.

Я быстро поднялась по ступеням к церкви, желая поскорее укрыться от ветра. Мне казалось, что сегодня я уже не согреюсь. Лестница вела к двойным дверям, за которыми оказался большой вестибюль с двумя вешалками, стол с множеством бесплатных брошюр и книг, к примеру «Регулируемое деторождение», «Анонимные алкоголики», ежедневные молитвенники. Слева и справа от вестибюля находились две комнаты. Я решила, что в одной переодевается священник, а в другой репетирует хор. Впереди две двустворчатые двери вели в саму церковь. Я выбрала правую и за людским потоком вошла в церковь. Там оказался длинный центральный ряд скамей и два коротких с каждой стороны с широким проходом между ними — такую планировку я видела во многих других церквях.

Выбрав наугад одну из длинных центральных скамей, я передвинулась к середине, чтобы тем, кто подойдет позднее, было легче занимать места.

Собрание должно было начаться в семь. Как ни странно, так оно и вышло. Многочисленность публики, явившейся сюда холодным вечером накануне рабочего дня, говорила о том, какие сильные чувства бурлят в афроамериканской общине.

Я оказалась здесь не единственной белой. Католические монахини, заведовавшие дошкольным учреждением для детей из неблагополучных семей, сидели неподалеку от меня. Клод тоже был в церкви. Я подумала, что с его стороны это хороший рекламный ход. Он коротко мне кивнул. Рядом с ним на возвышении сидел шериф Марти Шустер. К моему удивлению, он оказался маленьким сморщенным человечком. По его виду никто бы не подумал, что такой страж порядка способен арестовать даже опоссума. Но внешность была

обманчива. Я не раз слышала, что шериф Шустер раскрыл свою долю черепов. Однажды утром Джим Бокс сказал мне, что секрет шерифа заключается в следующем: он всегда бьет первым и изо всех сил.

Клод и Марти Шустер делили возвышение с человеком, в котором я заподозрила церковного пастора, — невысоким квадратным мужчиной с полными достоинства сердитыми глазами. В руках он держал Библию.

Мое внимание привлекло еще одно светлое лицо. Муки Престон тоже была здесь. Она сидела одна. Когда вошла Ланетт Гласс, они с Престон долго смотрели друг на друга, потом Ланетт пристроилась рядом с другой учительницей.

Я увидела Седрика, своего механика, и Рафаэля Раундтри, сидевшего рядом с женой. Седрик удивленно улыбнулся и помахал мне. Приветствие Рафаэля было сдержанным, а его жена просто молча уставилась на меня.

Собрание шло так же, как и многие другие мероприятия с нечетко определенной целью. Оно открылась столь горячей молитвой, что я почти ожидала — Бог немедленно коснется сердца каждого, наполнит его любовью и пониманием. Если Господь и проделал такое, быстрых результатов это не дало.

Всем было что сказать. Все хотели говорить немедленно, сердились, поминая голубые листки, и желали знать, что предпринимают на сей счет шеф полиции и шериф. Представители закона скучно и длинно объясняли, что ничего не могут поделать. Мол, изложенные в листках тезисы не были непристойными, не содержали ясного и неприкрытого подстрекательства к насилию. Конечно, большинство людей в церкви такой ответ не удовлетворил.

По крайней мере три человека пытались говорить, когда встала Ланетт Гласс.

Постепенно воцарилась полная тишина.

— Мой сын мертв, — сказала Ланетт.

Ее очки поймали резкий флуоресцентный свет и сверкнули. Матери Дарнелла, вероятно, еще не минуло пятидесяти, у нее были приятная, чуть полноватая фигура и хорошенькое круглое лицо. В коричнево-кремовом с черным брючном костюме она казалась очень печальной и сердитой.

— Вы станете говорить: «Мы не знаем, не можем такого предполагать», но всем нам известно наверняка, что Дарнелла убили те же люди, которые раздают эти бумажки.

— Мы не вправе утверждать этого, миссис Гласс, — беспомощно произнес Марти Шустер. — Я соболезную вашему горю. Убийство вашего сына — одно из трех, случившихся в городе. Департамент шерифа работает над этим. Поверьте, мы действуем, хотим выяснить, что именно случилось с вашим сыном, но не можем очертя голову обвинять людей, которых даже не идентифицировали.

— Я могу, — ответила она категорично. — А еще я знаю, о чем думают все присутствующие, как черные, так и, наверное, белые тоже. Если бы Дарнелла не убили, не погиб бы и Лен Элгин, а может, и Дел Пакард. Я хочу знать, что мы, черная община, собираемся делать со слухами о вооруженной милиции в нашем городе, о белых людях со стволами, которые нас ненавидят.

Я с интересом ожидала ответа. Вооруженная милиция? Проблема заключалась в том, что почти каждый белый мужчина в городе, да и черный тоже, уже имел оружие.

Пистолеты были не такой уж редкостью в этом месте, где множество горожан почитали мудрым иметь при себе что-нибудь, отправляясь в Литтл-Рок. Если требовалось

первоклассное оружие, его можно было купить в «Спортивных товарах Уинтропа». Пистолеты продавались в «Уол-марте», в любом ломбарде, да почти где угодно в Шекспире. Поэтому слово «вооруженная» меня не слишком шокировало, зато «милиция» — очень даже.

Я не слишком удивилась, когда Клод и Марти Шустер начали протестовать насчет того, что знают что-либо о вооруженной милиции в нашем прекрасном городе.

Собрание по сути закончилось, но никто не хотел этого признавать. У всех еще оставалось что сказать, хотя и не нашлось никакого решения проблемы. Сделать это было попросту невозможно. Несколько крепких орешков все еще пытались заставить представителей закона сделать заявление, обязывающее искоренить группу, явно подстрекающую белых жителей Шекспира совершить некие действия против темнокожих обитателей городка, но Марти и Клод не позволили прижать себя к стене.

Люди поднялись и, шаркая, двинулись к выходу. Я увидела Марти Шустера, Клода и судью. Они шли слева от меня.

Я постояла, восхищаясь резной кафедрой у выхода справа, прежде чем шагнула в проход между скамьями. Застегнув пальто, я натянула черные кожаные перчатки. Неожиданно я почувствовала ладонь на своей руке, повернулась и встретилась с глазами Ланетт Гласс, увеличенными линзами очков.

— Спасибо, что помогли моему сыну, — сказала она и твердо посмотрела на меня, но вдруг глаза ее наполнились слезами.

— Я не смогла помочь, когда это было важно, — ответила я.

— Вы не должны себя в этом винить, — ласково произнесла она. — Не сосчитать, сколько раз я плакала с тех пор, как он погиб, думая, что могла как-то предостеречь его, каким-то образом спасти. Я могла бы сама отправиться за молоком, вместо того чтобы просить его съездить в магазин. Именно тогда его схватили, знаете, на парковке... По крайней мере, там нашли машину.

Да, совсем новую, все еще со смятой решеткой.

— Но вы дрались за него, — тихо сказала Ланетт. — Из-за него вы пролили кровь.

— Не делайте меня лучше, чем я есть, — категорически заявила я. — Вы храбрая женщина, миссис Гласс.

— Не делайте меня лучше, чем я есть, — тихо повторила Ланетт Гласс мои слова. — Я поблагодарила черного морского пехотинца на следующий день после драки, но до сегодняшнего вечера ни разу не выразила признательность вам.

Я смотрела на пол, на свои руки, на что угодно, лишь бы не видеть больших карих глаз Ланетт Гласс. Когда я подняла взгляд, она уже исчезла.

Толпа медленно продолжала двигаться к выходу. Люди разговаривали, качали головами, натягивали пальто, шарфы и перчатки. Я шла вместе с остальными, погруженная в свои мысли, потом оттянула рукав, чтобы посмотреть на часы: восемь пятнадцать. Через открытые двери можно было видеть тесную толпу в вестибюле. Люди колебались, прежде чем выйти на холод. Между мной и дверями было человека три и как минимум шестеро — позади меня. Дородная женщина слева повернулась ко мне, чтобы что-то сказать. Я так никогда и не узнала, что же именно.

Взорвалась бомба.

Не могу припомнить, поняла ли я сразу, что произошло, или нет. Когда я пытаюсь это сделать, у меня начинает болеть голова. Но я, должно быть, повернулась и каким-то образом почувствовала, что возвышение разрушено.

Могучий ветер толкнул меня сзади, и я увидела, как голова женщины отделилась от тела, когда ее шею перерубило блюдо для жертвоприношений. На меня брызнула ее кровь, когда обезглавленное тело рухнуло, а голова и я полетели вперед. Мое толстое пальто и шарф слегка смягчили ударную волну, как и тела людей, находившихся позади меня.

Деревянные церковные скамьи также отчасти приняли на себя удар, но они, конечно, превратились в щепки, причем смертельно опасные. Некоторые обломки были большими, как копья, и такими же смертоносными.

Грохот меня оглушил, и я полетела вперед в тишине. Все случилось одновременно, слишком многое, чтобы все уловить... Голова женщины летела со мной. Мы вместе направлялись в загробный мир.

Я лежала на правом боку на чем-то неровном, а на меня навалилось что-то еще. Я промокла до костей. В церковь врвался холодный ветер, здесь и там мерцали язычки пламени. Я наблюдала за огнем и гадала, почему мне так холодно. Потом осознала, что, слегка повернув голову, могу увидеть звезды, хотя нахожусь в помещении. Это было чудесно, и я решила, что должна кому-нибудь об этом рассказать. Огни погасли, но все равно я кое-что могла разглядеть.

Я чувствовала дым, резкий запах крови. Все это перекрывала тяжелая вонь химикалий, совершенно незнакомая мне.

«Дела плохи», — подумала я.

Я совсем ничего не слышала, поэтому ситуация становилась еще более сюрреалистической.

Одни мои органы чувств были в полном смятении от случившегося, другие совсем отказали. Мне нетрудно было убедить себя в том, что я просто вижу кошмарный сон.

Думаю, на несколько минут я потеряла ориентацию, потом до известной степени собралась. Я понимала, что рядом кто-то есть, чувствовала движения, но ничего не слышала.

Страдая от боли, я перевернулась на спину, приложила ладони к тому, что лежало у меня на груди, и толкнула. Оно сдвинулось. Я попыталась сесть, но снова упала. Больно.

В полумраке надо мной появилось чье-то лицо. Ланетт Гласс. Она что-то говорила. Я это видела, потому что губы ее шевелились.

Наконец женщина, кажется, осознала, что я ее не понимаю, и медленно задвигала губами.

Я решила, что она спрашивает: «Где... Муки?» — и вспомнила, что видела Престон чуть раньше. Она находилась на другой стороне помещения, когда вышла из церкви в вестибюль. Кстати, вот где я — в АМЕ церкви Голгофы.

— Вы слышите меня? — спросила я Ланетт.

Сама я себя не слышала. Это было чрезвычайно странно. Мне вспомнились посещения стоматолога — как ты не чувствуешь своих губ, когда он пломбирует зуб. На минуту мысли мои спугались.

Ланетт потрясла меня. Она неистово кивала. Мне потребовалось еще мгновение, чтобы осознать: она дает понять, что слышит меня. Отлично!

— Муки на другой стороне церкви, в вестибюле, — ответила я, улыбнувшись.

Ланетт исчезла.

Я гадала, смогу ли встать и отправиться в тепло, в душ. Я попыталась перекатиться на колени, оттолкнулась от того, что лежало подо мной, чтобы перевернуться обратно на

живот. Справившись с этим, я увидела, что лежу на теле девочки лет десяти — двенадцати. Ее волосы были старательно украшены бусинами. Из шеи торчал острый обломок деревяшки, глаза были пусты.

Я заставила себя не думать об этом.

Подтянувшись на опрокинутой скамье, я прислонилась спиной к другой. Странно, их тут так много.

Потом мне подумалось: «Церковь. Церковные скамьи».

Я выпрямилась. Все вокруг качалось, и мне пришлось держаться за спинку скамьи. Нет, вообще-то за ножку, поскольку скамья была перевернута. Я заподозрила, что вспышки перед моими глазами означают, что я слепну, но они были голубыми.

Я посмотрела через церковь в вестибюль, на выход — все двери оказались распахнуты настежь. Нет. Их больше не было. Может, я вижу полицейские машины? Ведь в такой чрезвычайной ситуации они должны помочь?

Как мне выбраться из этого места? Хотя электричество в церкви выключилось, снаружи по-прежнему горел большой уличный фонарь, и свет его пробивался сквозь дыры в крыше. Вокруг меня в нескольких местах виднелись язычки пламени, хотя я не слышала потрескивания огня.

Я вспомнила, что сильная и должна позаботиться о других. Что ж, девочке подо мной это было уже не нужно. Я помогла Ланетт, сказав ей, где в последний раз видела Муки. Посмотрите, что случилось, — Ланетт ушла. Может, я просто должна заняться собой, а?

Но потом я подумала о Клоде, о том, что должна найти его и помочь ему. Мне казалось — теперь моя очередь поступить так.

Я сделала шаркающий шаг. Теперь у меня появилась цель. Левая нога очень сильно болела. Этому вряд ли стоило удивляться, хотя от такого понимания легче не становилось.

Я невольно взглянула вниз и увидела порез, очень длинный, тянувшийся вдоль бедра. Меня ужаснуло, что сейчас я разгляжу еще один торчащий обломок, но ничего такого не оказалось. Все же порез кровоточил. Мягко говоря.

Я сделала еще шаг, не понимая, по чему иду. Я чувствовала, как вибрирует мое горло, знала, что издаю какие-то звуки, но не слышала их — и прекрасно. Лучше уж так. Лучи уличного фонаря, пробивающиеся сквозь крышу, имели сюрреалистический вид из-за пыли, которая в них плыла.

Я осторожно пробралась через обломки там, где всего минуту назад все было в полном порядке. Мертвые, умирающие, изувеченные лежали в тех же местах, где стояли целые, чистые, живые люди.

Один раз у меня подогнулась нога. Я упала и снова встала. Я видела, как шевелятся люди. Один мужчина поднялся на колени. Я услышала его и протянула руку. Он посмотрел на нее так, как будто никогда в жизни не видел ничего подобного. Взгляд его скользнул по руке к моему лицу, и он резко вздрогнул. Я поняла, что скверно выгляжу. Он и сам смотрелся не ахти — весь в пыли, с оторванным рукавом. Кровь текла из глубокой раны на его руке.

Мужчина ухватился за мою ладонь, я потянула, и он встал. Кивнув ему, я пошла дальше.

Я нашла Клода в дальнем приделе церкви, там, где видела его в последний раз, когда он разговаривал с шерифом и судьей. Я находилась ближе к взрыву, случившемуся в восточном конце церкви, но шериф и судья оказались мертвы. Один из больших светильников, имеющий форму бруска, упал с потолка и угодил прямо в них. Клод, должно быть, на шаг

опередил судью и шерифа. Этот длинный тяжелый брусок прижал его ноги. Он лежал на животе. Руки и затылок Клода были покрыты обломками, белой пылью и темно-красной кровью. Он не двигался.

Я прикоснулась к его шее, не в силах вспомнить, почему так поступаю, и начала отталкивать длинный светильник, пригвоздивший ноги.

Мне было ужасно больно и отчаянно хотелось лечь. Но я чувствовала, что это будет неправильно, плохо, а потому продолжала тянуть и толкать светильник.

В конце концов я убрала его с ног Клода. Он шевельнулся, приподнимаясь на руках.

Я сумела увязать в голове вспышки голубого света и Клода. Несколько пятен мелькали вокруг, ловя миллионы пылинок. Я подумала, что мне просто мерещится, но постепенно поняла: это горят фонарики в руках спасателей.

Мне думалось, что они сперва захотят вынести тяжелораненых, но, должна признаться, я очень хотела домой, в душ. Может, «скорая помощь» подбросит меня? Я была вся липкая, от меня несло, и мне жутко хотелось спать. Вдруг мы с Клодом сможем поехать вместе, ведь живем-то совсем рядом друг с другом?

Я опустилась возле него на колени, наклонилась и посмотрела в лицо.

Его терзала боль, глаза были широко раскрыты. Когда он увидел меня, его губы начали шевелиться. Улыбнувшись, я покачала головой, давая понять, что ничего не слышу. Его губы раздвинулись.

Я поняла, что Клод вопит, и устало подумала: «Ох, мне снова надо встать».

Я кое-как сумела подняться, но чувствовала себя слишком плохо, чтобы идти. Сделав несколько шаркающих шагов, я увидела человека, стоявшего впереди, в неверном полумраке. Тот круто повернулся, и меня ослепила внезапная вспышка его фонарика. Это был Тодд Пикард, который что-то мне говорил.

— Ничего не слышу, — ответила я.

Он провел по мне лучом фонарика с головы до ног и обратно. Когда я снова увидела его лицо, копа как будто тошнило.

— Я знаю, где Клод, — сказала я. — Вам ведь нужен он, верно?

Тодд Пикард посветил фонариком на себя и выговорил, отчетливо двигая губами:

— Где он?

Я взяла его за руку, потянула, и он пошел за мной.

Я указала на Клода.

Тодд повернулся в другую сторону, и я увидела, как он поднес руку ко рту. Его губы шевелились, он вопил, что тут нужна помощь. Клод все еще был жив, он двигал руками.

Я наклонилась, чтобы ободряюще похлопать его, а затем просто свалилась и уже не встала.

Не помню, как оказалась на носилках, зато не забыла, как тряслась, когда меня несли. Помню ослепительные лампы в отделении экстренной помощи, Кэрри, всю в белом, такую чистую и спокойную с виду.

Она пыталась задавать мне вопросы. Я продолжала качать головой, ничего не слыша.

— Оглохла, — в конце концов сказала я, и губы ее перестали шевелиться.

Люди вокруг меня были очень заняты, в коридоре больницы царил чуть ли не хаос. Я совершенно не возражала бы по этому поводу, вот только мне нельзя было принимать болеутоляющее, пока Кэрри меня не осмотрит.

Я то отключалась, то снова приходила в себя и видела, как люди движутся туда-сюда по коридору, как мимо проезжают каталки, проходят все городские доктора и почти весь самый разношерстный медперсонал.

Потом — что было слегка странно — я почувствовала пальцы на своем запястье. Кто-то проверял мой пульс. В этом не было ничего экстраординарного, но я знала, что должна открыть глаза, и с усилием сделала это. Надо мной склонился детектив. Он был невероятно чистым.

Оказалось, я уже кое-что слышу, хотя и слабо. А еще я могла читать по губам.

— У вас болит голова? — спросил он.

— Не знаю, — медленно ответила я, с большим трудом выговаривая каждое слово. — Нога болит.

Он посмотрел на нее и сказал с очень сердитым видом:

— Им придется наложить швы. Кому я могу позвонить и рассказать о вас? Кто-то должен быть здесь с вами.

— Никому, — ответила я.

Мне было трудно говорить.

— У вас все лицо в крови.

— Женщину рядом со мной... — Я не смогла вспомнить слово «обезглавило». — У нее отсекло голову, — сказала я и снова закрыла глаза.

Когда некоторое время спустя я их открыла, детектив уже исчез.

Я почти не осознавала, как Кэрри накладывает мне швы, и удивилась, когда поняла, что нахожусь в рентгеновском кабинете.

Если не считать этих небольших вылазок, я всю ночь провела в коридоре. И прекрасно. Все палаты были забиты самыми тяжелыми ранеными, и по непрерывному потоку медперсонала я могла догадаться, что некоторых отправляют в Монтроуз или Литтл-Рок.

Время от времени входила Кэрри, трясла меня, будила, чтобы проверить зрачки. Медсестры измеряли мой пульс и давление, а мне больше всего хотелось, чтобы меня оставили в покое. Но больницы — не те места, где такое возможно.

Открыв глаза в очередной раз, я через стеклянные двери отделения экстренной помощи увидела свет бледного дождливого утра. Рядом с моей каталкой стоял человек в костюме и смотрел на меня сверху вниз. У него тоже был такой вид, будто его слегка подташнивает. Мне уже до смерти надоели люди, которые так на меня смотрят.

— Как вы себя чувствуете, мисс Бард? — спросил он, и я услышала его, хотя голос звучал странно, смахивая на гудение пчелы.

— Не знаю. Я не могу понять, что со мной случилось.

— Взорвалась бомба. В церкви Голгофы.

— Верно.

Я приняла это на веру, но впервые мысленно произнесла слово «бомба». Бомба, сделанная человеком. Кто-то и впрямь устроил это нарочно.

— Я Джон Беллингем. Из ФБР.

Он показал мне удостоверение, но у меня все слишком перепуталось в голове, чтобы понять, какое именно. Я перебаривала услышанное, пытаюсь все осознать. Мне подумалось, что, поскольку Клод и шериф выбыли из строя, ФБР вызвали для поддержания порядка. Потом мои мысли слегка прояснились. Бомба в церкви. Гражданские права. ФБР.

— Хорошо.

— Вы можете описать, что произошло прошлым вечером?

— Церковь взорвали, когда мы уходили.

— Почему вы пришли на это собрание, мисс Бард?

— Мне не нравятся голубые листки.

Он посмотрел на меня так, будто я спятила, и уточнил:

— Голубые листки?

— Бумаги, — сказала я, начиная сердиться. — Голубые листки бумаги, которые суют всем под «дворники» на лобовое стекло.

— Вы активистка, боретесь за гражданские права, мисс Бард?

— Нет.

— У вас есть друзья в черной общине?

Я задумалась, может ли Рафаэль считаться моим другом, и решила, что да, и осторожно проговорила:

— Рафаэль Раундтри.

Кажется, агент все это записывал.

— Вы можете выяснить, в порядке ли он? — спросила я. — И Клод? Он жив?

— Кто?..

— Шеф полиции, — сказала я.

Я не могла вспомнить фамилию Клода, из-за чего чувствовала себя очень странно.

— Да, он жив. Вы можете описать своими словами, что случилось в церкви?

— Собрание длилось долго. Я посмотрела на часы. Было восемь пятнадцать, когда я уходила, направляясь по проходу, — медленно произнесла я.

Агент все это тоже записал.

— Часы все еще на вас?

— Можете посмотреть и проверить, — равнодушно ответила я.

Мне не хотелось шевелиться. Он оттянул простыню вниз и посмотрел на мою руку.

— Они здесь.

Беллингем вытащил носовой платок, послюнявил его и потер мое запястье. Я поняла, что он отмывает циферблат.

— Простите, — извинился Джон, сунул платок в карман, и я увидела, что он испачкан.

Агент склонился надо мной, пытаюсь разглядеть время, не трогая меня.

— Эй, да они все еще тикают, — жизнерадостно сказал он и сверил мои часы со своими. — Показывают верное время. Итак, было восемь пятнадцать, и вы уходили?

— Женщина рядом со мной собиралась что то сказать. А потом у нее не стало головы.

Агент выглядел серьезным и подавленным, но он понятия не имел, каково это. Я об этом задумалась, но и сама плохо понимала, не могла точно вспомнить... Я видела сверкающий край блюда для пожертвований, поэтому рассказала о нем Джону Беллингему. Я вспомнила, как со мной говорила Ланетт Гласс, и упомянула об этом, сказала, как помогла человеку встать, и знала, что прошла через церковь, чтобы найти Клода. Но я отказалась вспоминать, что видела во время своего путешествия, и по сей день не хочу этого делать.

Я рассказала Джону Беллингему, как нашла Клода и привела к нему Тодда.

— Это вы убрали светильник с его ног? — спросил агент.

— Полагаю, да.

— Вы сильная леди.

Он задал мне много других вопросов о том, кого я видела, конечно, прежде всего из

белых людей, где сидела... Ла-ла-ла-ла.

— Узнайте насчет Клода, — велела я ему, устав от беседы.

Вместо этого он послал ко мне Кэрри.

Она так устала, что у нее посерело лицо. Белый халат Кэрри теперь стал грязным, очки были заляпаны отпечатками пальцев. Я была рада ее видеть.

— У тебя на ноге длинный порез. Несколько стежков и кусков лейкопластыря удерживают края раны. Еще у тебя легкое сотрясение мозга. По всей спине и на заднице синяки. Тебя явно чиркнуло по голове щепкой. Это одна из причин, почему ты выглядела так ужасно, когда тебя сюда принесли. Еще одна щепка отсекла тебе кусочек уха. Ты не будешь по нему скучать. В нескольких местах содрана кожа, но ничего серьезного, хотя все ссадины болезненные. Просто не верится, но сломанных костей нет. Как у тебя со слухом?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Все звуки кажутся жужжащими, — с усилием произнесла я.

— Да, могу вообразить. Это пройдет.

— Значит, я могу уйти домой?

— Как только мы досконально разберемся с сотрясением мозга. Вероятно, через несколько часов.

— Вы же не собираетесь выставить мне счет за палату, поскольку я всю ночь провела здесь, в коридоре, да?

— Не-а, — засмеялась Кэрри.

— Хорошо. Ты же знаешь, у меня совсем небольшая страховка.

— Знаю.

Кэрри договорилась, чтобы меня оставили в коридоре.

Я почувствовала прилив благодарности и спросила:

— А что с Клодом?

— У него очень серьезный перелом ноги в двух местах, — начала Кэрри с посерьезневшим лицом. — Как и у тебя, сотрясение мозга. Он временно оглох. У него серьезно рассечена рука и отбиты почки.

— С ним все будет в порядке?

— Да, — ответила Кэрри. — Но очень нескоро.

— Ты, случайно, не лечила моего друга Рафаэля Раундтри?

— Нет. Или же лечила, да не запомнила его имени, что вполне возможно. — Кэрри зевнула, и я поняла, насколько она измучена. — Но я его поищу.

— Спасибо.

Через несколько минут пришла медсестра и сказала, что Рафаэлю оказали помощь и выпустили из больницы прошлой ночью.

Спустя пару-тройку часов женщина, добровольно помогавшая в больнице, подбросила меня к моей машине, все еще припаркованной в паре кварталов от развалин церкви Голгофы. Она была довольно вежлива, но я все понимала. Эта особа считала, будто я заслужила почти все то, что со мной случилось, пойдя на собрание в церковь черных. Ее поведение меня не удивило, и мне было совершенно на него плевать.

Мое пальто осталось в мусорной корзине, потому что сзади превратилось в клочья. В больнице мне дали огромную старую трикотажную куртку с капюшоном. Я с благодарностью в нее завернулась и знала, что выгляжу позорно. Моя обувь была в дырках, голубые джинсы обрезали, чтобы позаботиться о ноге, поэтому на мне были тренировочные

шпаны, еще более старые, чем куртка.

Хорошо, что пострадала левая нога, ведь это значило, что я могу вести машину. Идти пешком, черт возьми, даже шевелиться было больно. Мне так хотелось очутиться дома, запереться в своем обиталище, что я едва смогла выдержать дорогу.

Я припарковалась под собственным навесом для машины и отперла кухонную дверь с таким огромным облегчением, что почти могла ощущать его на вкус.

Меня ожидала кровать с чистым бельем и твердыми подушками, и никто не тряс, чтобы разбудить и проверить зрачки, но я не могла лечь в постель такой грязной.

Я посмотрела в зеркало, висевшее в ванной, и изумилась, что кто-то сумел выдержать мой вид. Меня слегка умыли, но госпиталь был так переполнен ранеными, что подобные процедуры не значились в списке первоочередных задач. Все лицо у меня было покрыто кровью, брызги закрепились в волосах, на шее засох ручеек там, где натекло из уха, рубашка и лифчик оказались в пятнах и всюду источали самые разные запахи... Обувь придется выбросить.

Я потратила немало времени на то, чтобы полностью раздеться, швырнула остатки одежды и обуви в пластиковый мешок, выставила его за кухонную дверь и с трудом похромала в ванную комнату, чтобы обтереться. Залезть в ванну было невозможно, к тому же мне не полагалось мочить швы.

Я стояла на полотенце перед унитазом, намыливаясь одной тряпкой, а другой споласкиваясь до тех пор, пока не стала выглядеть и пахнуть почти как всегда. Я даже вымыла таким же образом волосы. После этого я могла сказать о них лишь одно: они стали чистыми. Я покрыла антисептической мазью рану на голове и выбросила сережку, которая уцелела в правом ухе. Левую вынули в больнице, занимаясь моим пострадавшим органом слуха. Я понятия не имела, где она, и совершенно этим не интересовалась.

Я хорошенько рассмотрела левое ухо, чтобы убедиться в том, что все еще могу носить пару сережек. Да, это было реально, но мне требовалось отрастить волосы подлиннее, чтобы прикрыть мочку до середины. Там навсегда останется метка.

В конце концов, еле способная передвигаться, напичканная лекарствами, все еще чувствуя странное эмоциональное оцепенение, я смогла опуститься на кровать и отрегулировала телефонный звонок, сделав его как можно тише, но не выключив. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь сюда вломился, желая проверить, не умерла ли я. Потом я очень осторожно легла и позволила наступить темноте.

Мне пришлось пропустить два с половиной рабочих дня, а воскресенье у меня в любом случае было выходным. Стоило бы остаться дома и в понедельник, а то и во вторник, но я знала, что должна расплатиться с больницей за посещение отделения экстренной помощи и с Кэрри — за лечение. Я всегда рассчитывалась с ней тем, что у нее убирала, но не хотела, чтобы мой долг стал слишком большим.

В этот понедельник было куда легче работать у тех клиентов, которые отсутствовали, когда я приходила. Те, кто оказался в своих квартирах, пытались отослать меня домой.

Бобо заглянул ко мне в тот вечер, когда меня выпустили из больницы.

— Откуда ты узнал? — спросила я.

— Новый парень сказал, что тебе может понадобиться помощь.

Я была слишком измучена, чтобы задавать вопросы, и чересчур подавлена. Меня ничего не заботило.

Потом Бобо тоже приходил каждый день. Он приносил почту и газеты, сооружал для меня сэндвичи, да такие толстые, что их почти невозможно было прожевать.

Как-то вечером заехала Кэрри, но я почувствовала себя виноватой, потому что у нее был очень усталый вид. Больница все еще была переполнена.

— Сколько погибших? — спросила я, откидываясь на спинку кресла.

Кэрри сидела в голубом кресле со спинкой в форме крыла.

— Пока пятеро, — ответила она. — Если бы бомба взорвалась на пять минут позже, возможно, погибших не было бы вовсе, только несколько раненых. На пять минут раньше — и жертв стало бы очень много.

— Кто погиб? — спросила я.

Кэрри принесла местную газету и зачитала имена. Никого из моих знакомых — чему я была рада.

Я спросила о Клоде, и Кэрри сказала, что ему лучше. Но, судя по тону, ее не очень радовали его достижения.

— В любом случае меня беспокоит, как он отправится домой один. Ведь Фридрих живет на втором этаже.

— Перенесите его вещи в пустую квартиру на первом, — устало произнесла я. — Она точно такая же, как его нынешняя. Скажи всем сотрудникам полиции, что они должны прийти и помочь. Не спрашивай Клода, хочет ли он этого. Просто устрой переезд.

Взглянув на меня с толикой веселья, Кэрри медленно сказала:

— Хорошо.

Кэрри предложила, чтобы я несколько дней, пока не уменьшатся припухлость на ноге и боль, ходила с тростью, и я с радостью взяла палку, которую она мне одолжила.

Тем же вечером, после ее ухода, явился Маршалл и пришел в ужас, увидев, как я хромаю. Он принес три фильма, которые записал для меня с ХБО^[26] и еду, купленную в местном ресторанчике.

Я обрадовалась и тому и другому. Сейчас мне не хотелось ни стоять, ни думать. Когда Маршалл ушел, я заметила, что он направился к соседнему дому, и догадалась — он идет к Бекке Уитли. Мне было плевать.

Меня позабавила Джанет, заглянувшая в воскресенье к ланчу. Я еще никогда не видела ее в платье, но Шук была в церкви и вырядилась в темно-голубое, очень милое. Она принесла мне кастрюлю тушеного мяса и ковригу хлеба, помогла побрить ноги и как следует вымыть голову — две проблемы, беспокоившие меня до безумия.

Вернувшись в понедельник к делам, я не то чтобы работала хорошо, но бралась за все, что было в моих силах. Так и следовало поступать. Я пообещала себе сделать что-нибудь сверх положенного во искупление того, что ухажу, недостаточно хорошо выполнив кое-какие из своих обязанностей.

Я весь день пыталась приберечь немного энергии, а после работы поехала в больницу. К тому времени мне было очень больно, но я знала: если сперва отправлюсь домой и приму болеутоляющее, то уже не смогу уговорить себя выйти. Я предвкушала, как приму самые сильные болеутоляющие таблетки. Кэрри сказала, что их можно использовать только в том случае, если я точно уже никуда не пойду.

В правой руке я держала высокую тонкую вазу с цветами, в левой — трость, поэтому была рада, что двери открываются автоматически. Время от времени устраивая передышку, я добралась до палаты Клода.

Обе руки у меня были заняты, я не могла постучать, поэтому окликнула через приоткрытую дверь:

— Клод! Можно войти?

— Лили? Конечно.

По крайней мере, он теперь как будто лучше слышал.

Я открыла дверь, боднув ее, и прохромала в комнату.

— Проклятье! Девочка, лучше мне подвинуться и позволить тебе прилечь рядом, — устало сказал Клод.

Хорошенько рассмотрев его, я была потрясена. Лицо нездорового цвета, волосы торчат. Но он был хотя бы выбрит. Правые нога и рука в гипсе и в повязках. Фридрих явно похудел.

К своему ужасу, я почувствовала, как по щекам моим катятся слезы.

— Я и не знал, что настолько плохо выгляжу, — пробормотал Клод.

— Просто той ночью, когда тебя увидела, я подумала, что ты мертв.

— Говорят, ты оказала мне услугу.

— Ты столько для меня сделал.

— Тогда давай считать, что мы в расчете. Больше никаких взаимных спасений.

— Мне это нравится.

Я опустила в кресло рядом с кроватью, потому как чувствовала себя чертовски плохо.

Тут рысцой вбежала Кэрри, двигаясь быстро, как всегда, с самым профессиональным видом.

— Навещаю двух вместо одного, — заметила она. — Я просто зашла перед концом рабочего дня, чтобы проверить, как ты, Клод.

Тот ей улыбнулся, и внезапно Кэрри стала выглядеть в первую очередь женщиной, а потом уже доктором. Я почувствовала себя лишней.

— Мне лучше, чем вчера, — пророкотал Клод. — Убирайся отсюда и отдохни, не то будешь выглядеть такой же вымотанной, как Лили. А ведь она не была весь день на работе.

— Нет, была.

Оба посмотрели на меня так, будто никогда еще не встречали подобную дуру. Я почувствовала, как затвердело мое лицо.

— Лили, ты снова окажешься в постели, если не отдохнешь, — сказала Кэрри.

Ей явно стоило огромного усилия говорить ровным тоном.

— Мне надо идти, — ответила я и поднялась, пусть с трудом, но скрывая, как мне тяжело.

Я рассчитывала посидеть подольше, прежде чем вернуться к своей машине.

Я вышла, стараясь не хромать и не преуспев в этом. Мне было грустно, и я начинала сердиться.

Впервые за много лет, стоя у дверей больницы и видя, как далеко припаркована моя машина, я захотела, чтобы кто-нибудь облегчил мне жизнь. Даже подумала, не позвонить ли родителям насчет помощи, но я так долго ни о чем их не просила, что уже отвыкла это делать. Они наверняка приехали бы. Но им пришлось бы брать комнату в мотеле на обходной дороге, и они увидели бы все в моем доме, мою жизнь крупным планом. В конце концов мне показалось, что от их визита будет больше беспокойства, чем подмоги. По письмам я знала, что моя сестра Серена по уши занята вечеринками в честь помолвки и приемами гостей. Свадьба должна была состояться сразу после Рождества. Серена станет негодовать на меня еще больше, если я отвлеку внимание на себя.

Что ж, я была слишком близка к тому, чтобы начать упиваться жалостью к себе. Я резко расправила плечи, уставилась на свою машину, сжала трость и пошла.

Две ночи спустя я получила неожиданный вызов.

Телефон ожил, когда я удобно свернулась в широком кресле, предназначенном для двоих, и наконец-то согрелась. Я уставилась в телевизор, укрывшись платком, который связала мне бабушка. Пронзительный звонок резко вернул меня к реальности. Я поняла, что не уловила ничего из того, что якобы смотрела, и подняла трубку.

— Мисс Бард? — Таким тоном спросила бы какая-нибудь старая императрица.

— Да.

— Это Арнита Уинтроп. Вы не могли бы приехать? Мне очень хотелось бы с вами поговорить.

— В какое время вы хотите меня увидеть?

— Что ж, юная леди, прямо сейчас будет для вас удобно? Я знаю, вы работаете, и уверена, что к вечеру крайне устали.

Я все еще была одета и пока не приняла болеутоляющую таблетку. Вполне можно было приехать и сегодня, хотя я понимала, что в ночь взрыва меня охватила апатия, которую мне никак не удавалось стряхнуть. Что ж, телом я выздоравливала. Мне не хотелось снова выходить сегодня из дому, но веской причины отказаться не нашлось.

— Я могу приехать сейчас. Не скажете, в чем дело? Вы хотите взять другую служанку?

— Нет. Наша Калли — член семьи, мисс Бард. Мне надо кое-что вам передать.

— Хорошо. Я приеду.

— Замечательно! Вы знаете, где мы живем? Белый дом на Партридж-роуд?

— Да, мэм.

— Тогда увидимся через несколько минут.

Я повесила трубку, напудрила нос, достала из шкафа лучшее пальто, без пятен и дыр, с пуговицами, а не на молнии. Это было все, что у меня осталось. Я смертельно устала, а потому взяла трость, хотя в тот день ухитрилась обходиться без нее.

Спустя несколько минут я, покинув центр Шекспира, но все еще находясь в городской черте, была уже у белого дома на Партридж-роуд.

Слово «дом» не передавало то, что представляло собой жилище старших Уинтропов. Точнее было бы сказать «особняк» или «поместье».

Я свернула на полукруглую подъездную дорогу, огибавшую огромный передний двор. Ее освещали фонари, установленные через равные промежутки с обеих сторон мощеной дороги. Лужи после прошедшего днем дождя блестели отраженным светом.

Я как можно быстрее поднялась по невысоким передним ступеням. Ветер жалил сквозь пальто и джинсы. Я прохромала по каменным плитам переднего портика, слишком замерзшая, чтобы в голову мне пришла мысль отступить назад и полюбоваться фасадом дома, и ткнула в кнопку дверного звонка.

Миссис Уинтроп сама открыла дверь. Рассмотрев хозяйку, я решила, что Арните Уинтроп, должно быть, между семьюдесятью и восьмьюдесятью. Она была одета в красивый наряд каштанового цвета, отчего ее ярко-белые волосы словно сияли. Миссис Уинтроп наложила легкий макияж, ее ногти были покрыты прозрачным лаком. Сережки этой дамы стоили столько же, сколько шестимесячная оплата за электричество в моем доме. Она была совершенно очаровательна.

— Входите скорее, там так холодно!

Когда я шагнула мимо нее в сияющее тепло холла, она взяла меня за руку и пожала ее коротко и легко.

— Я так рада наконец-то встретиться с вами, — сказала Арнита Уинтроп с улыбкой, взглянула на мою трость и вежливо не упомянула о ней.

Ее акцент с протяжными гласными, характерными для Южного Арканзаса, был самым сильным, какой я слышала за несколько лет. Благодаря ему все, что она говорила, казалось теплым и домашним.

— Мэри все время о вас рассказывала, — продолжала миссис Уинтроп. — Вы ей очень помогли, и она весьма высоко вас ценила.

— Она мне нравилась.

— Давайте-ка снимем с вас пальто. — К моему смущению, миссис Уинтроп стянула с моих плеч пальто и повесила его в удобный шкаф. — А теперь пойдете в гостиную. Мой муж и сын там выпивают.

Гостиная, как и следовало ожидать, оказалась такой же величины, как весь первый этаж Садовых квартир Шекспира. Я еще никогда не видела комнаты, настолько окупившей бы капиталовложения. На темной панельной обшивке висели звериные головы, никогда не продававшиеся со скидкой на «Домашнем складе». Цвета мебельной обивки и обоев были насыщенными и сочными. На ковер, лежавший от стены до стены, я могла бы смотреть часами, таким замысловатым и красивым был его узор.

Двое мужчин, сидевших в этой комнате, были далеко не столь привлекательными, как ее обстановка.

Хоувелл Уинтроп-старший напоминал маленького терьера. У него были седые волосы и худое, острое, настороженное лицо. В костюме с галстуком он выглядел так, словно это была его повседневная одежда. Мне подумалось, что он старше жены. Возможно, ему уже исполнилось восемьдесят. Судя по виду, Хоувелл-младший чувствовал себя далеко не так комфортно, как его отец. Откровенно говоря, вид у него был ужасный.

— Милый, это Лили Бард, — сказала Арнита Уинтроп таким тоном, как будто ее муж должен был обрадоваться, услышав это.

Она вела себя со мной как с ровней, пыталась выказать восторг оттого, что я приехала, а ее муж и сын без колебаний поднялись при моем появлении.

— Рад познакомиться, юная леди, — сказал старший Уинтроп, по голосу которого было ясно, как он стар. — Я слышал о вас много хорошего.

Но его тон говорил: «много любопытного», а не то, что прозвучало вслух.

Мы с Хоувеллом-младшим обменялись кивками. Я не видела этого человека с того самого дня, как в его дом проникли взломщики. Он посмотрел на меня очень странным, чересчур уж пристальным взглядом. Я почувствовала, что Хоувелл пытается что-то передать мне без слов.

С каждой секундой ситуация становилась все более запутанной. Что он хочет мне сказать — или о чем промолчать? Почему? Могу ли я найти в себе силы озаботиться этим?

— Лили и я просто выйдем на минутку в другую комнату, — извинилась Арнита Уинтроп.

Я распознала тревогу под маской вежливости и камуфляжем ее дорогого наряда. Она тревожилась, причем очень сильно. Стало быть, таких людей тут было трое, включая меня. Муж Арниты казался спокойным, как огурец.

— Нет, дорогая, подожди минутку, — сказал Хоувелл-старший с величайшим добродушием. — Ты не можешь просто взять и увести из комнаты самую хорошенькую женщину, какую я видел за многие годы, прежде чем мне удастся хорошенько ее рассмотреть.

— Ах, какой ты! — ответила Арнита, великолепно имитируя такое же идеальное добродушие, и явно расслабилась. — Тогда присядьте, мисс Бард.

Она подала мне пример, опустившись на диван напротив двоих мужчин, сидевших в высоких креслах. Мне пришлось послушаться, чтобы не выглядеть дурочкой.

Я сожалела, что приехала. Мне хотелось домой.

— Мисс Бард, вы ведь были в церкви во время взрыва и в доме моего сына при этом столь загадочном взломе?

Я насторожилась, все мои чувства встрепенулись. Уинтроп-старший очень хорошо знал, что я там была.

— Да.

Он секунду подождал, когда я продолжу, и понял, что мне не хочется ничего говорить.

— Господи боже, — пробормотала Арнита. — Вы наверняка до смерти перепугались.

Я вздернула бровь.

Лоб Хоувелла-младшего был покрыт каплями пота.

Мне не хотелось говорить о церкви.

— Вообще-то, я не знала, что кто-то вломился в дом, пока этот тип не убежал. Наверное, я напугала его больше, чем он меня.

Я надеялась, что, упомянув о взломщике в единственном числе, я продемонстрирую свое полное невежество относительно истинного положения вещей. Хоувелл-младший смотрел на голову оленя, красующуюся на стене, но я смогла прочесть в его позе облегчение. Я дала правильный ответ.

При виде троих людей в этой комнате на меня накатило самое странное чувство. Мне казался весьма неправдоподобным тот факт, что я нахожусь в этом доме, в их компании. Это походило на падение в кроличью нору в «Алисе в Стране чудес». Не страдала ли я от неких странных последствий взрыва?

Хоувелл-старший счел мою последнюю реплику очень забавной.

— Вы хоть знаете, зачем они приходили, юная леди? Вам вообще известно, были они ниггерами или белыми?

Я привыкла относиться к людям снисходительно, но почувствовала, как у меня напряглась спина. Наверное, лицо тоже. Я сочла тон Хоувелла-старшего презрительным и оскорбительным. У меня появилось искушение упрекнуть старика, но оно исчезло при виде тревоги на лице хозяйки.

— Нет, — ответила я.

— Бог мой! Немногословная женщина, как это необычно, — захихикал Хоувелл-старший, но в его поблекших голубых глазах не было веселья.

Самый древний из ныне живущих Уинтропов привык к большому уважению.

— Вломиться в дом среди бела дня, — сказала Арнита, качая головой при мысли о зле, царящем в нынешнем мире. — Просто не могу себе представить, о чем они думали.

— Ох, мама!.. — сказал ее сын. — Они могли унести видеоплееры, видеокамеру, даже телевизор и получить за них столько денег, что им на много дней хватило бы на наркотики.

— Думаю, ты прав. — Арнита снова уныло покачала головой. — Мир несколько не

становится лучше.

Я подумала, что странно приводить такие доводы в моем присутствии, но, может, старшие Уинтропы были единственными людьми в Шекспире, не знавшими моей истории.

— Милая, мисс Бард знает, насколько жесток этот мир, — печально сказал муж Арниты. — Ее прошлое, и этот ужасный взрыв...

— Ох, дорогая! Простите, я совсем не хотела...

— Ничего, — ответила я, безуспешно стараясь, чтобы голос не звучал устало.

— Как ваша нога, мисс Бард? — спросил старик, говоривший так же измученно, как и я. — Насколько я понимаю, вы лишились части уха?

— Не самой важной, — ответила я. — А нога заживает.

Все Уинтропы издали сочувственные звуки.

Арнита воспользовалась паузой, наступившей после этого, и твердо заявила мужу и сыну, что нам с ней нужно кое-что обсудить. Тяжело поднявшись на ноги, я последовала за ней. Выпрямившись, она прошагала по коридору в комнату поменьше, личную гостиную Арниты. Помещение было декорировано в белых, бежевых и персиковых тонах. Вся мебель тут оказалась небольшой, как раз под стать маленькой Арните Уинтроп.

Я снова устроилась на удобном диване, и Арнита приступила к делу:

— Вы позволите называть вас Лили? У меня есть кое-что, оставленное вам Мэри.

Я молча это снесла. У Мэри вообще было мало имущества, и я решила, что Чак разберется с любыми случайными незаконченными делами, которые остались после нее.

Я кивнула, давая понять Арните, что она может продолжить, когда захочет.

— Вы приходили даже в те дни, когда не должны были работать у Мэри.

Я отвела глаза. Кому какое дело, когда я работала.

— Вы поймете, как она это ценила, только когда сами состаритесь, Лили.

— Она мне нравилась.

Я смотрела на картину маслом, изображавшую трех внуков Уинтропов. Почему-то мне казалось очень странным видеть лицо маленького Бобо в этой незнакомой обстановке. На картине Эмбер Джин куда больше походила на мать, чем на самом деле. Хоувелл-третий был долговязым и очаровательным.

— Конечно, Мэри всегда сознавала, что осталось немного, и Чак помогал ей вести сносную жизнь.

— Как ему и полагалось, черт возьми, — категорически заявила я, и наши глаза встретились.

— Тут я с вами полностью согласна, — сухо проговорила Арнита, которая мне почти нравилась. — Дело в том, что Мэри не смогла завещать вам деньги, чтобы поблагодарить за доброту, поэтому сказала мне, что хочет оставить вам это маленькое кольцо. Без всяких условий. Вы можете продать его или же носить, как захотите.

Арнита Уинтроп протянула мне потертую бархатную коробочку. Я взяла ее и открыла. Внутри лежало кольцо, настолько красивое и женственное, что я невольно улыбнулась. Его сделали в виде цветка с лепестками из розоватых опалов, жемчужину в центре окружали крошечные алмазы. У цветка было два листика — об этом можно было догадаться по паре темно-зеленых камней, которые, конечно же, не были настоящими изумрудами.

— Хорошенькая вещица, правда? — ласково спросила хозяйка.

— Да, — ответила я, и в голову мне сразу пришло, что я не помню среди вещей Мэри потертой бархатной коробочки.

А ведь все ее имущество было знакомо мне не один год.

Улыбка моя стала гаснуть. Мэри могла где-нибудь искусно спрятать кольцо, и все же...

— В чем дело?

Арнита подалась вперед, чтобы взглянуть на меня. На лице ее читалось глубокое участие.

— Ничего, — ответила я, чисто машинально скрывая свою тревогу. — Я рада, что у меня будет кольцо на память о ней. Если вы уверены, что она хотела мне его отдать. — Я поколебалась, прежде чем продолжить: — Не припоминаю, чтобы когда-нибудь видела на Мэри это кольцо.

— Она не носила его годами, думала, что оно слишком молодежное с виду для таких старых сморщенных женщин, какими мы с ней стали, — с комической гримаской ответила Арнита.

— Спасибо, — ответила я, не придумав ничего другого, встала и вынула из кармана ключи от машины.

Арнита выглядела слегка испуганной.

— Что ж, спокойной ночи, — проговорила я, понимая, что вела себя слишком поспешно и резко.

— Спокойной ночи, Лили. — Она встала, слегка оттолкнувшись от подлокотников кресла. — Позвольте проводить вас и принести ваше пальто.

Я запротестовала, но хозяйка твердо настаивала на выполнении всех требований учтивости.

Арнита открыла красивые двери в гостиную, поэтому мне пришлось попрощаться с Хоувеллами, старшим и младшим. Я не взяла с собой сумочку, поэтому держала ключи в руке. Хоувелл-младший заметил их и внезапно побелел.

Потом он встретился со мной глазами. У него был такой вид, словно его вот-вот стошнит. Я пришла в замешательство, что наверняка было заметно.

Да что творится со всеми этими людьми?

После минимума необходимых любезностей я вышла из комнаты, взяв возле дверей свое пальто из рук Арниты. Она проводила меня до крыльца и стояла на нем, пока я забиралась в машину. Потом почтенная дама помахала мне, крикнула, чтобы я правила поосторожней на мокрых улицах, поблагодарила за визит и выразила надежду, что скоро снова меня увидит. Лишь после этого она закрыла за собой дверь.

Качая головой, я вставила ключ в замок зажигания, включила фары и резко повернулась, пытаясь проследить за движением, которое уловила краешком глаза. Как можно быстрее я выбралась из машины и уставилась на темные кусты, окаймляющие дорогу. Я пыталась понять, что же такое видела, однако не собиралась кидаться с освещенной фонарями дороги в царящую снаружи темноту и, по правде говоря, не была уверена в том, что заметила живое существо. Может, просто тени передвинулись, когда я включила фары?.. Вдруг там собака или кот?

Медленно поехав по дороге, я осматривала кусты в попытке уловить какое-нибудь движение, но не увидела вообще ничего.

Вызов к Уинтропам и мой к ним визит были странными, какими-то удивительно неправильными. Меня мучило искушение обдумать проблемы, явно имевшиеся у данного семейства, но я зарабатывала себе на жизнь не тем, что впутывалась в разрушительные ссоры самой влиятельной семьи в округе. Пригнуть голову, не останавливаться! Мне нужно

попасть домой и написать это сотню раз.

Меня преследовало дурное чувство. Я уже была замешана в большую беду, чем могла себе вообразить.

Следующий день выдался настолько нормальным, что стал для меня облегчением. Я не могла удержаться и поглядывала из стороны в сторону, пока ехала с одной работы на другую, но меня хотя бы не мучило назойливое ощущение, что некто собирается выпрыгнуть на дорогу прямо передо мной.

Небольшие синяки на моем лице и руках поблекли, сделавшись тускло-баклажанового цвета, а самые худшие, на спине, по крайней мере уже не так болели. Ноге тоже стало лучше.

Порез на голове почти зажил, и отметина на ухе выглядела не так отвратительно.

У меня не было аппетита, поэтому я перехватила дома фруктов и решила вместо поездки на ланч сделать одну нужную покупку, которую откладывала несколько дней. Мои спортивные перчатки буквально расползались по швам. Может, я вернусь в «Телу время», если добуду новые. После взрыва я не качалась и не занималась карате.

Я понимала, что пока не в той форме, чтобы вернуться к обычным тренировкам, но могла делать скручивания на пресс или качать бицепсы.

Похоже, вся моя энергия уходила на то, чтобы заниматься самыми обычными делами. Иногда я могла поклясться, что мне нужно напоминать себе о необходимости дышать — настолько хлопотным это казалось. Новые перчатки, небольшой подарок, могли вернуть меня в прежнюю колею.

Поскольку моя улица представляет собой нижнюю часть U-образного тупика, мне пришлось ехать в «Спортивные товары Уинтропа» кружным путем. Если бы я захотела пройти пешком вверх по холму и пересечь железную дорогу за домом, то очутилась бы у сетчатой ограды, окружающей огромную заднюю парковку «Пиломатериалов и товаров для дома Уинтропа», примыкавших к такой же здоровенной площадке за магазином спорттоваров. Ограды и неровная почва делали подобную прогулку нецелесообразной, тем более теперь, когда я была настолько слаба. Поэтому я десять минут ехала через деловой центр Шекспира, а потом свернула направо, на Финли.

По дороге у меня было слишком много времени на раздумья, и я сердито хмурилась, подходя к передней двери «Спортивных товаров Уинтропа».

Когда я вошла, Дарси Орчад поднял глаза, покраснел, став почти такого же цвета, как его красная форменная футболка, и содрогнулся в преувеличенном ужасе.

— Тебе лучше улыбнуться, девушка! — окликнул он. — Ты разобьешь любое зеркало, если пройдешь мимо!

Я огляделась. Меня всегда поражали размеры и сложная планировка магазина Уинтропа. Помещение не раз переоборудовали. Теперь вокруг огромного центрального зала располагались специализированные отделы. Там имелись секции ружей и луков, охота с которыми была очень популярна в Шекспире. Слева продавались рыболовные принадлежности и товары для туризма. За аркой раскинулся открытый двор для водных мотоциклов, лодок, засидок^[27] и четырехколесников.

Но в главном зале было полно других товаров. Высокие стеллажи с камуфляжным снаряжением всех мыслимых оттенков зеленого и коричневого, от самого большого до размеров детской пижамки. Охотничьи шапки, изоляционные носки, специальные перчатки, термосы и переносные холодильники. Спасательные жилеты резали глаз неоновыми

оранжевым цветом, сушеная кукуруза для олених громоздилась в пятидесятифунтовых мешках, на вертикальных стойках были пристроены весла. Еще там красовалась целая выставка бутылок с жидкостями, благодаря которым начинаешь вонять мочой енота, оленихой в течке или скунсом.

Тут продавалась одежда для всех видов спорта, имелся даже небольшой лыжный отдел, поскольку богатые жители Шекспира отправлялись в Колорадо, когда там выпадал глубокий снег.

Каждый раз, приходя в этот магазин Уинтропа, я снова и снова удивлялась, что такое огромное заведение может процветать в маленьком Шекспире. Но окрестности города славились своей охотой. Люди являлись со всей страны и разбивали в чаще леса многочисленные лагеря. Перед свадьбой жених и невеста, как известно, вывешивали список подарков, которые хотели бы получить. Целые семьи являлись из Литтл-Рока, чтобы затариться в «Спортивных товарах Уинтропа». Ходили слухи, что Хоувелл-младший собирается начать рассылку каталогов.

Оглядываясь, я осознала, что Уинтроп должен быть несметно богат, по крайней мере на бумаге. Я уже видела свидетельства тому в размере дома, в котором жила его семья, в их одежде, ювелирных украшениях и игрушках. Но у меня просто захватывало дух при виде этого необозримого заведения, при мысли об огромном магазине товаров для дома и стройматериалов рядом, при воспоминании о том, сколько в округе заборов с надписями «Нефть Уинтропа. Входа нет», за которыми располагались работающие скважины. Сколько денег должно лежать на счету этой семьи!

Что ж, мне этого не нужно. Я хочу всего лишь купить перчатки.

Мне пришлось совершить сафари в камуфляжные джунгли, чтобы добраться до небольшого отдела. Он находился далеко в задней части магазина, если я правильно запомнила планировку. Дарси Орчад, похоже, решил, что мне требуется его компания, а когда выяснил, за чем я пришла, провел меня по узкому центральному проходу и направил влево. Я подняла руку, приветствуя Джима Бокса, который объяснял подростку, почему тому нужна кобура для пистолета, которая будет плавать.

Молодая женщина из отдела лодочных принадлежностей подошла, приобняла меня и справилась о ноге, а один мужчина, работавший в этом магазине больше двадцати лет — так было написано на его футболке, — самым дружеским образом похлопал по спине, хотя я понятия не имела, кто он.

Они были милыми людьми. Их доброта, вежливость, то, что они не задавали вопросов, напомнили, почему мне вообще понравился Шекспир.

— Ты можешь начать встречаться с нашим новеньким, если все еще одна. Он такой же вредный, как и ты.

Дарси сказал это шутливым тоном, который иные мужчины приберегают для тех случаев, когда хотят оскорбить тебя так, чтобы ты их на этом не поймала. Я вдруг вспомнила, кто этот новенький, и внезапно впервые поняла... Нет, это был просто тревожный толчок, взбудораживший меня, и я заставила себя обратить внимание на Дарси.

Орчад говорил бесцеремонно и небрежно, но в его тоне было что-то такое, отчего волосы у меня на шее встали дыбом.

— Ты и вправду оказываешься в странных местах, — заявил он. — В доме Уинтропа, хотя у тебя выходной, в церкви, хотя на собрание идут только черные.

— Дарси, твоя жена рассказывала тебе обо всех своих планах?

Я припоминала, что он был женат лет шесть, хотя знала его только разведенным.

— У моей жены было больше планов, чем у Пентагона, — мрачно произнес Дарси, но, похоже, расслабился.

Мы завернули за угол, оставив позади мужские комбинезоны, очень популярные в Шекспире, и очутились в небольшом отделе, отведенном под тренировочное снаряжение и одежду.

Там стоял детектив, тот самый Черный Хвост, и, скептически поджав губы, читал инструкцию к приспособлению для накачивания прессы.

Для меня это оказалось неожиданностью. Меня восхитило спокойствие, с которым детектив на меня посмотрел. Он крепче сжал брошюрку. Только это и могло служить намеком на то, что мы видимся не впервые.

— Лили, это Джаред Флетчер, — сказал Дарси. — У него стальной пресс, правда Джаред?

Значит, здесь его звали Джаред. Теперь я узнала этого человека, даже вспомнила настоящее имя. На фотографиях в газете у него был такой же скептический вид. Мое дыхание участилось.

— Джаред, это Лили — самая крутая женщина в Шекспире, — со вкусом закончил представление Дарси. — Вы должны друг другу понравиться.

Даже Дарси, похоже, уловил напряжение в молчании, последовавшем за этим.

— Вы уже знакомы? — спросил он, крутя желтоволосой головой, чтобы посмотреть на фальшивого Джареда, а после — на меня.

— Я встречал Лили в спортзале, — легко ответил тот. — Но мы по-настоящему не познакомились.

— Конечно. — Лицо Дарси прояснилось. — Тогда я вас оставляю. Джаред, мисс Лили нужны новые перчатки. Может, не помешает продать ей и доспехи, потому как она всегда, похоже, оказывается не в том месте и не в то время.

— Какой размер? — спросил черноволосый мужчина, когда Дарси нехотя отправился на свое рабочее место.

Я протянула руку, встретила с ним глазами и спросила:

— А вы как думаете?

Он взял меня за руку и шагнул ближе. Внезапно этот закуток магазина показался мне уединенным и тихим, хотя я знала, что за тесно забитыми вешалками с одеждой есть люди. Второй рукой он дотронулся до синяка у меня на лбу. Бурое пятно там, куда он меня стукнул, было ничем по сравнению с другими подобными украшениями.

— Простите, — сказал Джаред.

Детектив был так близко, что я боялась — он услышит мой пульс. Я положила палец на его запястье, почувствовала толчки крови. Апатия, навалившаяся на мои плечи, как плотный туман, начала рассеиваться.

— Перчатки, — напомнила я скрипучим голосом.

— Верно, — сказал он, отступив, и огляделся по сторонам как новый служащий, каковым детектив и являлся. У него было не слишком много времени на то, чтобы тут акклиматизироваться.

— Вот, — показала я. — Женские среднего размера.

— У нас есть черные.

— Подойдут.

Он снял с полки пластиковый пакет и открыл его.

— Вам лучше примерить.

Я снова протянула руку, Джаред надел на нее перчатку и прочно застегнул на липучку вокруг запястья. Я согнула пальцы и, глядя на него, сжала кулак. Он улыбнулся, возле его рта появились глубокие складки. Улыбка полностью преобразила этого человека, выбив меня из колеи.

— Не бей здесь. Прибереги это на потом, — пробормотал он. — Ты замечательно дерешься.

Я вспомнила, как укусила его, и посмотрела на то самое ухо. Оно выглядело лучше, чем мое. Я давным-давно не встречалась с новым человеком. Еще больше времени прошло с тех пор, когда мне довелось общаться с тем, кто, по-видимому, не знал всех подробностей моей биографии.

— Давно здесь живете? — спросил он, как будто мы увиделись в первый раз, сделав стандартный шаг в начале беседы.

Я посмотрела на перчатку на правой руке, прикидывая, подходит ли она, и протянула левую.

— Больше четырех лет.

— У вас свое бюро обслуживания?

— Убираюсь в домах и выполняю поручения, — слегка резковато ответила я. — Работаю одна.

Его пальцы погладили мою руку, когда он натянул на нее вторую перчатку.

— Как думаете, они не слишком тугие? — спросила я, изображая сэйкэн-цуки,^[28] чтобы почувствовать, как сидит перчатка.

Пальцы согнулись легче, чем я думала. Я попробовала ударить кулаком, словно молотом, потом посмотрела на ценник. Перчатки были очень дорогими, и мне лучше было убедиться в том, что они подходят. Я выбрала двадцатифунтовую штангу, стиснула гриф и подняла ее над головой. Меня очень неприятно удивило то, что она показалась мне тяжелой.

— Они слегка растянутся, Лили. Кстати, очень красивое имя.

Я бросила на него быстрый взгляд.

Он не отвел глаз.

— Я знаю, вы живете рядом с домом, где у меня квартира. Если бы я захотел вам позвонить, как вы записаны в телефонной книге?

Как будто он не мог спросить у Хоувелла или еще у кого-нибудь из горожан, если уж на то пошло. Я очень осторожно опустила штангу. Мне было чертовски приятно несколько минут чувствовать себя нормально.

— Бард, — сказала я. — Меня зовут Лили Бард.

Я знала: он это запомнит. Я не хотела видеть, как он на меня смотрит, взяла упаковку из-под перчаток из его внезапно застывших рук и вышла из закутка. Там я стянула перчатки, положила их на прилавок и обменялась несколькими ничего не значащими словами с Алом Ферраром, большим дружелюбным рыжим мужчиной, пальцы которого казались слишком толстыми для того, чтобы давить на кнопки кассы. За его спиной висели охотничьи луки, и я таращилась на них, пока он выбивал цену. Наконечники, висевшие за ним в пузырячатых пакетах, были неприятно остры, напоминая четыре бритвы, соединенные вместе. Мне едва верилось, что тот, кто будет пользоваться ими, не побоится прикрепить их к древку. Ал протянул мне пластиковый пакет с перчатками. Я с минуту тупо смотрела на кассира, потом

покинула магазин.

Добравшись до машины, я постояла, глядя в небо, потерявшись в серой пустоте мрачного ноябрьского дня. Влажные листья были свалены в кучи в дальних частях парковки. Этим вечером синоптики снова обещали дождь.

Я услышала сзади шаги. На меня снова накатила волна апатии, накрывшая с головой. Я так устала, что едва могла двигаться. Мне хотелось, чтобы приближающиеся события уже закончились, побыть где-нибудь в другом месте, пока они происходят.

— Почему вы вот так убежали?

— Вам лучше вернуться в отдел, или вы провалите прикрытие.

— Я работаю, — резко сказал он.

— День и ночь. В магазине и еще кое-где, Джек.

Мгновение длилось молчание.

— Посмотрите на меня, черт возьми!

Если бы я не посмотрела, это показалось бы ему слишком жеманным. Поэтому я перестала пялиться в мрачное небо и взглянула в хмурое лицо Джека Лидса.

— У меня начинается эрекция всякий раз, когда я вас вижу, — сказал он.

— Попробуйте послать мне розы. Это чуть более тонкий ход.

Детектив пристально уставился в угол асфальтовой парковки. Он вышел без куртки, и я почти радовалась тому, как Лидс дрожит.

— Хорошо. Начну заново, — сказал он сквозь стиснутые зубы. — Вы знаете, что я работаю. Вам известно, кто я.

Он подождал моего согласия. Чтобы покончить с этим, я и вправду кивнула.

— Я сейчас ни с кем не встречаюсь. Я дважды был разведен. Вы, может, помните это по газетам.

Я прислонилась к своей машине, чувствуя, что нахожусь где-то далеко отсюда, и радуясь этому.

Со стремительностью змеи он сунул руку под мою куртку, под футболку, прижал ее к моему боку. Я задохнулась и резко вздрогнула, но его ладонь осталась там, где была, теплая и твердая.

— Уберите руку, — сказала я измученно.

— Не отвлекайтесь. Слушайте меня. Эта работа в Шекспире подходит к концу. А потом я хочу с вами увидеться.

Я задрожала, стоя столбом, захваченная врасплох. Его пальцы скользнули по моему боку, осторожно прикоснувшись к шрамам. Серебристый пикап въехал на пустое место через две машины от моей. Его водитель бросил на нас полный любопытства взгляд. Я рубанула ребром ладони по запястью Джека Лидса, отбросив его руку из интимного убежища.

— Мне надо работать, Джаред, — оцепенело сказала я, села в машину и дала задний ход, избегая его взгляда.

Кэрри собиралась сегодня вечером явиться к ужину, и я подумала о том, что бы такое изобразить. Не обычные замороженные блюда, которые я готовила по воскресеньям, чтобы продержаться на них всю неделю. Может, длинную лапшу с ветчиной? Чили тоже было бы неплохо в такой знобящий серый день. Но у меня не хватало времени на то, чтобы дать ему закипеть.

Думая только о самом простом, минимальном, я сумела неплохо пережить день. Было

таким облегчением прийти домой, позволить себе посидеть минут десять в любимом кресле и почитать новый журнал.

Потом я принялась за работу, сооружая салат, отваривая лапшу, подогревая чесночный хлеб, нарезаю ветчину. Когда Кэрри постучала в переднюю дверь, я была готова.

— Эти подонки в больнице! — сказала она, снимая пальто и швыряя перчатки на стол.

— И тебе тоже здравствуй.

— Можно подумать, они видят письма на стене. Кто угодно так подумает.

Крошечная больница Шекспира находилась в бессрочном кризисе. Ее сотрудники пытались поддержать свое существование без адекватного бюджета, необходимого для покрытия нужд, имя которым было легион.

Я позволила Кэрри взять на себя главную часть беседы. Она, казалось, вовсе не возражала. Кэрри могла поговорить с немногими людьми как женщина и доктор, хотя была здесь чужой, приехала из северной части Арканзаса. По предыдущим нашим разговорам я знала, что Кэрри взяла ссуду, чтобы закончить медицинский колледж. В условиях кредита оговаривалось, что она должна отправиться туда, куда не хотят попасть аж на четыре года остальные доктора, а именно в Шекспир.

Кэрри была одним из местных врачей общей практики, которые все прилично зарабатывали. Но для получения специализированной помощи жителям Шекспира приходилось отправляться в Монтроуз или, при крайней необходимости, в Литтл-Рок.

— Где ты раздобыла это кольцо? — внезапно спросила Кэрри.

Я почувствовала, как на мою руку легла теплая ладонь, и у меня ушла секунда на то, чтобы заново сориентироваться.

— Старшая миссис сказала, что мне завещала его Мэри Хофстеттлер, — ответила я.

— Симпатичное кольцо, — заметила Кэрри. — Можно посмотреть?

Я сняла его, протянула гостье и подумала о своем странном ночном визите в дом Уинтропов, о бледности Хоувелла, когда тот увидел на моей руке это кольцо.

Есть вещи, которым полагалось бы быть бесплатными, но на самом деле они идут по очень высокой цене. Я гадала, не относится ли к их числу это маленькое кольцо, а потом задумалась, почему мне в голову пришла такая мысль.

Я взяла кольцо у Кэрри, надела его, снова сняла и сунула в карман. Кэрри приподняла густые черные брови, но ничего не сказала.

Мы вымыли тарелки, дружески беседуя обо всем, что только приходило в голову: о ценах на молоко, превратностях общения с публикой, открытии охотничьего сезона, который будет иметь некоторое влияние на работу Кэрри, да и на мою, поскольку в результате этой забавы появляются и ранения, и грязь, о том, как поправляется Клод. Выздоровление по-прежнему шло слишком медленно. Это не устраивало не только его, но и Кэрри, как я подозревала.

Кэрри сказала, что ей дали зеленый свет, чтобы переместить Клода из квартиры наверху, но он хочет сам руководить переездом, поэтому дата еще не назначена.

Когда Кэрри ушла, было немного позднее обычного. Я вымоталась, быстро приняла душ, надела любимую голубую ночную рубашку, вынула одежду на завтра, потом, как обычно, проверила запоры на дверях и окнах. Я чувствовала себя чуть более расслабленной и довольной.

Может, завтрашний день будет обычным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мое сердце бешено стучало. Опять вернулось плохое время.

Я села в постели, задыхаясь, ночная рубашка промокла на груди. Я вспотела во сне. Ужасные сны, странные, самые худшие: цепи, лачуга, ритмичные удары железной спинки кровати о стену.

Меня разбудил не просто сон. Скорее то, что заставило увидеть его. Я выбралась из постели, натянула белый халат из шенилы, наброшенный на спинку кровати в ногах, туго затянула пояс и посмотрела на электронные часы. Половина второго. Я услышала быстрый, легкий стук в заднюю дверь, крадучись вышла из спальни, расположенной недалеко, и прижала ухо к деревянной панели. По другую сторону кто-то твердил что-то снова и снова.

Уже протянув руку к выключателю, я разобрала слова:

— Не включайте свет! Ради бога, не включайте свет!

— Кто там? — спросила я, приложившись к месту, где дверь примыкала к раме, чтобы лучше слышать.

— Джек, это Джек. Впустите меня, за мной гонятся!

В его голосе слышалось отчаяние. Я отодвинула засов и открыла дверь. Мимо метнулся темный силуэт. Джек рухнул на пол в коридоре. Я захлопнула дверь, снова ее заперла, потом опустилась на колени рядом с лежащим человеком.

Слабый отсвет ночника за полузакрытой дверью ванной был почти бесполезен.

Джек дышал неровно и громко, не было смысла задавать ему вопросы. Сперва я провела пальцами снизу вверх по его ногам: мокрые сапоги, влажные голубые джинсы. Я пощупала выше, пробежав руками по его заду и промежности, потом — по груди и спине под стеганным непромокаемым жилетом.

Детектив перекатился на правый бок и застонал, когда мои пальцы нашли влажное пятно на его левом плече. Я тоже вздрогнула, но заставила себя снова потянуться к ране. В жилете была дыра, причем большая, рубашка под ним порвана. Мне стало ясно, что Джека Лидса подстрелили в правое плечо.

— Нужно посмотреть на это при свете, — сказала я.

Его дыхание, похоже, почти пришло в норму. Теперь он дрожал от холода и, возможно, от облегчения.

— Если вы включите свет, они поймут, что я вас разбудил. Эти люди в любую минуту могут постучать в вашу дверь. — Джек сделал глубокий вдох, медленно выдохнул, пытаясь взять себя в руки, и что-то тихо промычал сквозь сжатые зубы.

Значит, мне придется включить наружный свет.

Я подумала о мокрых сапогах Джека, о маленькой крыше над задним крыльцом и сказала:

— Ползите в первую дверь слева.

Потом я поспешила на кухню, радуясь, что ноге стало намного лучше, вымыла руки в темноте, наполнила водой кастрюлю. Вернулась к задней двери, приоткрыла ее и прислушалась. Ни звука, только прохладный стук дождя. Я открыла дверь пошире. Сигнальный огонь на парковке за многоквартирным домом немного освещал и мой задний двор. Я видела темные мокрые отпечатки ног, оставленные Джеком на досках.

Я полила водой крыльцо и ступеньки, смывая следы, говорившие о том, что детектив

вошел в дом. Оставалось лишь надеяться на то, что его преследователи, кем бы они ни были, не окажутся настолько наблюдательными, чтобы задуматься — почему мое крыльцо, прикрытое навесом, совершенно мокрое.

Захлопнув и снова заперев дверь, я машинально поставила перевернутую кастрюлю в кухонную сушилку и постояла посреди комнаты, лихорадочно размышляя. Нет, больше я ничего не могла сделать. Джек наверняка оставил следы на мокрой земле, но у меня не было ни малейшей возможности их замаскировать.

Я молча прошлепала в спальню и прошептала:

— Где вы?

Это было все равно что играть в прятки, весьма страшноватые.

— Рядом с кроватью, на ковре, — ответил он. — Не хочу запачкать ваше постельное белье или пол.

Я оценила такое уважительное отношение ко мне.

— Как вы сюда попали? Как очутились у моего дома? — спросила я, стыдясь тревожных ноток в голосе.

— Через ограду, с парковки на задворках магазина стройматериалов. Но я прошел подальше, до пустого углового места, а потом махнул по мостовой сюда. Сперва двинулся было к вашей передней двери, но понял, что сейчас их машина уже может кружить неподалеку, если они остановились, чтобы подумать. Поэтому я добрался до вашей подъездной дороги, обогнул навес для автомобиля и прошел по камням до задней двери. — Он сделал паузу. — Вот дерьмо!.. Крыльцо! Отпечатки ног!

— Я об этом позаботилась.

Я почувствовала, как Джек шевельнулся и посмотрел туда, где я стояла.

— Хорошо, — только и сказал он.

Мне показалось, что глаза его закрылись. Раненый с трудом сменил позу.

Я немного привыкла к темноте и смогла его разглядеть. Джек не острился, как мне сперва показалось. Просто на нем была черная шапка вахтенного,^[29] и он заправил волосы под нее. Я сняла с него шапку. Конечно, она вовсе не помешала ему вымокнуть. Пряди, как крысиные хвосты, раскинулись по белому прикроватному коврику.

Он открыл глаза и пристально уставился на меня. Я поймала себя на том, что пробегаю пальцами по волосам, чтобы их распушить. Смешно. Я не могла дольше тянуть, надо было что-то сделать с раной.

— Давайте снимем с вас жилет, — сказала я как можно более прозаично и придвинулась к нему. — Протяните руку. Я помогу вам сесть.

Джек видел в темноте лучше меня. Его рука немедленно нашла мою. Я сжала ее и потянула, машинально выдохнув: «Ха!», когда делала тяжелое усилие. Прислонив его к кровати, я расстегнула молнию, вынула из проймы руку Джека и стащила жилет со спины, почти распластавшись при этом у него на груди. Я чужла запах влажного жилета, рукавов, его кожи, едва уловимый аромат лосьона после бритья. Потом я передвинулась к левому боку и держалась за его руку, пока тянула жилет.

Джек издал низкий стон. Я сочувственно втянула воздух сквозь зубы, но не остановилась. Дело было, вообще-то, не в жилете, присохшем к ране. Детективу было больно, когда я двигала его руку и плечо.

Зато фланелевая рубашка и вправду присохла. Я принесла тяжелые кухонные ножницы и принялась резать толстую материю. Оказалось, что в темноте опасно, просто невозможно

это сделать. Я оставила Джека и широко распахнула дверь ванной, где горел ночник. Этот факт меня беспокоил, но я подумала, что слабенький свет — не такое уж большое дело. У меня имелась привычка оставлять зажженный ночник. Если бы я внезапно его выключила, это могло бы показаться куда более подозрительным.

Теперь я видела немного лучше и смогла срезать рубашку, не поранив Джека еще сильнее. Он сидел с закрытыми глазами, прислонившись к кровати.

Мне хотелось позвонить Кэрри, но ее появление выдало бы нас с головой.

Джек все еще дрожал, но уже не так, чтобы щелкали зубы.

В заднюю дверь громко постучали — один раз. Глаза Джека распахнулись и встретились с моими, которые были на расстоянии всего нескольких дюймов.

— Они не войдут, — пообещала я и посмотрела на свой халат.

Он был весь в полосах грязи, влажный и окровавленный.

Я развязала кушак, сняла халат и набросила его на Джека, вытерев руки о подол.

Затем я вышла в коридор, приблизилась к задней двери, стараясь как можно больше шуметь, и громко окликнула:

— Кто там? Я позвоню в полицию!

— Лили, эй! Это Дарси!

— Дарси Орчад, какого дьявола ты стучишься в мою дверь посреди ночи? Убирайся!

— Лили, мы просто хотим убедиться, что с тобой все в порядке. Кто-то вломился в магазин!

— И что?

— Он пробежал по парковке, перебрался через забор во двор магазина стройматериалов. Мы думаем, негодяй выбрался оттуда и пересек железную дорогу.

— И что?

— Покажись, Лили. Нам нужно убедиться, что тебя не держат в заложницах.

Это был умный ход.

— Я не впущу вас посреди ночи, — напрямик сказала я, решив, что такой ответ будет соответствовать моему характеру и прошлому.

Они не войдут в мой дом.

— Нет, все в порядке, милая. Мы просто хотим убедиться, что с тобой все хорошо. — Дарси отлично изображал участие.

Я включила свет над задним крыльцом, чего надеялась избежать. Вдруг Джек оставил непредвиденные следы? Высунувшись из дверей, я свирепо уставилась на Дарси, который с группкой других мужчин стоял на моем заднем дворе. Он оделся не по погоде, выглядел так, будто выбежал на улицу в чем был. Редеющие волосы облепили его голову, бледные глаза мерцали в свете фонаря над крыльцом. Дарси наслаждался собой.

Я окинула взглядом четырех закутанных мужчин, сбившихся в кучку за его спиной, стоически сносящих легкий дождь и зябкий ветер. Рассматривая их, я попыталась взглянуть и на столбы, которые поддерживали крышу над крыльцом.

Да пропади все пропадом! Джек оставил на одной из опор кровавый отпечаток руки, но, слава богу, с моей стороны.

Чтобы заставить Дарси и других не отвлекаться, я шагнула на крошечное крыльцо, освещенное фонарем, и все пятеро тут же уставились на меня.

Я услышала благоговейное: «Ух ты!», но Дарси немедленно пресек этот возглас, повернувшись и уставившись на обидчика.

Несмотря на то что все мужчины стояли с поднятыми воротниками и низко надвинутыми шапками, я поняла, что восклицание издал паренек, работавший на разгрузочной площадке магазина стройматериалов. Интересно, почему они выбрали своим представителем именно Дарси?

— Видите, я в порядке! — Мне не составило труда говорить разъяренным тоном. — Меня не удерживают силой, я могу уйти из дома прямо сейчас, если захочу замерзнуть. А с какой стати вы гоняетесь в дождь за грабителем, между прочим? Разве у вас нет сигнализации, которая дает знать обо всем полиции?

Мой переход в наступление заставил их дать задний ход, как я и ожидала.

— У нас была небольшая... — Дарси помедлил, явно не зная, как закончить фразу.

— Инвентаризация, — сказал один из его спутников.

Голос этого типа звучал странно, приглушенно, поскольку он пытался спрятать нижнюю часть лица за воротником. Я почти не сомневалась в том, что это Джим Бокс, приятель Дарси по тренировкам и его сослуживец. Джим всегда соображал быстрее Дарси, но не имел привычки рисоваться. За ним кто-то присел на корточки, прикрыв капюшоном почти все лицо, но я узнала бы эти тонкие, злые губы где угодно. Том Дэвид Миклджон, да еще и в штатском. Хмм.

— Правильно, мы должны провести предрождественскую инвентаризацию, — с облегчением проговорил Дарси. — На это уходит вся ночь. Сигнализацию пришлось выключить, потому что мы все время входили и выходили.

— Угу, — сказала я нейтральным тоном.

Как я и предвидела, они сдали назад еще быстрее, хотя по-прежнему смотрели на мою ночную рубашку. Я решила сжечь ее.

— Вы собираетесь разбудить и Карлтона? — спросила я, резко мотнув головой в сторону маленького домика, почти в точности похожего на мой. — Вдруг он заложник.

Перепахканная группа начала двигаться в сторону дома Кокрофта, где, как я заметила, в спальне горел свет. Я решила, что Карлтон не один. Значит, он окажет им такой же теплый прием, как и я. Я захлопнула дверь, как можно более шумно заперла замки и быстро выключила фонарь над крыльцом, надеясь, что они упадут в лужу во внезапно наступившей темноте.

Дураки, но опасные.

Меня тошнило оттого, что я предстала перед ними полуголой. Скрестив руки на груди, я попыталась согреться, пошла в свою маленькую спальню, прошлепала мимо Джека и добралась до окна. Приоткрыв немножко жалюзи, я выглянула наружу. Да, Карлтон уже стоял у своей задней двери в очаровательном велюровом халате, надетом, похоже, на голое тело. Он был очень зол.

Я увидела, как Кокрофт захлопнул дверь и выключил свет. Я на секунду закрыла глаза, потом решила, что они привыкли к темноте, и снова всмотрелась. Мне удалось разглядеть размытые силуэты. Незваные гости пересекли мой двор и потащились вверх по крутой насыпи к железнодорожным рельсам, оставив мысль о погоне.

— Они ушли, — сказала я.

— Хорошо, — отозвался Джек.

Голос его звучал немного тверже, хотя был хриплым от боли, которую детектив старался не показывать.

Я снова плотно закрыла жалюзи и так подрегулировала завязки, чтобы они удерживали

планки в этом положении. Вместо того чтобы включить верхний свет, я зажгла лампу возле кровати, потом снова опустилась на колени рядом с Джеком.

При внезапно вспыхнувшем свете он закрыл глаза. Я долго и пристально смотрела на него, думая, хорошо бы мне угадать и поставить на нужную лошадку, иначе последствия будут такими крутыми, что трудно вообразить.

Потом я села на пятки.

Что ж, у Джека была единственная рана в плече. Она уже перестала кровоточить, но выглядела ужасно. У меня не было опыта в лечении подобных ранений, но, видимо, пуля прошла навывлет через верхнюю часть плеча и не задела ни один из главных сосудов, поскольку кровотечение остановилось.

Итак, самой большой опасностью было заражение. Мне надо промыть рану. Если только не...

— У меня есть хоть какой-то шанс доставить вас в больницу? — спросила я.

Джек бросил на меня взгляд, говоривший, что мой вопрос совершенно никчемный, чего я и боялась.

— Я вернусь домой, — сказал он и попытался подняться, отталкиваясь от пола здоровой рукой.

— Да-да, конечно! — Я боялась заниматься его раной, поэтому мой голос прозвучал слишком резко.

— Похоже, вы слишком рискуете, — сказал он тоном, ясно дававшим понять: «Я пытаюсь быть терпеливым».

подавив внезапное желание вздернуть этого инвалида на ноги, завернуть его здоровую руку за спину и впечатать всей фигурой в ближайшую стену, я сделала вдох, чтобы успокоиться, и выдохнула — ровно, обдуманно.

— Вы не должны рассказывать мне, чем я готова рискнуть, — сказала я.

— Я-то могу вернуться в Литтл-Рок, но вам еще здесь жить.

— Я ценю, что вы обратили на это мое внимание. Дайте руку.

Меня тоже пробирали дрожь. Оттого что я вышла в одной ночной рубашке, меня знобило до костей — во всех отношениях.

Джек подал мне здоровую правую руку, я прочно расставила ноги, крепко стиснула его ладонь и потянула.

Лицо детектива дернулось, когда он встал. Теперь Джек был выше меня, его присутствие подавляло. Я решила, что лучше он находился бы на полу. Так мне было удобнее.

— Вы замерзаете! — сказал Джек и здоровой рукой притянул меня к себе.

Мой белый халат упал с него грязной кучкой. Остатки рубашки свисали лохмотьями с его плеч.

— Мы отправимся в ванную, чтобы позаботиться о вашей ране, — сказала я, пытаюсь говорить уверенно. — Вы можете идти?

Он мог и через несколько секунд уже сидел на закрытом унитазе. Я достала аптечку первой помощи, вынула дистиллированную воду, повязки с порошковым антибиотиком, тюбик крема с чем-то в этом роде. У меня имелось много бинтов и несколько скрепок для них. Госпиталь МЭШ.^[30] Лили Бард для раненых детективов.

Дистиллированная вода была даже в бутылке с пульверизатором.

Я сняла с Джека остатки рубашки, пытаюсь не отвлекаться на наготу, накинула на

страдальца самые старые полотенца, отбросила его почти высохшие волосы на здоровое плечо. Полагаю, доктора и медсестры умеют не допускать интимных прикосновений к пациентам. Но меня этому не учили. Такие моменты ощущались как нечто очень личное.

— Промою рану, — сказала я.

— Да.

Я подняла пластиковую бутылку-пульверизатор и спросила:

— Так вы узнали тех, кто за вами гнался?

Я побрызгала стерильной водой на кровавую дыру. Джек побелел еще больше, на его худых щеках отчетливо проступила темная щетина.

— Ответьте, Джек Лидс, — резко велела я.

— Не всех, — выдохнул он.

— Само собой, там был Дарси.

Я снова попрыскала из бутылки, на сей раз со спины. Мне подумалось: сколько крошечных лоскутков рубашки и микроскопических частиц жилета могли попасть в рану. Я чувствовала, что головой отвечаю за Джека. Без шуток.

— Угу.

Его глаза закрылись. Я продолжала промывать рану.

— Кто еще, Джек?

— Парнишка, тот прыщавый, который работает на погрузке-разгрузке в магазине стройматериалов и товаров для дома.

Я промокнула рану досуха самой белой и свежей из имеющихся у меня тряпочек, а потом внимательно осмотрела ее. Она казалась чистой, но откуда мне было знать. Я не привыкла наводить порядок в таких микроскопических масштабах и в сомнении прищурилась.

— Еще парень с большим брюхом, — продолжал Джек. — У него такой вид, будто ему грозит сердечный приступ. Этого я заметил.

— Клив Рэгланд. Он работает на фабрике, где делают матрасы, — пробормотала я. — Его по меньшей мере дважды арестовывали за езду в пьяном виде, и один раз он попал в тюрьму за попытку изнасилования.

Брызнуть из бутылки, вытереть.

— Там оказался еще один тип, — выдохнул Джек. — Он ведь коп?

— Угу. Том Дэвид Миклджон в штатском. Он все время держался позади, как будто мне удастся его с кем-нибудь перепутать, — сказала я, надеясь, что рваная рана стала достаточно чистой.

Глаза Джека теперь снова были открыты, хотя он и не смотрел на меня.

— Вместе с прочими был Джим. Он работает в отделе ружей, в том же магазине, что и Дарси. Еще один сослуживец.

Я снова промокнула рану.

Она казалась сухой и чистой. Я наклонилась, чтобы ее рассмотреть, и удовлетворенно кивнула. Я надеялась, что не причинила Джеку слишком сильной боли. На его лице было какое-то странное выражение.

— Наклонитесь вперед, — велела я.

Выдавлив на рану антисептический крем, я наложила на плечо стерильную подушечку, примотав ее хирургическим бинтом.

— Откиньтесь назад.

Я промокнула рану стерильной марлей на тот случай, если кровотечение возобновится, и размотала бинт, чтобы закрепить тампон.

Пока я этим занималась, лицо Джека расслабилось. Я почувствовала, что горжусь собой.

Повернувшись, я принялась рыться в кухонном шкафчике в поисках болеутоляющих. Пальцы Джека пробежали по изгибу моего бедра.

Я замерла, не веря в происходящее.

— Вы спятили? — спросила я. — Вас только что подстрелили!

— Лили, во время этой перевязки я осознавал лишь то, что ваши груди качаются дюймах в трех от моего лица.

Я не нашлась с ответом.

— Я слышал, вы вышли к ним в ночной рубашке? — спросил Джек, и я кивнула. — Неудивительно, что все они затихли. Ни один из них не сможет уснуть нынче ночью.

— Вы оставили отпечаток руки на одном из столбов.

— Вы чертовски хорошо их отвлекли.

— Это вовсе не доставило мне радости. Не говорите, будто все было легко.

— Надеюсь, я не настолько глуп.

— Нужно снять с вас мокрую одежду, чтобы вы могли отправиться в постель.

— Я уж думал, вы никогда не предложите мне ничего подобного.

Я заметила, что Джек больше не заикается о том, чтобы пойти домой. Он ни разу не предложил позвонить в полицию, хотя, принимая во внимание присутствие Тома Дэвида, решение не сообщать копам о случившемся, наверное, было мудрым.

Я вытрясла из коробочки одну таблетку, протянула стакан воды. Проглотив лекарство, Джек откинулся назад и закрыл глаза.

Я стянула с него сапоги и носки, высушила влажные холодные ноги раненого горячей тряпкой и решительно растерла полотенцем. Джинсы я предоставила ему снимать самостоятельно и вышла наружу, чтобы уничтожить отпечаток руки, который не давал мне покоя.

Все еще шел дождь. Он наверняка смоем все прочие следы, оставленные Джеком.

Я разобрала постель, и к тому времени, как вернулась в комнату, Джек сумел забраться в нее и укрыться. На моей стороне. У него была голая грудь, и в голову мне пришло, что он, скорее всего, вообще все снял.

Я дала ему одну из тех обезболивающих таблеток, которые оставила мне Кэрри несколько месяцев назад, когда мои бока были все в синяках. Как я и ожидала, лекарство заставило Джека Лидса быстро уснуть.

Я сдернула с себя голубую ночную рубашку, сунула ее в мусорную корзину и вытащила из ящика розовую. Она была почти такой же хорошенькой. Я покупаю очень приличные ночные рубашки. Сунув запачканный кровью халат в стиральную машину и поставив ее на режим холодной стирки, я швырнула туда и влажные джинсы Джека, его носки и нижнее белье, которые он оставил на полу ванной.

Для стирки этих вещей больше подошла бы горячая вода, но я не могла бодрствовать, дважды загружая машину. Пока тряпки крутились, проходя самый короткий цикл стирки, я навела порядок в ванной комнате, выложила зубную щетку, все еще в обертке, потом запахнула вещи в сушилку.

Погасив все лампы, я скользнула в постель с непривычной стороны.

Ночь была тихой, я слышала только дружелюбный звук крутящегося сушильного барабана и тяжелое дыхание детектива, лежащего рядом со мной.

Я открыла глаза около пяти тридцати, позже, чем вставала обычно. Чтобы увидеть часы, мне пришлось приподняться и заглянуть через черный холмик, который был Джеком. Мне казалось, что я слышала, как он ходил в туалет, слышала, как бежала вода, но теперь мой гость, похоже, снова уснул. В полутьме я едва могла разглядеть черты его лица.

Простыня упала на пол, и я видела голое плечо детектива, потому что на нем была белая повязка. Я снова укрыла Джека, очень осторожно, не желая будить. Его незавязанные волосы падали на лицо. Нежно, как можно деликатнее, я откинула их.

Дождь снова барабанил по крыше, причем достаточно громко, чтобы я слышала его сквозь утешающий гул центрального отопления.

Я прогулялась в ванную, сполоснула рот, потом снова угнездилась в кровати, отвернувшись от своего спящего сотоварища, и погрузилась в полудрему. В голове плавали бессвязные мысли.

Пятница. Неудачный день, чтобы возобновить тренировки в «Телу время», вернуться на занятия по карате, учитывая, какой беспокойной у меня выдалась ночь. Но сегодня я должна работать у Дидры, у странной Муки Престон, у Уинтропов и еще в одном месте.

Я подождала, но не смогла почувствовать всплеска энергии, какой полагалось ощущать перед началом трудового дня.

Вместо этого во мне бурлили гормоны.

Джек Лидс разбудил меня минувшей ночью, колотя в дверь. Теперь он прервал мой сон совершенно другим способом. Детектив гладил мою спину и бедра.

Я вздохнула, не очень-то понимая, с раздражением или с чистейшим вожделением. Одно было ясно — моя апатия исчезла.

Джек, конечно же, понял, что я проснулась. Когда я не заговорила, он придвинулся ближе, прижался ко мне, обхватил, положил руку на грудь и возобновил ритмичные поглаживания. Мне пришлось прикусить губу, чтобы не нарушить молчание.

— А как же насчет «после того как эта работа закончится»? — в конце концов спросила я странным голосом, смахивавшим на судорожный вдох.

— Проснуться в теплой постели с красивой женщиной в дождливый зимний день! — Его рука замерла. — Это перевесило мои деловые инстинкты.

Он говорил низко, с придыханием. Его губы начали покрывать мою шею короткими, всасывающими поцелуями, и я задрожала.

Джек начал задирать мою розовую ночную рубашку.

Теперь или никогда.

Чего я хочу?

Мое тело собиралось одержать верх над рассудком.

Я повернулась к Джеку, прижала ладонь к его груди, удерживая на небольшом расстоянии. Так мне казалось. Тут пальцы мужчины скользнули меж моих ног. Закинув руку ему на шею, я притянула его ближе и поцеловала. В моей комнате было так же темно и уединенно, как в тихой пещере.

Через некоторое время его губы опустились ниже и ухватили мой сосок через ночную рубашку.

Я потянулась вниз и прикоснулась к нему. Член был разбухший и готовый. Пришла пора

Джека тихо стонать.

— У тебя есть?.. — спросил он.

Я потянулась через него и нашарила в ящике тумбочки средства предохранения.

Джек начал шептать мне о том, что мы собираемся сделать и каково это будет. Его руки не замирали ни на мгновение.

— Сейчас, — сказала я.

— Подожди секунду.

Я ждала, сколько могла. Я дрожала.

— Сейчас.

Тут он в меня вошел. Я выгнулась под ним, поймав ритм. Удовольствие пришло мгновенно, и я выкрикнула его имя.

— Снова, — сказал он мне на ухо и продолжил.

Я пыталась не отставать, снова начала двигаться вместе с ним, потом стала его подгонять, сжав внутренними мускулами, впившись ногтями в бедра. Наконец Джек с невнятным звуком достиг наивысшей точки, и я тоже.

Он рухнул на меня, и я впервые его обняла, пробежала руками по спине, заду, чувствуя кожу и мускулы, плоскости и изгибы. Джек с минуту нежно терся носом о мою шею, выходя из меня, потом перекатился на спину. Белый бинт был заляпан красным.

— Твое плечо!

Я приподнялась на локте, чтобы посмотреть. В моей спальне стало чуть светлее. Темная тайная пещера распахнулась миру.

— Плевать! — Он мотал головой по подушке. — Кто угодно мог бы войти сюда и снова меня подстрелить. Сейчас мне было бы на это плевать. Я пытался держаться подальше от тебя, не думать о тебе... Если бы они не шли за мной по пятам, я не явился бы сюда, но ни о чем не жалею. Господи Иисусе, Лили, это было так... удивительно. Ни одна другая женщина... Господи, это было великолепно.

Я разбилась на кусочки. Даже сильнее физических ощущений, которые подарил мне Джек, меня испугало страстное желание прикоснуться к нему, обнять его, искупаться в нем. В порядке самозащиты я подумала обо всех женщинах, которые у него были.

— О ком ты думаешь?

Он открыл глаза, уставился на меня и сказал:

— Да, о Карен.

Меня испугало, что он знает обо мне так много, что может запросто читать по моему лицу. Его глаза перестали сиять, сделались безжизненными, когда он произнес имя Карен.

Джек Лидс стал темой беседы в семейных домах примерно в то же самое время, когда и Лили Бард. В том же самом штате, Теннесси, и в том же самом городе — Мемфисе.

Но если мое имя было связано с преступлением, жертвой которого я стала — «Лили Бард зверски изнасилована и изувечена», — то за Джеком всегда тянулись слова «предполагаемый любовник Карен Кингслэнд».

Судя по фотографиям в газетах, она была брюнеткой с хорошеньким личиком. Карен спала с Джеком четыре месяца, пока разразившаяся катастрофа не перечеркнула три жизни. Ей исполнилось двадцать шесть, она училась на магистра культуры в Мемфисском университете и была женой другого копа.

Однажды утром, в четверг, Уолтер Кингслэнд, муж Карен, получил на работе анонимное послание. Он десять лет служил офицером полиции и собирался отправиться в

патруль. Уолтер вскрыл письмо, смеясь над ним перед друзьями, и прочитал, что Карен и Джек довольно часто занимаются сексом. В письме, которое Уолтер уронил на пол, уходя, говорилось обо всем довольно подробно. Друг Джека немедленно ему позвонил, но он не был так быстр, как Уолтер.

Никто не сообщил об этом Карен.

Уолтер гнал домой как безумец и появился именно тогда, когда Карен уходила на занятия. Он забаррикадировался с женой в спальне своего мемфисского дома.

Через несколько мгновений Джек вошел в переднюю дверь, надеясь быстро разобраться с ситуацией и каким-то образом избежать огласки. Он не подумал как следует.

Джек стоял у двери в спальную и слушал, как Уолтер умоляет жену сказать, будто Лидс ее изнасиловал или же что это просто злонамеренная ложь какого-нибудь врага.

К тому времени скромнейший дом Кингслэндов был окружен копами. Телефон звонил и звонил. В конце концов Джек поднял трубку в соседней комнате и описал ситуацию сослуживцам и начальству.

Никакого дружеского полюбовного согласия не намечалось. Было бы везением, если бы все трое людей, замешанных в ситуацию, вышли из нее живыми. Джек хотел предложить себя в заложники вместо Карен. По совету команды, ведущей переговоры с заложниками, его начальство отклонило это предложение. Тогда Джек открыл им то, чего Уолтер еще не знал. Только вчера Карен сказала ему, что беременна.

К тому времени в полиции Мемфиса было трудно найти человека, который, мягко говоря, не испытывал бы отвращения к Лидсу.

Стоя в гостиной, Джек услышал, как Карен завопила от боли.

Он прокричал через дверь, что Уолтер должен обменять свою жену на него, потому что ни один настоящий мужчина не мучает женщин.

В тот момент Кингслэнд согласился на такой вариант.

Ни с кем не посоветовавшись, Джек начал действовать.

Уолтер проорал, что приведет Карен к задней двери. Джек должен стоять на открытой веранде, без оружия. Муж вытолкнет жену, а ее любовник войдет.

Детектив Джек Лидс вышел наружу, снял куртку, ботинки, носки, рубашку, чтобы Уолтер Кингслэнд видел, что он не прячет на себе оружие.

Да, конечно, Кингслэнды покинули спальню. Уолтер из кухни велел Джеку повернуться, чтобы убедиться в том, что за пояс его слаксов сзади не заткнут пистолет.

Потом появился муж. Стоя в проеме открытой задней двери и держа Карен за руку, он приставил к ее голове пистолет. Теперь рот женщины был залеплен скотчем, глаза безумные. У нее не хватало мизинца на правой руке, кровь лилась из раны.

— Подойди сюда, — сказал Кингслэнд. — Тогда я ее отпущу.

Джек шагнул ближе, не сводя глаз с любовницы.

Уолтер выстрелил Карен в голову и швырнул ее вперед так, что она свалилась на Джека.

Ищейки-репортеры запечатлели этот миг на видеопленку.

Вопль ужаса Джека, крик Кингслэнда:

— Ты ее хотел, так получи же!

Уолтер прицелился в Лидса. Тот, забрызганный кровью и мозгами Карен, пытался встать. В этот момент дюжина пуль сразила обманутого мужа. Их нехотя выпустили люди, знавшие Уолтера. Им было известно, что Кингслэнд легковозбудим, горяч, склонен ревниво охранять свою собственность, при этом храбр, добродушен и находчив.

Джек был детективом в штатском, часто работавшим под прикрытием. На этом поприще он добился блистательных успехов.

Зато с личной жизнью ему никак не везло. Он пил, курил и уже дважды развелся. Ему завидовали, но не любили; его награждали знаками отличия, но не вполне ему доверяли. А после того дня на заднем дворе Кингслэндов он перестал быть копом города Мемфис. Как и я, Лидс ушел на дно, чтобы избежать пристального внимания публики.

Такова была хроника жизни человека, с которым я лежала в постели.

— Думаю, мы должны как-нибудь об этом поговорить, — сказал Джек со вздохом, и лицо его стало казаться мне гораздо старше, чем на самом деле. — А еще о том, что случилось с тобой.

Он провел пальцем по самому скверному моему шраму, опоясывавшему правую грудь.

Я лежала рядом с Джеком, положив руку ему на грудь.

— Нет. Мы не должны об этом говорить.

— Карен сама написала то письмо. Вот что забавно.

— Нет!..

— Именно так она и поступила. — Прошло столько времени, но в его голосе все еще слышалось болезненное недоумение. — Оно было напечатано на ее пишущей машинке. Карен хотела, чтобы Уолтер знал. Причины я никогда не понимал. Может, она желала, чтобы он подал на развод. Или же ей было любопытно поглядеть, как мы станем воевать за нее. Мне казалось, что я знаю и люблю Карен, но я не понял, почему она так поступила.

Я подумала о том, что могла и хотела бы сказать, но никакие слова не уничтожили бы те болезненные воспоминания, которые в нем пробудились. Они не смогли бы возместить то, что сотворила с Джеком Карен Кингслэнд, то, что он сделал с собой сам. Ничто вернуло бы Лидсу работу и репутацию. Воспоминание о том, как голова Карен разлетелась вдребезги у него на глазах, стереть невозможно. Я это знала.

Ничто никогда не заставит меня забыть о трагедии, случившейся со мной пару месяцев спустя: похищение, изнасилование, порезы, человек, которого я пристрелила.

Я почувствовала страстное желание обрести какие-нибудь хорошие воспоминания.

Перебросив через Джека ногу, я оседлала его, наклонилась, поцеловала и разгладила его длинные черные волосы на белой подушке, обшитой кружевом. Перед Джеком Лидсом я не стыдилась своих шрамов. У него было полным-полно собственных.

Нагнувшись к уху, я сказала, что собираюсь снова впустить его в себя, объяснила, каково это будет, услышала, как он резко вдохнул, и вскоре почувствовала его возбуждение.

Мое сердце часто стучало.

На этот раз все получилось еще лучше.

— Почему уборка домов? — спросил он позже.

— Я умею это делать и могу заниматься этим одна. — Ответ короткий и достаточно правдивый. — А почему детектив? Кстати, какой именно ты сыщик?

— Частный. Базируюсь в Литтл-Роке. Я умею это делать и могу заниматься этим один. — Он улыбнулся, чуть-чуть, но все же. — Да, после двух лет обучения у другого детектива. В Литтл-Роке работал еще один бывший коп из Мемфиса. Я был с ним немного знаком.

Итак, Джека, должно быть, наняли Уинтропы.

— Мне надо одеться. У меня встреча, — сказала я, пытаюсь не показать печаль и

сожаление.

Чтобы мой уход не выглядел слишком внезапным — холодным, как сказал бы Маршалл, — я поцеловала Джека, прежде чем скинуть ноги с кровати.

Почему-то, чем дальше я от него отходила, тем острее начинала осознавать свои шрамы. Я заметила, как он смотрит на них, впервые видя все в одной, так сказать, оправе. Я замерла, позволяя глядеть. Но это было очень трудно, и мои кулаки невольно сжались.

— Я убил бы их за тебя, если бы мог, — сказал он.

— Одного я пристрелила, — ответила я.

Наши глаза встретились. Джек кивнул.

Я приняла восхитительно горячий душ, побрила ноги, вымыла волосы, наложила макияж, сдерживая желание громко рассмеяться, и подумала: «Ни о чем! Я ни о чем его не попрошу».

Джек нашел свою уцелевшую одежду в сушилке и натянул ее.

Я задумчиво посмотрела на него и порылась в ящиках в поисках одной из рекламных футболок, которые годятся на всех. Я получила ее, когда сдавала кровь.

В этой футболке я тонула, зато Джеку она подошла, оказалась почти в обтяжку, прикрыла повязку и пупырышки на руках. Он вздрогнул, всовывая в рукав левую руку.

У меня нашлась старая куртка, которую мне выдали в больнице из шкафа с барахлом. Я носила ее дома на следующий день после взрыва. Она тоже оказалась ему впору.

Джек приготовил кофе, пока я принимала душ, и попытался застелить кровать.

— Обычно я справляюсь лучше, но с этим плечом... — извинился он, когда я вошла в спальню, чтобы надеть носки и спортивные туфли.

— Все в порядке, — бросила я.

Сев в маленькое кресло в углу, я натянула носки, туфли и две футболки, которые в холодную погоду предпочитаю фуфайкам. Длинные рукава просто мешают, когда занимаешься работой по дому. Розовый краешек выглянул из-под моей небесно-голубой верхней футболки — счастливые цвета. Я надела розовые носки и свои любимые высокие кроссовки, розовые с белым. Я была самой яркой уборщицей Шекспира. К дьяволу холод и дождь.

— Ты не собираешься задать мне вопрос? Насчет того, чем я занимался минувшей ночью? — спросил Джек.

Он сидел на краешке кровати и, судя по виду, приготовился к атаке.

Я завязала бантиком шнурки на одной кроссовке, поставила правую ногу на пол и подняла левую.

— Пожалуй, нет. Полагаю, это имело какое-то отношение к оружию, семейке Уинтроп и, может быть, к убийству Дела Пакарда. Но я не знаю. Лучше ничего не рассказывай, если только тебе не нужно место, куда можно убежать, когда за тобой гонятся плохие парни.

Я собиралась произнести это легко, но Джек подумал, будто мне захотелось дать ему знать, что он должен объясниться, раз укрылся в моем доме. Мол, ты в долгу передо мной, особенно после того, как «использовал» меня.

Я увидела, как ожесточилось его лицо, поняла, что между нами пролегла дистанция, и сказала:

— Я говорила буквально. Лучше ничего не рассказывай, если за тобой не гонятся.

— Что ты станешь делать, Лили, когда они за мной придут? — спросил он, обхватив меня одной рукой, когда я встала.

— Буду драться, — улыбнулась я.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Это оказалось настоящим вызовом — доставить Джека обратно в его квартиру, хотя до нее было всего несколько ярдов.

Сегодня у него хотя бы был выходной, а значит, имелся шанс дать отдых плечу, прежде чем он покажется в «Спортивных товарах Уинтропа». Выглядело бы хорошо, если бы Лидс нынче утром поупражнялся в «Телу время», но такое было не под силу даже столь решительному человеку, как Джек. Он страдал от боли.

Я отдала ему свои последние запасы болеутоляющего, чтобы он принял лекарство, когда придет домой. Детектив сунул его в карман, потом, когда на Трэк-стрит не было машин, вынырнул из кухонной двери и прыгнул в мой автомобиль. Я дала задний ход, выехала с подъездной дороги и добралась до парковки, расположенной за Садовыми квартирами. Когда я очутилась возле двери — так близко, что машину было трудно увидеть из задних окон квартир верхнего этажа, — Джек выпрыгнул и вошел в дом.

Я припарковалась на бывшем месте Маркуса Джефферсона и последовала за Лидсом, чтобы не возникло вопросов о том, зачем мне понадобилось здесь остановиться.

Мне такие меры предосторожности казались излишними, но, перед тем как выйти, Джек кинул на меня взгляд, напоминая, что «те люди» очень опасны.

Я поднялась по лестнице, чтобы убраться в квартире Дидры. Это было совершенно обычным делом и давало мне вескую причину войти в дом в такой ранний час.

Я внесла наверх коробку с моющими средствами, считая, что Джек уже в своей квартире, пытается раздеться и помыться, не потревожив раны. Я помогла бы, но он хотел, чтобы мой день прошел совершенно нормально.

Лестничная площадка оказалась далеко не пуста — на ней было полным-полно людей и подозрений. Дарси и громила Клив Рэгланд стояли перед дверью Джека. Они уже успели переброситься с ним первыми словами. Лидс держал в руке ключи.

— Я не должен никому рассказывать, где провел ночь, — говорил он, и в его голосе был опасный холодок, показывавший, что детектив не шутит.

Он не хотел, чтобы мы публично демонстрировали, что как-то связаны друг с другом. Если уж на то пошло, я тоже этого не желала.

Мне следовало бы отпереть квартиру Дидры и сбежать вниз по лестнице за шваброй, оставив Джека юлить и разбираться с ситуацией. Он явно предпочел бы, чтобы именно так я и поступила.

— Привет еще раз, Лили, — сказал Дарси с неприкрытым удивлением.

Он выглядел ясноглазым и бодрым, но Клив, судя по всему, устал и вымотался. Он был небрит и, возможно, спал в одежде.

— У тебя долгие рабочие часы, Дарси, — ответила я, поставила коробку у дверей Дидры и присоединилась к маленькой группе.

Джек сердито посмотрел на меня.

— Мы просто заглянули, чтобы убедиться, что с Джаредом все в порядке, — сказал Дарси, стрельнув плоскими голубыми глазами на Джека. — Мы звонили ему прошлой ночью после ограбления, а он не снял трубку.

— Я уже сказал, — все так же холодно произнес Джек. — Все то, чем я занимаюсь в свободное время, — только мое дело.

Я подошла к Лидсу слева и обхватила рукой, прикрыв со стороны раны на тот случай, если его попытаются хлопнуть по плечу.

— Наше дело, — поправила я, твердо глядя на Дарси.

— Ух ты-ы! — сказал Дарси, сунув кулаки в карманы джинсов, как будто не знал, что делать с руками.

На его тяжелом полупальто над карманами джинсов выпятились полукружья.

Клив перевел взгляд с меня на Джека и обратно и заметил:

— Сдается, старине Джареду повезло.

Напряжение тут же исчезло. Джек медленно обхватил меня рукой. Его пальцы впились в мое плечо.

— Что ж, ты вел себя как джентльмен, — одобрительно сказал Дарси.

— Теперь, когда вы получили ответы на вопросы, я могу войти в квартиру? — спросил Джек, делая над собой усилие, чтобы говорить дружелюбно.

Но я слышала, как в голосе его пульсирует боль.

— Конечно, старик. Мы уже уходим, — ответил Дарси с широкой ухмылкой, которую мне захотелось немедленно стереть.

Я пообещала себе, что сделаю это, если выпадет хоть малейший шанс.

Джек шагнул между Дарси и Кливом, вставил ключ в замок и повернул, а остальные начали спускаться по лестнице. Лидс машинально отступил, пропустил меня вперед, закрыл за нами дверь, запер ее и высунулся в окно, чтобы посмотреть, в самом ли деле ушли его «друзья».

Потом он круто повернулся ко мне. Теперь гнев детектива был ясно виден и направлен не на того, на кого следовало бы, а на меня.

— Мы говорили об этом. Никто не должен заметить связь между нами.

— Хорошо, я уйду, — коротко проговорила я и двинулась к двери.

— Поговори со мной! — потребовал он.

— А как еще ты выбрался бы из этой ситуации? — вздохнула я.

— Я... мог бы сказать, что ездил в Литтл-Рок, повидаться с подружкой.

— Тогда они спросили бы: «Почему же твоя машина была припаркована тут всю ночь?»

— Черт возьми, на это у меня не нашлось бы ответа! — Джек расстроенно ударил кулаком по маленькому столику у окна.

Я пожалала плечами. Какой смысл говорить обо всем этом теперь. Если он собирается вести себя как засранец, то я спущусь вниз и принесу швабру. Мне надо работать.

Когда я очутилась на площадке, Джек меня догнал. Его здоровая рука железной хваткой сжала мое плечо.

Я резко остановилась, очень медленно повернулась и самым искренним тоном сказала:

— А как насчет «Спасибо, Лили, за то, что выручила меня, хотя тебе пришлось вытерпеть плотоядные взгляды второй раз за последние двенадцать часов»?

Джек побледнел еще больше, его рука упала с моего плеча.

— И никогда, слышишь, никогда больше не удерживай меня силой! — сказала я, глядя ему прямо в глаза, повернулась и, чувствуя тошноту, пошла вниз по лестнице.

Вернувшись со шваброй, я секунду постояла на площадке, прислушиваясь. В квартире Джека было тихо.

Я вошла к Дидре, чтобы приняться за работу.

Такие страсти в столь ранний час измотали меня. Я едва заметила необычный порядок в квартире Дидры. Она стала аккуратнее прибираться в своем жилище, как будто пыталась тем самым показать, что изменила свои социальные привычки.

Убирая выстиранное белье, я заметила отсутствие груды пикантных фотографий, которые Дидра обычно хранила под лифчиками. Мне следовало бы порадоваться тому, что она изменила образ жизни, но вместо этого я едва смогла закончить уборку.

Опрокинув последнее мусорное ведро в пластиковый мешок, я призналась себе, что устала еще больше. Мне было грустно.

Это было бы приятным угощением — провести утро в мыслях о Джеке, в расслабленном тепле хорошего секса, в лучах... Чего? Как такое можно назвать? Счастья. Но из-за его гордости — я это понимала — мы закончили на озлобленной ноте.

На туалетном столике Дидры лежала кучка сережек, и я решила просто посидеть, разбирая их по парам. Минуту или две это занятие было простым, приносящим удовлетворение. В конце концов сережке либо находилась пара, либо нет.

Но мои беспокойные мысли снова начали блуждать невесть где.

Выдуманное ограбление во время загадочной встречи в «Спортивных товарах Уинтропа», посреди самой холодной ночи. Голубые листочки бумаги, причинившие столько бед. Длинные тяжелые сумки, ради которых взломали дом Уинтропа, — где они сейчас? Три нераскрытых убийства в крошечном Шекспире. Муки Престон, которой здесь как будто вовсе не место. Взрыв бомбы.

Я не могла извлечь смысл из каждой из этих частей головоломки по отдельности, но, собранные вместе, они выглядели неправильно.

Здесь не орудовали никакие группы фанатиков, которые провозгласили бы четкий манифест. Все казалось слишком небрежно сляпанным. Впервые я задумалась о том, что сказала Кэрри о времени взрыва бомбы. Если целью преступников было убить много черных, то он произошел слишком поздно. Если они хотели «просто» запугать черное сообщество, то слишком рано. Смерти в церкви привели в ярость афроамериканцев Шекспира. Кто бы ни подложил бомбу, он показал не превосходство белой расы, а тупость.

Я заперла квартиру Дидры, даже не пересекла площадку, чтобы послушать под дверь Джека, спустилась по лестнице и поехала в съемный дом Муки Престон. По дороге я думала о неожиданных, обычно скрытых чертах характеров окружающих меня людей, о тех сторонах их жизни, которую я наблюдала последние несколько дней. Я как будто видела под плотью их скелеты.

К примеру, грубовато-добродушный, сердечный старина Дарси Орчад. Я тренировалась вместе с ним годами и видела только незлобивого спортсмена. Но прошлой ночью он выслеживал человека во главе шайки охотников. Под личиной сторожевой собаки скрывался волк.

Насчет Тома Дэвида Миклджона мне всегда все было ясно. Он по натуре был жестоким и коварным, прирожденным умелым и безжалостным охотником. Когда этот коп брал на себя какие-то обязательства, хорошие или плохие, на него можно было положиться. Он скрывал эту грань своего характера, но кто-то извлек ее на свет божий и воспользовался ею.

Впервые я позволила себе представить, что случилось бы, если бы эта стая поймала Джека, и кое-что поняла. Я почти не сомневалась в том, что они убили бы его.

Я начала работу у Муки в мрачном настроении. Конечно, ее дом уже не мог быть таким грязным, каким оказался в первый раз, когда я там убиралась, но Престон каждую неделю

проворачивала огромную работу, чтобы вернуть все в первоначальный вид. Я молча оттирала ванну, пытаюсь игнорировать вопросы и комментарии, которые бросала Муки, проходя мимо открытой двери.

Она показала мне ранки, оставшиеся у нее после взрыва бомбы. Ее зацепили летящие щепки, но ссадины хорошо заживали. Потом она спросила про мою ногу.

Почему эта женщина никак не заткнется и не сядет за свою работу?

Снова приведя ванную в приличное состояние, я переместилась в спальню. В старом доме были большие комнаты и высокие потолки. Низкая современная кровать Муки и ее комод казались не на месте. От голых деревянных полов отдавалось эхо, шаги звучали неестественно громко. Может, Муки нравился шум? Вдруг он составлял ей компанию?

— Знаете, до сих пор неизвестно, кто подложил бомбу, — сказала она, внезапно появившись в очередной раз.

Она читала газеты. Я — нет.

— Неужто? — спросила я.

Мне очень не хотелось разговаривать.

— Бомбу взорвали с помощью наручных часов, вроде тех, что носите вы, — сказала Муки.

Она была очень сердита и взвинчена. На сегодня мне этого уже хватило.

— Все вещества в бомбе были из тех, что можно заказать в любом магазине химикалий. Оставалось только не брать все в одном и том же месте, чтобы тебя не заподозрили.

— Никогда бы не подумала, — многозначительно сказала я.

— Это описано в книгах, которые можно взять в здешней библиотеке! — воскликнула Престон, с предельным раздражением вскинув руки. — Они продаются в книжном магазине Монтроуза!

— Итак, бомбу сделать почти так же легко, как купить ружье, — отозвалась я спокойным ровным голосом.

Ружья под ее кроватью больше не было.

— Закон позволяет его иметь.

— Конечно.

Я тщательно следила за тем, чтобы не повернуться и не посмотреть ей в глаза. Я не хотела стычек. Их с меня тоже было на сегодня довольно.

Сменив постельное белье и вытерев пыль в спальне, я огляделась в поисках пустого мешка, чтобы выбросить в него содержимое пластикового мусорного ведра. Оно было наполнено мокрыми бумажными носовыми платками, клубочками волос и обертками от жевательных резинок. Там, возле обувной коробки, лежал темно-красный пластиковый пакет с узнаваемым логотипом «Спортивных товаров Уинтропа».

Я попыталась убедить себя, что в этом нет ничего странного. Люди по большей части покупали обувь у Уинтропа, потому что в магазине был отличный выбор и возможность заказать то, чего не имелось в наличии.

Но неделей раньше я видела другой пластиковый красный мешок и вспомнила, что еще один такой же, скомканный, валялся в кухонном мусоре. Муки очень часто ходила в магазин Уинтропа.

Я медленно опустошила мусорную корзину и пошла в ванную комнату, чтобы опорожнить еще одну. Муки едва взглянула на меня, когда я очистила ту, что стояла рядом с ее столом. Сегодня ее грубые рыжеватые волосы оказались причесаны, на ней были штаны

от уличного тренировочного костюма и свитер с высоким воротом. Она энергично барабанила по клавишам компьютера. На стене за ее спиной висели все те же схемы. На столе громоздилась груда библиотечных книг. Из них торчало множество листков бумаги, отмечавших места, с которыми она хотела свериться.

— Как продвигается генеалогия? — спросила я.

В кои-то веки Муки полностью сосредоточилась на делах, но улучила минуту, чтобы ответить на мой вопрос:

— В наши дни такая работа делается по большей части за компьютером, что мне полностью подходит. Я тружусь для компании, которая дает объявления в маленьких специальных и в местных журналах, например «Жизнь Юга». Мы проследим вашу родословную, если вы дадите нам базовую информацию. Как ни странно, самые полные сведения имеются у мормонов. Я думаю, они верят, что могут благодаря этому окрестить своих предков и открыть им путь на небеса или что-нибудь в этом роде. Еще есть перепись населения и так далее. — Потом Муки спросила: — Вы хотели бы проследить родословную вашей семьи? — В складках ее рта чудилась легкая насмешка.

— Я знаю ее историю, — сказала я чистую правду.

Моя мать считала великолепным рождественским подарком родословное дерево в рамке на моей стене.

Насколько я могла судить, мама и вправду наняла бы компанию Муки Престон для подобного расследования.

— Тогда вам повезло. Большинство американцев могут назвать своих предков только до прапрадедушек и прапрабабушек. После этого они начинают сомневаться.

Я попыталась считать себя везучей.

Мне это не удалось.

Я хотела сесть в потрепанное кресло у стола и задать Муки вопрос, ответ на который и впрямь был важен. Зачем она здесь? Придя сюда на следующей неделе, не найду ли я ее мертвой из-за того, что эта женщина совала нос в осиное гнездо и ее закусали?

— Вы странно на меня смотрите, Лили, — беспокойно рассмеялась Муки.

В моей голове вертелись частицы информации, складываясь в некий узор. Однажды ночью Ланетт приходила, чтобы втайне повидаться с Муки. Престон переехала в город сразу после того, как был убит Дарнелл Гласс. На ее машине висели номерные знаки Иллинойса. Ланетт вернулась в Шекспир, некоторое время пожив в Чикаго.

Я рассматривала округлые щеки Муки, ее сильную шею, и вдруг поняла, почему она кажется мне знакомой.

Я резко кивнула ей и вернулась к работе на кухне. Муки была сводной сестрой Дарнелла. Но, похоже, не было смысла беседовать с ней об этом. Строго говоря, это меня не касалось. Престон лучше кого-либо другого знала, кто она такая и что ей приходится оплакивать. Я гадала, кто решил хранить все в тайне. Хотела ли Муки работать под прикрытием, пока расследовала убийство брата, или Ланетт не желала признаваться в городе, что у нее была любовная связь с белым?

Еще я гадала, не отправилась ли Ланетт в Чикаго беременной.

Жив ли еще отец Муки? Может, он до сих пор в Шекспире? Разговаривал ли он с Муки?

Ружье, черное, коричневое, смертельно опасное, испугало меня. Я не видела свободного хранящегося огнестрельного оружия с тех пор, как начала заниматься уборкой. Да, я наводила лоск в шкафах для оружия, но никогда не находила ни одного ружья или пистолета

не под замком, так, чтобы до них можно было легко добраться. Это не значило, что оружия в тех домах не было. Оно хранилось в тумбочках или в шкафах, просто не столь... доступных.

Я чувствовала, что мне не полагалось видеть это ружье. Муки просто совершила ошибку, поступив беспечно. Я понятия не имела, что гласят законы Арканзаса насчет оружия, поскольку сама никогда не хотела носить пистолет. Может, раньше ружье было заперто в багажнике машины Муки.

Мне вспомнились мишени. Если считать их типичным показателем искусства Престон, то она была хорошим стрелком.

Я подумала о стае, преследовавшей Джека. Дарси знал имя Муки, ему было известно, где она живет. Я представила, что ему в голову приходят те же самые мысли насчет Престон, что и мне.

Собрав вещи, я сказала Муки, что ухожу. Она вышла со мной на улицу, чтобы проверить почтовый ящик, заплатила мне, и мы вместе пошли по подъездной дорожке. Я усиленно размышляла, что бы такое сказать, если уж вообще говорить.

Чуть ли не в последнюю минуту я решилась:

— Вам надо уехать.

Она уже повернулась ко мне спиной, а я сунула одну ногу в машину.

Муки развернулась обратно, мгновение помолчала, а потом спросила:

— А вы бы уехали?

После некоторого раздумья я ответила:

— Нет.

— То-то и оно.

Она забрала почту и прошла мимо меня к полупустому дому, по которому гуляло эхо.

Когда тем вечером я добралась домой, на меня навалились последствия минувшей бессонной ночи и эмоционально напряженного дня. Было бы хорошо отправиться на карате и выплеснуть хоть немного этого напряжения, но я была так несчастна, что не могла заставить себя переодеться и поехать.

Я сидела у кухонного стола, и на меня накатывали волны черной депрессии. Мне казалось, что я оставила смерть позади, когда нашла этот маленький городок, выбрав его на карте лишь потому, что он назывался Шекспир, а моя фамилия Бард. В ту пору мне подумалось, что такая причина поселиться где-либо не хуже любой другой.

Я перепробовала немало мест, выписавшись из больницы, от дома моих родителей в Джексоне, штат Миссисипи, до Уэйверли, штат Теннесси, работала официанткой, уборщицей, мыла волосы в салоне, делала что угодно, лишь бы после окончания рабочего дня оставить все это позади.

Потом я нашла Шекспир, а городок обрел прислугу.

Когда погиб Пардон Элби, это было небольшое, частное дело. Но теперь творилось настоящее умопомешательство... Оно брало истоки в стайном инстинкте, особенно ужасавшем и бесившем меня. Я знала по опыту, что собой представляют мужчины, сбившиеся в стаю.

Я подумала о Джеке Лидсе, который никогда не входил ни в одну стаю. Он уже перестал на меня злиться... Или нет. Это от меня не зависело. Я к нему не пойду, сколько бы горюющих подружек и вдов ни приходило мне на ум. Иногда я ненавижу химию тела, которая способна играть такие шуточки с твоим здравым смыслом, с обещаниями, данными

самой себе.

В дверь постучали, и я посмотрела на стенные часы. Оказывается, я просидела, таращась невесть куда, целый час. Моя раненая нога ныла, когда я встала. Я слишком долго пробыла в одной и той же позе.

Я заглянула в глазок. У моих дверей со встревоженным видом стоял Бобо. Я впустила его. Поверх ги на нем была коричневая куртка.

— Эй, как ты? — спросил он. — Я скучал по тебе на карате. Маршалл тоже.

Последнее он добавил торопливо, как будто я стала бы обвинять его в свинском поведении из-за того, что все вокруг скучали по такому множеству людей.

Будь это кто-нибудь другой, не Бобо, я не открыла бы дверь. Я знала его с тех пор, когда он только начинал бриться. Иногда парень держался самонадеянно, слишком задавался, но всегда был милым. Я подивилась тому, что этот мальчик стал моим другом.

— Ты плакала, Лили? — спросил он.

Я прикоснулась к своей щеке — да, так и есть — и ответила:

— Неважно.

Мне хотелось бы, чтобы он ничего не заметил, бросил эту тему.

— Нет, Лили, — сказал он. — Ты никогда себя не жалеешь. Это важно.

Удивительно, но Бобо вынул чистый носовой платок из кармана куртки и нежно вытер мои щеки.

Наши с ним беседы проходили не так. Обычно он рассказывал, как у него дела с учебой, мы разговаривали о новом броске, показанном нам Маршаллом, или о мальчике, с которым встречается Эмбер Джин.

— Бобо... — неуверенно и озадаченно начала я, пытаюсь уложить все это в голове.

Тут парень начал действовать, причем решительно. Он обнял меня и крепко, с нервирующей опытностью поцеловал. Несколько секунд я потрясенно стояла, молча принимая этот интимный контакт, чувствуя тепло его губ, твердое давление тела. Потом сработала внутренняя сигнализация. Мои руки скользнули вверх и осторожно прижались к его груди. Бобо немедленно выпустил меня. Я посмотрела ему в лицо и увидела мужчину, желающего меня.

— Мне очень жаль, Бобо, — сказала я. — Надеюсь, я всегда буду твоим другом.

Я выразилась тускло, но не шутила.

Оттолкнуть Бобо стоило некоторых усилий. Было слишком легко вообразить, как я радушно встречаю его в постели — юного, энергичного, сильного, красивого, невольно внушающего любовь. Я надеялась загладить плохие воспоминания, заменив их хорошими. Мы с Бобо явно могли подарить друг другу несколько приятных воспоминаний. Даже сейчас я почувствовала искушение, увидев, как лицо его замкнулось от боли.

— У меня есть другой мужчина, — сказала я.

Мне была ненавистна мысль о том, что я говорю правду.

— Маршалл? — выдохнул он.

— Нет. Неважно, кто он, Бобо. — Я сделала над собой еще одно усилие и продолжила: — Ты понятия не имеешь, как я польщена, какое это для меня искушение.

Доказательством тому был мой неровный голос. Я увидела, как к нему вернулась гордость, когда он понял, что слышит правду.

— Я уже давно тебя люблю, — сказал Бобо.

— Спасибо, — серьезно, как никогда, отозвалась я. — Я горжусь этим.

Удивительно, но, открыв дверь, чтобы уйти, Бобо взял мою руку и поцеловал.

Я наблюдала, как отъезжает его джип.

— Трогательная сцена, — кисло сказал Джек Лидс.

Он вышел из тени навеса для автомобиля, пересек маленькую лужайку и оказался у моей передней двери. Детектив стоял всего в нескольких дюймах от меня, скрестив руки на груди, с презрительной ухмылкой на лице.

Я почти физически почувствовала, как у меня упало сердце. Я подумала, не закрыть ли дверь перед его носом, не запереть ли на замок; я была не в состоянии выдержать еще одну сцену.

— Ты трахнулась с ним, Лили? Золотой мальчик, никакого прошлого, которое давило бы ему на плечи, да?

Я почувствовала, как что-то во мне надломилось. Меня столкнули за грань.

Джек увидел это по моим глазам, внезапно встревожившись, начал расплетать руки, но я ударила его изо всех сил в солнечное сплетение. Он издал невнятный звук и начал сгибаться пополам. Я согнула руку и нацелилась локтем в основание его черепа. Мне удалось сдержаться только в самый последний миг, потому что это был смертельный удар. Но я слишком быстро отвела руку. Он сумел броситься на меня, вышиб из дверей, опрокинул на ковер и ногой захлопнул за собой дверь.

Второй раз Джек прижал меня к полу всем телом. Я не собиралась это терпеть и ударила его в раненое плечо. Он перевернулся, я оказалась сверху, схватила его одной рукой за куртку, второй скрутив свитер. Костяшки моих пальцев впились в его горло, и он издал давящийся звук.

— Да, Джек, это любовь, еще какая! — сказала я дрожащим голосом, который сама с трудом узнавала.

Я скатилась с него и села к нему спиной, прикрыв руками лицо, в ожидании, когда он ударит меня или уйдет.

Спустя долгое время я рискнула на него взглянуть.

Он все еще лежал на спине, не сводя с меня глаз. Видно было, как он дрожит, и я радовалась этому. Он поманил меня согнутыми пальцами. Я неистово потрясла головой.

Прошло еще много времени, и я услышала, как он шевельнулся. Джек сел, раскинув ноги, и притянул меня к себе. Он скрестил передо мной руки и держал крепко, но нежно.

Постепенно я успокоилась и перестала трястись.

— У нас все в порядке, Лили, — сказал Джек.

— Может, твоя привычка делать все не к месту и не ко времени — причина того, что у тебя настолько пестрая карьера... как у любовника?

— Я... прости, — сказал он сквозь сжатые зубы.

— Да, это очень помогает!

— Прости, пожалуйста.

— Хорошо.

— Могу я?..

— Что ты хочешь сделать, Джек?

Лидс ответил на этот вопрос.

Я сказала, что он может попытаться.

Позже, в тишине, в моей постели, Джек начал говорить о чем-то другом. Все осколки улеглись на свои места.

— Меня нанял Хоувелл Уинтроп-младший, — сказал Джек, когда мы лежали лицом друг к другу. — Неделю назад он велел мне не доверять тебе.

Я почувствовала, как широко распахнулись мои глаза, когда я впитывала в себя услышанное.

— Ты видела людей прошлой ночью и должна была о многом догадаться.

— Думаю, в дело замешан Дарси. А все остальные?

— Да, они тоже и еще кое-кто. Не весь город, даже не значительная часть белых мужчин. Просто несколько недоумков, которые воображают, что их задницы в серьезной опасности. Они думают, что проявят мужественность, поставив черных на место. Не только мужчин, но и женщин, если уж на то пошло.

— Итак, они встречаются в «Спортивных товарах Уинтропа».

— Там и образовалась эта группа. Большинство из них все равно довольно часто туда приходят, чтобы купить что-нибудь, поэтому так уж вышло. Девяносто восемь процентов покупателей магазина Уинтропа просто обычные милые люди, но два процента... Хоувелл ничего об этом не знал, пока не заметил, что через бухгалтерский учет проходят ружья, которые потом не появляются на складе. Даже не он сам это понял.

— Нет. — Я подумала минуту. — Ему сказал Дел.

— Да, Дел Пакард. Он пошел к Хоувеллу. Тот велел ему больше никому не говорить, но Дел, должно быть, сказал.

— Бедный Дел. Кто его убил?

— Пока не знаю, как и кто, было ли Делу известно больше, чем он рассказал Хоувеллу. Допустим, они просто испугались, что Пакард сообщит полиции, может, даже просили его присоединиться к ним. Он отказался, тогда один из них вывел Дела из игры.

— Уж наверняка не все служащие Уинтропа замешаны в деле.

На Уинтропа работало много людей. По меньшей мере двадцать мужчин и четыре или пять женщин сидели в офисе. Если добавить сюда штат принадлежащего Уинтропу магазина стройматериалов и товаров для дома, который находился по соседству... Еще были «Масла Уинтропа».

— Нет, далеко не все. Только трое или четверо из магазина спортивных товаров, насколько мне удалось разузнать. Еще двое, может быть трое, из соседнего магазина. Плюс несколько парней, которые просто к ним присоединились. Например, Том Дэвид и тот, которого ты называла Кливом Рэгландом. Именно на его машине они приехали в тот день, когда решили выкрасть сумки из дома Уинтропа.

Поскольку Джек был в разговорчивом настроении, я решила задать как можно больше вопросов:

— Что было в черных сумках?

— Пистолеты и ружья. Последние четыре года заказы для магазина делал Джим Бокс. Кто-то подал ему блестящую идею заказать чуть больше, чем, по его мнению, мог бы продать Уинтроп. Потом они собирались инсценировать ограбление и списать это оружие как украденное. Думаю, поэтому подобная отговорка так быстро пришла им на ум прошлой ночью. Они подумали, что если изобразить ограбление, то никто не сможет обвинить магазин и самого Хоувелла, когда пистолеты будут использоваться для незаконных дел. Вместо того чтобы выносить стволы один за другим, они начали накапливать их в задней части магазина, складывали в две черные сумки и выжидали нужный момент, чтобы

изобразить кражу со взломом. Им следовало бы не останавливаться и перевезти куда-то эту грудку оружия после гибели Дела, но мы говорим о не слишком сообразительных людях.

— Значит, вы с Хоувеллом забрали сумки.

— Да, все ушли на ланч, поэтому мы загрузили сумки в машину Хоувелла и поехали к нему домой. — Джек поцеловал меня. — В тот день я увидел там тебя. Ты запомнилась мне с каким-то очень странным выражением лица.

— Я не могла понять, почему вы вместе, подумала, может, ты и Хоувелл... свернули не туда.

— Ага, к сейфу Бини. — Джек от души рассмеялся.

— Почему вы поместили оружие в доме Хоувелла?

— Хотели посмотреть, кто за ним явится. К тому времени мы знали, кто из служащих замешан в деле, и хотели установить остальных членов группы. К тому же я решил, что караулить в доме Хоувелла будет безопаснее, чем каждую ночь прятаться на складе в ожидании, пока там разыграют сцену кражи со взломом. Поэтому Хоувелл сказал Дарси, что на складе были найдены странные запасы оружия. Мол, он решил держать их дома, пока не определится, звонить в полицию или нет.

— Разве это не было слегка опасно для Хоувелла и его семьи? — спросила я, пытаюсь говорить ровным тоном.

— Что ж, я знал, в какой день они сделают попытку. Хоувелл был убежден в том, что они не тронут его и семью. У него было странное чувство... Как будто он перед ними в долгу, потому что они на него работают. Похоже, Уинтроп даже не хочет их выдавать, пока не выяснит, кто они такие. Это странно. Он не желает, чтобы кого-нибудь ложно обвинили. Это достойно уважения, но, видимо, Хоувелл не все мне говорит.

Мне пришлось внимательно вслушаться в последнюю фразу и обдумать ее так же основательно, как и множество других вещей. Но я все еще пыталась понять план действий Джека и Хоувелла. Пока, честно говоря, он казался мне ненамного лучше идей воров.

— Итак, ты спрятался в гардеробе Бини, чтобы подождать и увидеть, кто явится на приманку.

— Да. Пришла ты. Я понял, кто появился, в ту самую секунду, когда ты меня ударила, но не знал твоего имени.

— Ты не обращаешь внимания на то, что говорят люди?

— Я слышал имя Лили, но не знал, что это ты. Ты не была похожа ни на одну уборщицу из тех, которых я видел раньше, ни на одного знатока карате. Как и на тех, кто занимается поднятием тяжестей.

— А на кого я была похожа? — спросила я, склонившись к лицу Джека.

— На самую волнующую женщину из всех, которых я когда-либо видел.

Время от времени Джек говорил именно то, что следовало.

— Мне хотелось прикоснуться к тебе, положить руки вот так, — прошептал он и продемонстрировал, как именно. — Когда Хоувелл услышал про взрыв бомбы, он позвонил мне, велел отправиться в больницу и проверить, сколько там убитых и раненых. Уинтроп знал, что если поедет сам, то это будет выглядеть странно. Он был уверен: бомбу подложил один из его служащих, и хотел знать, привезли ли кого-нибудь из персонала в больницу. Хоувелл подумал, что, возможно, они болтались поблизости, чтобы увидеть взрыв, и пострадали сами. Поэтому я поехал в больницу. Это было жутко. Я просто вошел, бродил из палаты в палату и искал. Никто меня не остановил, не спросил, по какому я делу. У

Хоувелла была хорошая задумка, но она не сработала. Никто из членов группы не пострадал. Но я увидел на каталке тебя.

— Ты был в больнице! Я думала, мне приснилось.

— Это был я. Хотел остаться, но знал, что это будет выглядеть странно.

— Ты спросил, есть ли кто-нибудь, кому можно позвонить и сообщить обо мне.

— Я хотел, чтобы о тебе позаботились, желал узнать, не опередил ли кто-нибудь меня.

Все рассказывали, что ты с Маршаллом. Я чувствовал, что он довольно грозный конкурент. Если бы ты попросила меня ему позвонить...

— Как бы ты тогда поступил?

— Позвонил бы, но попытался бы найти способ сделать так, чтобы ты стала свободной женщиной, когда почувствуешь себя лучше.

Некоторое время мы молчали.

Я встала, хлебнула воды, вернулась и спросила:

— Почему ты думаешь, что Хоувелл мне не доверяет?

Это предположение меня больно задевало. Я хранила семье Уинтроп верность превыше той, которая требовалась от меня взамен оплаты за работу.

— Не знаю. Я задал ему стандартный вопрос, у кого есть ключи от дома. Он ответил: «У служанки» и сказал, что ты работаешь на него четыре года и тебе, без всяких сомнений, можно полностью доверять. Потом, примерно неделю спустя, Хоувелл вызвал меня в свой офис с утра пораньше и велел тебя избегать. Он считал, что без тебя тут не обошлось.

Джек поцеловал меня, чтобы показать, как мало прислушался к этим словам.

— Не могу догадаться, что такое сделала, чтобы заслужить недоверие Хоувелла. — Я задвинула эту мысль подальше, чтобы обдумать ее позже. — Какую цель они преследовали, когда копили все это оружие?

— Судя по частям головоломки, которые я сложил, их цель — создать вооруженную группу, утверждающую превосходство белой расы, с охотничьим лагерем Клива Рэгланда в качестве тренировочной базы. Они хотят быть крутой организацией, а не кучкой подонков, которые ворчат и убивают детей, устраивая взрывы.

— Ты слышал что-нибудь о Дарнелле Глассе? — спросила я.

Джек лег и откинул волосы назад, пропустив через них пальцы.

— Странное дело, — в конце концов сказал он. — Здесь как будто происходят две вещи одновременно. После того как я познакомился с большинством замешанных в дело мужчин, по крайней мере я так подумал, больше всего меня впечатлила их тупость. Хранить оружие, украденное со склада: глупо. Пытаться выкрасть стволы из дома Хоувелла: глупо. Разрисовать машину Дидры — я сам видел, как это сделал парень, работающий грузчиком в магазине товаров для дома: опять-таки глупо. Думаю, Дидра обрезала его, когда заходила в магазин, чтобы купить новый карниз для занавесей, поэтому он ей отплатил. Далее — бомба. На следующий день после взрыва, услышав, что Клод Фридрих и ты ранены, а шериф Шустер убит, все они почувствовали себя дьявольски виноватыми. Думаю, их беспокоила и гибель маленькой девочки. Знаешь, почему все это случилось? Бомба взорвалась не вовремя. Я подслушал, как Джим и Дарси изливали свою вину. Они пытались переложить ответственность на плечи жертв. Дескать, тебе вообще не следовало там находиться, шериф Шустер должен был побыстрее выходить, а маленькой девочке стоило бы сидеть дома, делать уроки... и тому подобная чушь.

— Они убили тех людей из-за своей некомпетентности.

Я закрыла глаза. Мне вспомнилось, что творилось в церкви.

— Есть группы наподобие этой, Лили, и люди, которые стремятся прикончить как можно больше черных. Им плевать, какого возраста убитые. Но эти парни — нет. Они еще никогда не мастерили бомб и напортачили с ее изготовлением.

— Как они проникли в церковь перед собранием?

— Храм днем не заперт. Джим просто воспользовался этим. Только так я могу все объяснить.

Меня затошнило.

— Но Дарнелл! Они ничего о нем не говорили?

— Нет, зато твое имя шайка поминала пару раз.

— Погоди.

Самый важный вопрос пришел мне в голову только сейчас. Джек был новеньким в магазине. Почему они доверяли ему, полагая, что он их не выдаст?

— Как ты смог все это подслушать?

— Лили, я установил «жучок» в комнате отдыха служащих.

— Это законно?

— Ну...

— Хм.

— Не то чтобы они совсем не говорили об убийстве Дарнелла, — сказал Джек, возможно желая отвлечь меня от мыслей о том, насколько далеко он способен выйти за рамки закона. — Все эти типы считали, что Дарнелл получил по заслугам. Не проси меня объяснить ход их мыслей, потому что это невозможно. Потом они упомянули тебя. Ведь, насколько я понял, это была нешуточная драка. Ты к ней присоединилась? — Он повернул меня лицом к себе и как-то очень серьезно заглянул в глаза.

Я пробежала пальцем вниз по щеке Джека, по шраму, по шее до ключицы и сказала:

— Не думай, что я не жалею о произошедшем. Я не хотела бы даже случайно там оказаться. Я не активистка. Хочу, чтобы меня оставили в покое. Но я была там. Противников у него оказалось слишком много. Те парни избili бы беднягу до полусмерти.

Джек уяснил это, принял и очень тихо произнес:

— Видишь ли, с их точки зрения, ты защищала Дарнелла, была у Хоувелла, когда они явились, чтобы забрать ружья, и в церкви, когда там случился взрыв. Столько совпадений для них — уже чересчур. Неважно, что в каждом из этих случаев ты лишь занималась собственными делами.

— Они принимают меня за тебя? Считают своего рода детективом?

— Эти парни думают, что тебе слишком нравятся черные, полагают, что ты можешь иметь какое-то отношение к тому, что им не удалось вернуть ружья. Потом я провел с тобой ту самую ночь, когда они пытались выяснить, кто за ними шпионит. Поэтому ребята задумываются о тебе не на шутку. В то же самое время они, похоже, испытывают к тебе странное чувство уважения.

— Почему эти люди гнались за тобой прошлой ночью?

— Я прятался в нише, которую сам соорудил. Если ты считаешь, что часть магазина, предназначенная для покупателей, ошеломляет, то тебе стоило бы увидеть служебные помещения этого заведения. Человек мог бы прожить там неделю, и никто бы ничего не заподозрил. В общем, я знал, что через несколько часов они соберутся на складе, а там нет «жучков». Мне хотелось выяснить, что ребята замышляют.

— Как они узнали, что ты там?

— Ты будешь смеяться, — мрачно сказал Джек, и я почувствовала, что не стану этого делать. — Пауль, парнишка, работающий в магазине товаров для дома, привел с собой собаку. Он очень гордится ею, все время о ней твердит. Она стоит какую-то безбожную сумму. Кажется, трехцветная гончая. Собака учуяла меня, начала лаять. Мне показалось, что будет умнее бежать изо всех сил, а не ждать, пока они явятся проверить, в чем дело.

Я оказалась права. Это было не смешно.

— Они тебя убили бы.

— Знаю. — Джек лежал, глядя в потолок и усиленно размышляя об этом. — Сомневаюсь, что все они замешаны в убийстве Дарнелла, но они прикончили бы меня прошлой ночью, потому что собрались всем скопом и боялись.

— Думаешь, теперь они тебя подозревают?

— Возможно. Сегодня мне позвонил Джим, сказал, что слышал от Дарси, будто я ухаживаю за Лили Бард, и предложил мне переключиться на более традиционную девушку.

— Ухаживаешь, а? Так вот что это такое?

— Но мне это нравится, как бы оно ни называлось.

— А я, стало быть, девушка, — задумчиво проговорила я. — Нетрадиционная.

— В данном случае пошли они, все традиции, куда подальше, — пробормотал Джек.

— Итак, что ты собираешься делать?

— То же, что и раньше, — столько, сколько смогу. Каждую ночь забирать запись, прослушивать ее, копировать, звонить Хоувеллу и сообщать любую информацию, какую сумею раздобыть. Ждать, пока он решит, что собирается делать. В конце концов, Уинтроп — мой босс. — Джек обхватил меня руками. — Лили, я бываю упрямым и злым, иногда совершаю проступки. Будь я действительно отличным детективом, сказал бы тебе, что не могу с тобой видаться, пока дело не закрыто. Возможно, я подвергаю тебя даже большей опасности, чем та, которая тебе уже грозит. Но они все еще верят в мое прикрытие. Есть шанс, что я каким-то образом заставляю их немного тебе доверять. Если плохой парень вроде меня интересуется тобой, то ты не можешь быть доносчицей. Я надеюсь, что так они решили, но просто не знаю наверняка.

Он сел, сбросив ноги с кровати. Я наслаждалась видом его голой спины и зада. Такая картинка мне очень нравилась. Я провела пальцем по его спине, и Лидс выгнулся.

— Можно сказать, что у меня большие проблемы с импульсивностью, — произнес Джек, не глядя на меня.

— Да неужто? — совершенно серьезно спросила я.

— Давай не будем шутить на эту тему, ладно? Я пришел в твой дом, когда меня ранили, может, навел подозрения, подверг опасности. Я полюбил тебя, подчиняясь импульсу, и не могу об этом сожалеть. Я остался бы с тобой в кровати на год, если бы мог. Но так же импульсивно у меня начался роман с Карен, и она погибла. — Джек слегка повернулся и встретился со мной глазами. — Я не могу позволить, чтобы из-за моей неосмотрительности ты очутилась в опасной ситуации, как это случилось с ней.

— Вряд ли ты сможешь этому помешать. Я не Карен Кингслэнд. — Мой голос звучал резковато.

— Лили, послушай! Я знаю, что ты сильная и считаешь себя крутой, но дело здесь не в одном противнике, который честно дерется. Это стая. Они тебя убьют... может быть, не сразу.

Я устала на него, почему-то перестав чувствовать удовольствие при виде Джека, и заявила:

— Ты говоришь — поправь меня, если я неправильно поняла, — что я считаю себя крутой, хотя на самом деле это вовсе не так. Мол, я могу победить противников, только если те честно дерутся. Дарси, Джим и Том Дэвид изнасилуют меня, если подвернется шанс. Боже, кто мог бы подумать!

— Знаю, ты начинаешь злиться, — сказал он, повернувшись и посмотрев на меня. — Вероятно, я этого заслуживаю, но не могу допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Ты никоим образом не можешь впутаться в это дело.

— Ты станешь просто заглядывать сюда, когда у тебя найдется минутка для секса? Будешь оскорблять других моих гостей?

Его четко очерченные губы плотно сжались. Он тоже начинал злиться.

— Нет. Я не должен был ничего говорить насчёт визита Бобо. Не имел права. Я уже извинился. Эй, я ни разу не упомянул копа, посылающего тебе цветы, а они все еще стоят на твоём кухонном столе, и в них торчит открытка.

— Которую, конечно же, ты имел полное право прочитать.

— Лили, я детектив. Конечно, я ее прочитал.

Я сжала голову руками, потрясла ею, чтобы разогнать туман.

— Уходи. Я не могу сейчас иметь с тобой дел.

— Вот мы и начали все сначала, — беспомощно сказал он.

— Нет, только ты. — Я не шутила. — Ты чуть не свел меня с ума, сказав, что мы не должны демонстрировать на публике нашу связь. Хорошо, признаюсь, я чуть не ответила тебе тем же, при всех дав понять, что интим между нами есть, — чтобы спасти твою задницу. Ты импульсивно изливаешь душу, рассказываешь про недоверие работодателя. Мол, мне то ли грозит, то ли нет серьезная опасность. Потом ты велишь не впутываться в разгребание всей этой неразберихи.

— Если излагать суть дела подобным образом, то да, признаю, вряд ли я поступаю с тобой должным образом.

— Неужто? Не шутишь?

— Почему мы все время так... так... сцепляемся? Я пытаюсь поступать правильно, не хочу, чтобы ты пострадала!

— Знаю, — ответила я и вздохнула. — А теперь тебе нужно идти. Возвращайся и поговори со мной где-нибудь на публике, когда решишь, какой же линии поведения ты в данный момент придерживаешься.

Джек встал. На лице его отражались противоречивые чувства.

— Поцелуй меня, — попросил он, протянув руку. — Я не могу уйти вот так. Между нами зарождается что-то настоящее.

Почти нехотя я повторила его жест. Он потянул меня так, что я встала на кровати на колени, нагнулся и крепко поцеловал меня в губы. Я почувствовала, как по мне снова начинает прокатываться жар, и отодвинулась.

— Да. Настоящее, — сказал Лидс, оделся, легко поцеловал меня в лоб и направился к двери.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тем утром Кэрри не пришла в клинику. Это был первый случай за долгое время, когда ее не оказалось там в субботу. Я и не знала, как сильно рассчитывала ее увидеть, пока не въехала на парковку за клиникой и не увидела, что там пусто.

Кэрри оставила мне записку, прикрепив ее к двери туалета для пациентов, поскольку знала, что первым делом я убираюсь в этой комнатке.

Лили, следуя твоему предложению. Сегодня все свободные от дежурства члены полицейского управления занимаются переездом Клода в нижнюю квартиру, раньше принадлежавшую О'Хагенам. Бекка Уитли устанавливает у задней двери пандус! Я знала, что ты захочешь быть в курсе.

Меня слегка расстроило то, что Кэрри заботится о Клоде. Я навещала его в больнице еще пару раз и теперь осознала, что он постоянно говорил о ней. Может, я потому и не беспокоилась о проблемах, связанных с возвращением Клода домой, что уяснила намеки? Этим займется кто-то другой, а не я? Так-так-так. Кэрри и Клод. Это мило.

Я прибралась в клинике, хотя без Кэри чувствовала себя здесь одиноко. Взвзвись за работу у следующего клиента, я хмуро размышляла о том, что сказал мне Джек. Меня терзало то, что Хоувелл мне не доверяет. Я очень надежная, честная, держу язык за зубами. Моя деловая репутация зависит от этих качеств.

Попытавшись припомнить все наши с Хоувеллом недавние встречи, я старалась вычислить ту, которая объяснила бы, почему он внезапно перестал мне доверять.

Когда мой рабочий день подходил к концу, я решила нанести визит.

Сверившись с телефонной книгой и картой, я снова поехала в черный квартал Шекспира, раскинувшийся вокруг церкви Голгофы. Меня подташнивало, когда я проезжала мимо пострадавшего здания, омытого теперь ярким солнечным светом зимнего дня. Холодный ветер теребил большой лист пластика, которым прикрыли дыру в крыше. Уже успели поставить временные передние двери. На траве лежала груда расщепленных церковных скамей. В воздухе все еще чувствовался запах гари. Мужчины работали и снаружи, и внутри. Среди них был и белый. Внимательно присмотревшись, я узнала католического священника из Монтроуза. Потом увидела Брайана Грубера, владельца фабрики по производству матрасов, и рыжеволосого Ала из «Спортивных товаров Уинтропа».

После этого я почувствовала себя немного лучше.

Моя цель находилась в квартале или двух отсюда, в одном из кирпичных домов этого района.

Аккуратное крошечное жилище стояло в окружении сетчатого забора в четыре фута высотой, на котором висела дощечка: «Осторожно, злая собака!» Золотисто-желтый цвет ставней и свесов крыши контрастировал с коричневыми кирпичами.

Я осмотрела двор, но не заметила злой собаки, а потому подняла щеколду ворот. Из-за дома стремглав вынырнул большой желтовато-коричневый пес с короткими ушами, неудачная смесь разных пород. Он гавкал, рычал и метался из стороны в сторону у самого забора.

Из передних дверей вышла невысокая чернокожая женщина, такая же ухоженная и аккуратная, как и дом. Сегодня, в выходной день, на ней была одежда цвета красной розы.

При ее появлении пес немедленно умолк, выжидая, как поведет себя хозяйка.

— Что вам нужно? — окликнула она без радушия или враждебности.

— Если вы Калли Канди, то мне хотелось бы с вами поговорить. Я Лили Бард.

— Я знаю, кто вы такая. О чем нам с вами говорить?

— Об этом. — Я показала ей потертый бархатный футляр.

— Почему у вас кольцо миссис Уинтроп?

В точку. Как я и подозревала, вещь никогда не принадлежала Мэри Хофстеттлер.

— Мисс Канди, мне и вправду нужно с вами поговорить.

— Мисс Бард, я не собираюсь быть грубой, но от вас одни проблемы, а у меня их уже достаточно. Больше не нужно.

Я успела узнать все, что желала.

— Хорошо. До свидания.

Она не ответила. Женщина и коричневатая собака с непроницаемым видом игрока в покер наблюдали за тем, как я возвращаюсь в машину и пристегиваю ремень. Потом хозяйка закрыла дверь, а я поехала домой. Теперь у меня было еще больше пищи для размышлений.

В тот день я сходила за покупками, прибралась в своем доме, приготовила хлеб с бананами и орехами для Клода. Он любил так завтракать. Это казалось очень милым, очень личным — знать подобное о своем друге. Именно по чему-то такому я скучала больше всего, сама того не сознавая, в годы своих скитаний, в начале жизни в Шекспире: по маленьким деталям, близости, дружбе.

Я вынула из холодильника одно из своих домашних блюд. Я помнила: Клоду нравится лазанья.

Чувствуя себя образцом добропорядочности маленького городка, я отправилась в соседний дом.

Переезд, очевидно, завершился. Некоторые копы Клода все еще были здесь и распивали пиво, выставленное хозяином в знак благодарности.

Фридрих лежал на старом диване, его сломанная нога была подперта оттоманкой.

Поскольку дверь оказалась открытой, я просто вошла, смущаясь оттого, что у меня такая аудитория.

— Лили, ты отрада для истосковавшихся глаз! — прогудел Клод, и я заметила, что он выглядит лучше, чем когда-либо со времен взрыва. — Входи и выпей пива.

Я оглядела мужчин, сидевших в гостиной, кивнула Дедфорду Джинксу, которого не видела со времени взлома у Уинтропа, и Тодду Пикарду. Казалось, он слегка посвободней чувствует себя в моем присутствии, чем в минувшие недели. Том Дэвид сидел на полу, скрестив длинные ноги, с бутылкой пива «Микелоб»^[31] в руках. Его блестящие злые глаза внимательно осмотрели меня, губы скривились в противной ухмылке.

«Иуда! — подумала я. — Пьешь пиво Клода, хотя знал, что он будет в той церкви! Мог ли ты помешать той девочке погибнуть?»

Должно быть, у меня сделалось очень неприятное выражение лица, потому что теперь Том Дэвид выглядел скорее испуганным, чем ошетиненным. Его улыбка поблекла, потом вспыхнула еще ярче.

— Ого-го, это же мисс Бард! Оторвалась от своей новой любви, чтобы успеть нанести тебе визит, Клод!

Фридрих слегка улыбнулся, может, потому, что в этот момент из кухни вышла Кэрри. На ней были леггинсы и фуфайка Арканзасского университета. В кои-то веки она выглядела беззаботной. Ее очки сидели на лбу, глаза были круглыми, карими, теплыми.

Тома Дэвида застало врасплох то, что никто не собирался уловить его намек. Детектив Дедфорд Джинкс пробежал рукой по редющим волосам и с неприкрытым раздражением посмотрел на него.

Я улыбнулась Кэрри, наклонила голову, глядя на Дедфорда и патрульного, которого не знала, высокого чернокожего мужчину с повязкой на руке. Посмотрев внимательнее, я поняла, что ему-то и помогла в церкви. Он тоже меня узнал, и мы обменялись кивками.

— Я подумала, что в ближайшее время ты печь не будешь, поэтому принесла тебе хлеб.

— Случайно не банановый с орехами? Я отсюда его чую.

— Еще лазанью, — кивнув, пробормотала я.

Хотела бы я, чтобы все смотрели куда угодно, только не на меня.

— Лили, ты само очарование! — заявил Клод. — Если бы Кэрри не помогла мне с переездом, а ты не стряпала бы для меня, мне пришлось бы полагаться на доставку пиццы на дом.

— Конечно, больше никто в городе не принесет тебе еды, — саркастически произнесла Кэрри.

Она была права, превратив слова Клода в шутку. Его заваливали едой ежедневно, если не ежечасно.

— Куда мне это поставить? — спросила я Кэрри, тактично признав ее место в квартире.

Она выглядела слегка удивленной, а потом — довольной.

— Помоги мне распаковаться на кухне, если у тебя есть минутка, — попросила она.

Кэрри поняла, что я чувствую себя неловко.

Я с радостью ушла вслед за ней из комнаты и, проходя мимо Клода, слегка похлопала его по плечу.

Мы с Кэрри были слишком взрослыми для девичьих откровений, но я почувствовала, что обязана что-то сказать, и негромко спросила:

— Это то, чем кажется?

Она пожала плечами, пытаясь выглядеть уклончивой, но кончики ее губ приподнялись в легкой улыбке.

— Хорошо, — сказала я. — А теперь, как думаешь, куда бы ему хотелось положить эти специи?

— Я пытаюсь разместить все так, как было в его квартире наверху, — ответила Кэрри. — Не хочу, чтобы он чувствовал себя чужаком в собственной кухне. Я пыталась запомнить, даже нарисовала чертеж. Но тут довольно спокойно, потому что люди то и дело приходят и уходят.

— Полагаю, специи хранились здесь. — Я открыла шкафчик справа от плиты.

Я надеялась, что Кэрри не воспримет это неправильно. Так и случилось, поскольку она была в первую очередь женщиной благоразумной.

К счастью, Бекка Уитли — я решила, что это она, — как следует вымыла квартиру после отъезда О'Хагенов. Нам пришлось лишь разложить вещи в логическом, по нашему мнению, порядке. Проработав некоторое время, мы с Кэрри сделали передышку и выпили колы.

Прислонившись к кухонному столу, мы обменялись улыбками, хотя непринужденно, по-товарищески молчали.

— У них не было никаких проблем с тем, чтобы перенести все вниз, но, думаю, распаковка — работа для женщин, — горько сказала Кэрри и понизила голос: — Что за заварушку пытался начать Том Дэвид?

Мы все еще слышали голоса мужчин в гостиной, но не знали, кто уже ушел, а кто недавно явился.

— Я... — К своему ужасу, я почувствовала, что краснею, и уставилась вдаль.

— Ты в порядке? — спросила Кэрри с профессиональным видом.

— Да. — Я сделала вдох и заявила: — Встречаюсь с новым продавцом из «Спортивных товаров Уинтропа». — В течение одного ужасного мига мне не удавалось вспомнить вымышленное имя Джека. — С Джаредом Флетчером.

— С тем, который живет в этом доме? С такими губами и волосами?

Я кивнула и ухмыльнулась, услышав такое описание.

— Как ты с ним познакомилась?

— Пришла купить перчатки для силовых тренировок, — ответила я, мысленно пробежавшись по событиям минувшей недели, чтобы найти правдоподобный вариант.

— Как романтично, — заметила Кэрри.

Я остро взглянула на нее, желая знать, не дразнит ли она меня, но Кэрри была совершенно серьезна.

— Не его ли я видела в больнице в ту ночь, когда взорвалась бомба? — с сомнением произнесла она.

А ведь Джек приходил туда до того, как я, по официальной версии, с ним познакомилась. Но Кэрри не знала этого. Я не сказала ей, когда именно купила новые перчатки. Все было так сложно. Я терпеть не могла лгать, особенно одной из моих новых подруг.

— Да.

— Он пришел повидаться с тобой?

Я кивнула, решив, что это немного лучше, чем пытаться отобрать частичную правду из выдумки.

— Ух ты! — простодушно воскликнула Кэрри. Словно по сигналу, из гостиной донесся знакомый голос.

— Эй, я слышал, вы бросили нас, живущих на втором этаже. Должно быть, есть некая тайная выгода в проживании тут, внизу! — сердечно проговорил Джек.

Ответ Клода был не так разборчив, но я ясно расслышала слово «пиво».

— Не помешало бы, — ответил Джек. — Я работал весь день, и мне пошло бы на пользу что-нибудь жидкое. Кстати, я купил вам кое-что на новоселье.

— Спасибо, сосед, — уже разборчивее сказал Клод, наверное повернув голову к идущему по комнате Джеку. — Вы должны распить эту бутылку вместе со мной, когда я открою.

Джек появился в кухонных дверях, одетый в красный свитер с логотипом магазина Уинтропа и свою кожаную куртку. При виде меня только распахнувшиеся глаза выдали его удивление.

— Лили, — сказал он и поцеловал меня в щеку.

Его рука нашла мою, на мгновение крепко сжала и отпустила.

— Шеф сказал, у тебя здесь есть пиво.

Я показала на холодильник. Кэрри просияла, глядя на Джека, и протянула руку:

— Очень рада с вами познакомиться. Я Кэрри Траш.

— Добрый доктор Траш. Я слышал о вас много хорошего, — сказал Джек. — Я Джаред Флетчер, новичок в этом городе.

Он искренне улыбался. Поставив на стол бутылку бурбона — подарок Клоду на новоселье, — Джек открыл холодильник, чтобы достать пиво.

— Вы должны как-нибудь вечером привести Лили на ужин. Может, мы с ней будем вместе готовить, а вы с Клодом сможете оценить результат, — жизнерадостно предложила Кэрри.

— Том Дэвид на нас наступал, Джаред, — сказала я неестественно легким тоном, к которому давно не прибегала.

Кэрри бросила взгляд на меня, потом на Джека.

— Это было бы замечательно, Кэрри, — гладко произнес Джек и посмотрел на меня, давая понять, что сообразил: маленькая группа заговорщиков ведет о нас беседы.

— Лили принесла Клоду хлеб и лазанью, — сказала Кэрри, рекламируя мои качества, заслуживавшие похвалы.

— В самом деле, детка? — В глазах Джека мелькнуло раздражение, но это никак не отразилось на его голосе.

«Детка»? Я попыталась представить себе свидание с Джеком с участием Кэрри и Клода. Все просто и открыто. Джек и в самом деле работает в «Спортивных товарах Уинтропа» с единственной целью — добыть денег на жизнь. Я была бы просто прислужкой, а он продавал бы спортивное снаряжение... Мы встречались бы, ходили на настоящие свидания, во время которых никто не получал бы пулевых ран. Мы никогда не били бы друг друга и не хотели бы этого делать.

— Клод заботился обо мне, когда меня ранили прошлой весной, — произнесла я, внезапно почувствовав огромную усталость.

Я не обязана была ничего объяснять Джеку, но мне нужно было что-то сказать.

— Ранили... — начал Джек, сощутив глаза.

— Старая история. Иди туда и пей свое пиво, милый, — произнесла я равнодушно и пихнула его в здоровое плечо, надеясь, что это похоже на любовный жест.

После напряженного мгновения он выпрямился и ушел в гостиную.

— Я уловила некие подводные течения? — спросила Кэрри.

— Да. Что ж, ничто в жизни не бывает легко, — пробормотала я.

— Во всяком случае, если речь идет о тебе, — ласково отозвалась она.

— Вообще-то в данном случае дело в нем, — мрачно бросила я.

— Хм. Думаешь, все уладится?

— Кто знает, — раздраженно заявила я. — Давай просто закончим работу на кухне.

— Вряд ли тебе стоит так усердно трудиться, Лили. Ты всю неделю моешь, чистишь и обустройстваешь дома других людей. Почему бы тебе не посидеть там, не побездельничать?

С Клодом, Джеком и Томом Дэвидом?

— Такого ты в жизни от меня не дождешься, — ответила я, заканчивая расставлять в шкафу кастрюли и сковородки.

Потом мы принялись за спальню: вставили выдвижные ящики, перевесили одежду в шкафу. Отыскав чистящее средство, я отполировала всю мебель и быстро убрала на место принадлежности для ванной, пока Кэрри приводила в порядок стол Клода во второй спальне.

Закончив работу, я поняла, что пора уходить. Я полагала, что Кэрри придется помочь Клоду с личными делами. Он устанет.

Вообще-то Клод спал на диване. Все мужчины ушли, кроме Джека, который открыл коробку с книгами и расставлял их на полках в низком шкафу. Он собрал все пивные бутылки и сложил в пластиковый мешок для мусора.

Услышав мои шаги, Джек слегка повернулся и пихнул на место словарь. Все казалось таким милым и нормальным.

Я не знала, как себя вести. Он обрубил связи между нами до тех пор, пока это дело не будет закрыто. Но мы были в комнате одни, если не считать спящего полицейского.

Я опустилась на колени рядом с Джеком. Он повернулся и поцеловал меня. Его рука устремилась к моему затылку. Этому поцелую полагалось быть коротким, но он превратился в длинный.

— Проклятье! — выдохнул Джек, снова отворачиваясь от меня.

— Мне надо идти, — очень тихо сказала я, не желая беспокоить спящего.

— Да, и мне тоже, — прошептал он, вставая и потягиваясь. — Нужно прослушать сегодняшнюю запись. — Лидс похлопал по карману куртки.

— Джек, если Хоувелл не сообщит властям, то ты должен сделать это сам, — сказала я ему на ухо. — Ты попадешь в ужасную беду.

Эта мысль не отпускала меня ни на минуту весь день.

Я бросила взгляд на «власть», крепко спящую на кушетке, и прошептала, глядя прямо в его ореховые глаза:

— Пообещай мне.

— Ты боишься? — выдохнул он.

— За тебя, — кивнула я.

— Я поговорю с Хоувеллом завтра. — Джек уставился на меня.

Я улыбнулась, ласково потерла костяшками пальцев его щеку.

— Пока.

Я на цыпочках вышла из квартиры Клода, в коридоре натянула куртку, застегнула молнию и подняла капюшон. Было очень холодно. Воздух обжигал. Температура, должно быть, уже упала ниже точки замерзания. Я не смогла бы отправиться на пешую прогулку, даже если бы мне было это нужно, но, получив обещание Джека, чувствовала себя очень спокойной. Может, у меня не уйдет много времени на то, чтобы уснуть.

Желая в этом убедиться, я прошла пешком четыре улицы вокруг дендрария — дважды, очень быстро, а потом зашагала по тропинкам среди деревьев. Когда я появилась на Трэк-стрит, было совсем темно. Мои ноги онемели, руки замерзли, несмотря на перчатки.

Я была на середине улицы, направляясь к своему дому, когда из-за угла на большой скорости вылетел джип и с визгом шин остановился в футах от моей правой ноги.

— Где ты была, Лили?

Бобо, без шляпы, в расстегнутом коричневом пальто, словно обезумел. В нем не осталось ничего от пылкого молодого человека, который поцеловал меня прошлым вечером.

— Помогала Клоду переехать на первый этаж. Потом гуляла.

— Я везде тебя искал. Войди в дом и не выходи этой ночью.

Его лицо, находившееся почти вровень с моим, потому что он сидел в высоком джипе, было белым и напряженным. Ни один восемнадцатилетний мальчик не должен так выглядеть. Бобо боялся, сердился, был в отчаянии.

— А что произойдет?

— Ты побывала в слишком многих местах, Лили. Некоторые люди не понимают...

Бобо хотел, чтобы я поняла нечто большее. Он ощерил зубы от внутреннего напряжения, готов был вопить.

— Скажи мне, — проговорила я как можно спокойнее, сдернула перчатку и положила ладонь на его руку.

Вместо того чтобы успокоить его, мое прикосновение как будто еще больше раздуло внутренний шторм. Бобо отдернул руку так, будто я ткнула в него электроразрядником для скота.

— Не выходи! — сквозь сжатые зубы выговорил он и с ревом мотора умчался так же быстро и безрассудно, как и появился.

Моя тревога резко зашкалила. Что могло произойти так внезапно?

Я посмотрела на фасад многоквартирного дома. В новом обиталище Клода было темно, у Дидры, над ним, тоже. Но у Джека горели огни, по крайней мере некоторые. Окно его гостиной слабо светилось.

Я стояла посреди улицы на ледяном холоде и пыталась заставить себя думать.

Не приняв сознательного решения, я пустилась бегом — не в сторону своего дома, но к многоквартирному.

Очувшись в коридоре, я поспешно прошла мимо двери Клода, пытаясь идти тихо. Я взобралась по лестнице как змея, проворно и беззвучно, попробовала открыть дверь Джека. Она оказалась не заперта и отошла на дюйм. В моем животе стужился комок страха.

Я шагнула внутрь. В гостиной — никого, ее освещал только слабый свет из кухни. Кожаная куртка Джека валялась на кушетке. Дальше по коридору... Верхний свет в гостевой спальне сиял через открытую дверь. Я прислушалась, закрыв глаза, чтобы сосредоточиться, и почувствовала, как волоски у меня на шее встали дыбом. Тишина.

Я была в этой квартире лишь один раз, поэтому очень осторожно пробиралась мимо скудной мебели Джека.

На кухне тоже никого.

Стоя в дверях гостевой спальни, я прикусила губу, пытаясь не издать ни звука. На картонном столике лежали магнитофон без усилителя, блокнот и карандаш. На большом столе стояла банка «Доктора Пеппера».^[32] На полу валялся перевернутый складной стул.

Я прикоснулась к жестянке. Она все еще была холодной. Красный огонек говорил о том, что магнитофон включен, но отделение для пленки было открытым и пустым. Я побежала обратно в гостиную и порылась в карманах кожаной куртки. В них тоже ничего не нашлось.

— Они забрали Джека, — сказала я, ни к кому не обращаясь.

Я закрыла глаза, чтобы собраться с мыслями. Клод не мог двигаться самостоятельно. По крайней мере некоторые полицейские были впутаны в это дело. Шериф Шустер погиб, и я не знала никого из его людей. Может, и среди них были один-два человека, которые по меньшей мере сочувствовали группе «Верните то, что принадлежит вам».

Смогу ли я спасти Джека в одиночку? Кому позвонить?

Кэрри не была человеком драки. У Рафаэля имелась жена, семья. Не укладывая свои мысли в слова, я поняла: если в дело вмешается черный, то оно перерастет в войну, что бы сейчас ни происходило.

Если я нападу и меня тоже схватят, кто тогда поможет?

А потом мне кое-кто пришел на ум.

Я вспомнила номер, набрала его на телефоне Джека и сказала:

— Муки, мне нужно, чтобы вы приехали. Захватите ружье.

— Куда?

— К магазину Уинтропа. Они забрали... моего мужчину. — Объяснять, кто такой Джек, было бы слишком сложно. — Он детектив, записывал их разговоры.

— Где я с вами встречусь? — Голос ее звучал невозмутимо.

— Давайте проникнем туда через задний забор. Я живу сразу за магазином товаров для дома.

— Знаю. Я еду. — Она дала отбой.

Эту женщину я вчера предостерегала, уговаривала покинуть город, а теперь побуждала ее подвергнуться опасности на основании моего категоричного заявления. Но у меня было слишком мало времени, чтобы беспокоиться из-за ироничности ситуации. Я сбежала вниз по лестнице, оставив дверь Джека распахнутой настежь. Не повредит, если еще кто-нибудь встревожится.

Я побежала домой, стащила куртку, нашла тяжелую черную фуфайку, рывком натянула поверх футболок, отыскала шапку вахтенного, которую забыл Джек, и надела ее, прикрыв свои светлые волосы. Никаких перчаток, мне понадобятся голые руки. Сняв высокие ботинки, я надела темные сапоги и крепко их зашнуровала. Я вымазала бы лицо черным, если бы мне удалось придумать, чем именно.

Я вышла из передней двери как раз тогда, когда подъехала Муки. Она выскочила из машины с ружьем в руке.

— Какое у вас оружие? — спросила она.

Я подняла руки.

— Здорово, — сказала она, и мы побежали к железной дороге, не обменявшись больше ни словом.

С железнодорожной насыпи мы внимательно осмотрели парковку за магазином спортивных товаров. В нем горел свет. Стоянка тоже всегда была освещена, но там оставались и темные места.

— Пошли, — сказала моя компаньонка, казавшаяся счастливой и безмятежной.

Муки не потребовала ни единого слова объяснения, что оказалось настоящей благодатью, поскольку я сомневалась, что смогу выдать что-либо связное.

Мы сбежали с насыпи. Я собиралась атаковать изгородь и смириться с колючей проволокой наверху, но Муки вытащила кусачки откуда-то из недр черного комбинезона, не модного, зато утепленного, плотного, с множеством карманов.

Престон тоже натянула на голову вязаную шапку. Она принялась работать кусачками, пока я оглядывалась по сторонам — не говорит ли что-нибудь о том, что нас заметили. Вокруг все было спокойно, двигались только мы.

В конце концов отверстие в сетке получилось достаточно большим, и мы пролезли в него. Муки — первой. Снова ничего не произошло.

Мы двинулись в пятно темноты и присели за сверкающим новым четырехколесником. Престон показала на наш следующий пункт — лодку. Нам пришлось пересечь освещенное место, но мы благополучно добрались до цели и стали ждать.

Так, в стиле «беги и жди», мы пробирались через парковку на задворках магазина.

Впереди была дверь для покупателей, находившаяся вровень с землей, и погрузочная

площадка, к которой вели четыре ступеньки. С нее через вход для служащих можно было попасть на огромный склад.

Под дверью для покупателей не светилась щель. Я могла поспорить, что она крепко заперта.

Они оставили кого-то караулить возле кладовой. Часовым оказался прыщавый парнишка из магазина товаров для дома. Он переминался с ноги на ногу на холоде, которого я больше не ощущала. У него имелось ружье.

Муки прошептала:

— Вы можете вырубить его бесшумно?

Я кивнула. Раньше я никогда ни на кого вот так не нападала, если только человек не набрасывался на меня первым. Прежде чем эта мысль успела проникнуть в сознание и ослабить меня, я сосредоточилась на ружье караульного. Если оно есть, следует предположить, что он готов пустить его в ход.

Мальчишка повернулся, взгляделся в окошко двери для служащих и чихнул. Воспользовавшись этим звуком, я молча метнулась вверх по ступенькам, возникла за его спиной, скользнула мимо боков руками, стиснула ружье, вздернула вверх и прижала к горлу парня.

Он сопротивлялся, но я была полна решимости не дать ему проронить ни звука.

Парень начал слабеть, обмякать. Муки помогла мне опустить его на бетонную платформу. Из кармана комбинезона я вытащила шарф и завязала ему рот, а руки скрутила за спиной другим шарфом.

Потом Престон взяла его ружье и протянула мне. Я покачала головой.

Муки прислонила ствол к основанию погрузочной площадки, там, где его не было видно. Она явно думала, что парень жив и его стоит связать, поэтому я не спрашивала, не хотела знать, убила ли его.

Придут ли они, чтобы посмотреть, как там часовой?

Я встала сбоку от маленького окошка, сделанного на уровне головы, затянутого решеткой с ромбовидными ячейками, и заглянула в освещенную кладовую. Я улавливала какое-то движение за коробками и стеллажами, но не могла определить, что там происходит.

— Укройтесь внутри, — прошептала я Муки. — Когда войдем, двигайтесь влево.

Она кивнула, а я сделала глубокий вдох и повернула дверную ручку, молясь, чтобы она не заскрипела. Скрежет металла прозвучал для меня так же громко, как библейский кимвал, но никто не появился из бреши в штабелях коробок, чтобы проверить, в чем дело. Я открыла дверь, и Муки вошла, пригнувшись, держа наготове ружье.

Никто в нее не выстрелил, не закричал. Я шагнула следом спустя секунду и сразу присела на корточки у двери, дав ей захлопнуться за мной.

Муки укрылась за грудой стандартных коробок, наваленных по грудь. Впереди рядами высилось множество огромных металлических полок, помеченных ярлыками.

Справа от нас, по другую сторону прохода, оставленного, чтобы можно было попасть к задней двери, располагался стеллаж с зимними камуфляжными нарядами, выдержанными в холодных, блеклых тонах зелено-черного. Перед ним виднелось еще несколько рядов полок.

Я расслышала голоса, хриплый смех мужчин, полных тестостерона. Сквозь него донесся оборвавшийся вскрик. Джек.

Теперь я была готова убивать. Я поработала руками, прогоняя онемение и озноб. Муки с

некоторым сомнением смотрела на меня.

— Который мужчина твой? — спросила она почти неслышно.

— Тот, который кричал, — ответила я, и ее глаза широко распахнулись. — У него длинные черные волосы.

Да, ей нужно знать, который из мужчин — Джек.

— Мы проберемся туда и посмотрим, что происходит, — выдохнула она.

Этот план был не хуже любого другого.

Пригибаясь, мы обогнули коробки и спрятались за следующим рядом полок. Через бреши в сложенных товарах можно было наблюдать за происходящим.

Там были Дарси, Джим, Клив Рэгланд и Том Дэвид Миклджон. В общем, те, кого я и ожидала увидеть. По меньшей мере одного человека я не смогла разглядеть, заметила только, что остальные несколько раз поворачивались вправо, обращаясь к тому, кто сидел в той стороне.

Они пытали Джека.

Мы пробирались в переднюю часть склада, и обзор становился все лучше и лучше. Теперь я видела слишком много.

Джека привязали к деревянному креслу на колесиках. Руки его были прикручены к подлокотникам. У него начинал чернеть подбитый глаз, на щеке кровоточил порез, возможно появившийся тогда, когда его выволокли из квартиры. С детектива сорвали рубашку и сняли повязку с раны.

Дарси держал охотничий нож, а Клив придумал собственное маленькое развлечение. Раскалив на огоньке зажигалки наконечник стрелы, он прижимал его к коже Джека. У Джима Бокса был такой вид, будто его тошнит. Том Дэвид наблюдал за происходящим. Его явно не тошнило, но и счастливым он не выглядел. Глаза этого типа метались от Джека к тому человеку, которого я не видела.

Дарси перестал делать надрезы у Джека под соском и отвернулся. Нож в его руках блестел от крови.

«Его убью первым», — подумала я.

Эта мысль так меня поглотила, что я не могла рассуждать здраво, планировать свои действия. Я не вспомнила о существовании Муки до тех пор, пока та не подтолкнула меня. Она показала тонким пальцем на человека, сидящего на корточках в тени стеллажа, которого я раньше не увидела. Я подумала, что меня сейчас вырвет, потому как сразу узнала светлые растрепанные волосы Бобо. Дарси что-то ему сказал.

Парень поднял голову, посмотрел на Орчада, и я увидела слезы на его лице.

— Я должен спросить тебя, мальчик, куда ты недавно выходил, — добродушно сказал Дарси.

Он поднял нож, чтобы свет отразился от той части клинка, которая не покраснела.

Бобо встал и распрямил плечи.

— Надеюсь, ты не предал свою семью, рассказав кому-нибудь, кого мы тут поймали, — продолжал Дарси, ожидая ответа.

Когда молчание затянулось, все повернулись, чтобы посмотреть на Бобо, даже Джим Бокс. Джек воспользовался передышкой и закрыл глаза. Я увидела, что его руки теребили веревку, туго натянутую вокруг запястий. Он прикусил нижнюю губу. На его груди была дюжина порезов и ожогов, пулевая рана снова открылась. Струйки крови уже запеклись.

— Ты отправился рассказать обо всем белобрысой суке? — тихо спросил Дарси. — Ты

доложил той девице, что ее маленький приятель по постели в беде?

Бобо не ответил. Он пристально смотрел на Дарси, сощуриив полные смятения голубые глаза. Потом я увидела, как лицо его затвердело.

— Надеюсь, она явится посмотреть, — внезапно сказал Клив. — Мы восстановим в лицах ее худший ночной кошмар.

Дарси удивленно посмотрел на Клива, потом понял, что именно тот имеет в виду, и засмеялся, запрокинув голову. Свет смыл с его лица все человеческое.

Теперь глаза Джека были открыты во всю ширь. Он смотрел на Клива, обещая ему взглядом новый, с иголки, ночной кошмар.

Тот вздрогнул, опустил глаза, потом как будто вспомнил, что он тут главный, и сказал Джеку:

— Мы можем обеспечить ей по-настоящему хорошее времяпрепровождение. А ты можешь наблюдать, Бобо, учиться, как это делается.

Том Дэвид прищурился от отвращения. Он смотрел на своих товарищей-заговорщиков так, будто только сейчас узнал о них нечто такое, что ему не понравилось. Судя по лицу, Бобо не верил своим ушам и ожидал другого объяснения тому, что пришло ему на ум.

— Это будет наслаждением, — сказала Муки мне на ухо, вытащила из кармана нож и протянула мне. — Я вас прикрою, вы разрежете его веревки. Мы сбежим самым наилучшим образом. — Я кивнула, а она произнесла, обращаясь к самой себе: — Может, я прикончу их всех.

— Они убили Дарнелла?

— Да, я так считаю, — прошептала Муки. Мои мать потом получила несколько звонков, анонимных, отвратительных, во всех подробностях описывавших его раны. Звонили из этого магазина. Она определила номер абонента. Тупой засранец даже не подумал, что у чернокожей женщины может стоять определитель. Приготовьтесь. — Она вдруг приложила ружье к плечу, шагнула на открытое место и заявила: — Вот и все, козлы! Лечь на пол!

Все застыли. Дарси — в тот миг, когда нагибался, чтобы снова ткнуть ножом в грудь Джека, Клин со стрелой в одной руке и с зажигалкой и другой. За ними Том Дэвид все еще прислонялся к стене со скрещенными на груди руками. Рядом с ним стоял Джим Бокс. Бобо, находившийся ближе всех к двери склада, повернулся и шагнул в нее. Глухой стук, с которым она за ним захлопнулась, заставил Клива подпрыгнуть.

В мгновение ока Дарси метнул нож в Муки и нырнул вправо. Престон выстрелила и отклонилась. Ее пуля угодила в Бокса, стоявшего за Орчадом, и я мельком увидела, как на груди Джима расцвел красный цветок. Нож не попал в Муки, зато зацепил меня. Я ощутила внезапный холодок в том месте, где рубашка оказалась распоротой, почувствовала давление, но уже бежала к Джеку. Клив ринулся на меня. Из-за жирной груди и тяжелого подбородка этот тип походил на сердитого быка.

Когда он приблизился, я шагнула в сторону, выбросила вбок руку и попала ему по горлу. Голова Клива не двигалась, в то время как ноги продолжали рваться вперед. Тело не последовало за ногами, и они взлетели. Он упал. Голова его ударилась о бетонный пол.

Я снова услышала стук двери. Кто-то еще влетел на склад.

Опустившись на колени рядом с креслом, я принялась разрезать связывавшую Джека веревку, делала это неуклюже, но нож Муки был острым. Я услышала топот бегущих ног, легкий и быстрый, а потом — ружейный выстрел. Престон промчалась мимо, учиняя бог весть какие опустошения. Мне показалось, что дверь хлопнула снова.

Работая ножом, я не могла обращать внимание ни на что другое, а когда перепилила второй слой веревок и подняла глаза, все вокруг изменилось.

Я никого не увидела. По крайней мере, никто не двигался.

Клив не собирался вставать. Я почувствовала прилив удовлетворения. Джим Бокс исчез, но там, где он стоял, на полу остались капли крови. Я увидела, что напротив кресла Джека, в тени, стоит еще одно, пустое.

— Помоги мне встать, — прошептал Лидс.

Я вскочила, протянула руки и, к своему ужасу, не смогла встретиться с Джеком глазами. Сделать это оказалось куда труднее, чем то, что я учинила с Кливом Рэгландом.

Джек издал ужасный болезненный звук, когда кое-как встал, держась за меня. На ближайшей полке лежала коричневая куртка, принадлежащая Бобо.

Я схватила ее и подумала, не ринуться ли в заднюю дверь, чтобы попытаться пробраться через парковку, вылезти в дыру в ограде, добраться до моего дома и позвонить кому-нибудь. Мне мимолетно вспомнились агенты ФБР. Возможно, они все еще были в мотеле, где обосновались после взрыва бомбы.

— Надень, — настойчиво сказала я, протягивая Джеку куртку.

Я думала о жгучем холоде, о ранах Лидса, о шоке, бог знает о чем еще.

Сперва я просто наблюдала, как Джек пытается надеть куртку, но в конце концов мне пришлось ему помочь. Я сосредоточенно вдевала его левую руку в рукав и не подозревала, что за моей спиной кто-то есть. Выражение лица Джека предупредило меня в последнюю секунду.

Джек начал двигаться, и в тот же миг что-то ударило меня в плечо. Я невольно пронзительно вскрикнула. Меня швырнуло вправо, я не удержалась на ногах, врезалась головой в полки и упала на пол, да так, что отшибло дыхание.

Я не могла шевельнуться, уставилась вверх, на яркие лампы склада, горящие надо мной, и увидела высокого темноволосого Джима Бокса в мокрой от крови рубашке. Он, как бейсбольную битую, сжимал в руках весло и заносил его для следующего удара. Бокс собирался врезать мне по голове, и я ни черта не могла поделаться, чтобы ему помешать.

Джек словно обезумел. Он ринулся на врага, выкрутил весло из его рук и ударил им Джима по голове. Тот упал как срубленное дерево, без звука. Лидс стоял над ним, его забрызганная кровью грудь тяжело вздымалась. Он хотел, чтобы Джим шевельнулся, тогда детектив ударил бы его снова.

Но Бокс не двигался.

Воздух ринулся обратно в мои легкие. Я застонала не только от боли, но и от черного отчаяния. Теперь мы оба были ранены и слабы. Сколько еще человек в этом здании? Где Муки? Ее убили?

Джек стоял надо мной с веслом в руках. Безумие постепенно оставило его лицо. Он присел рядом со мной на корточки и прошептал:

— Можешь встать?

Я впервые увидела отпечатки пальцев на его горле. Лидса душили так сильно, что он почти потерял голос. Я хотела ответить: «Нет, не могу встать и вообще двигаться», но поймала себя на том, что киваю.

Это движение оказалось моей ошибкой. Боль пронзила голову. Я мгновение лежала неподвижно, потом перекатилась на живот, оттолкнулась от пола и встала на колени. Из моей руки, расплосованной ножом Дарси, текла кровь. Я прикоснулась к волосам, на ощупь

они были... странными. Отведя ладонь от головы, я увидела на пальцах кровь и мало-помалу вспомнила, что ударилась о полку, когда отлетела вбок. Я могла схлопотать сотрясение мозга.

Словно в подтверждение этого, меня вырвало. Когда позывы кончились, мне казалось, пришла моя смерть. Но я нужна была Джеку, чтобы помочь ему встать.

Ухватившись за ближайший вертикальный предмет — угловую металлическую полосу полок, я попыталась подняться, пока Джек оставался настороже на случай новой атаки.

В конце концов я очутилась на ногах, хотя чувствовала, что меня качает из стороны в сторону. Может, я стою неподвижно, а качается склад? Землетрясение?

— Ты серьезно ранена, — просипел Джек.

Я услышала легкий страх в его напряженном голосе, почувствовала себя слабой и дрожащей. Я подводила его.

— Иди.

— Да, конечно, — прошептал он, но сарказм был подпорчен тем, что Джек не мог говорить громко.

— Ты можешь двигаться, а я нет. Уверена в этом. — Я запнулась, ненавидя свой шаткий голос. — Они меня не убьют. Сколько их здесь еще?

— Двое в магазине и старик.

Какой старик?

— Бобо меня не тронет, — заверила я Джека, думая, что тот считает парня одним из врагов.

— Да, вряд ли он тебя обидит. Думаю, мальчишка ничего об этом не знал. Уповаю на Господа, что Бобо звонит в полицию.

Это было забавно. Кстати, о старике — похоже, Хоувелл-старший, некоронованный король Шекспира, стоял совсем рядом, у двери.

— Смотри, — удивленно сказала я Джеку.

Тот повернулся, и старый мистер Уинтроп поднял руку, в которой, к моему замешательству, оказался пистолет.

Я открыла рот, чтобы выкрикнуть сама не знаю что, как вдруг две сильные руки обхватили старика и подняли вверх. Его ноги оторвались от пола.

— Нет, дедушка, — сказал Бобо.

Надо было видеть выражение морщинистого лица старого терьера, чтобы поверить своим глазам. Хоувелл-старший боролся, корчился в хватке внука, но то были напрасные усилия. Если бы сейчас я была склонна к юмору, то это показалось бы мне смешным. Бобо пересек склад и вышел на погрузочную площадку, неся старика, обзывавшего его такими словами, каких я никогда еще не слышала от пожилых людей.

Лицо Бобо было трагичным. Он не смотрел ни на меня, ни на Джека, оставался один на один с самым горьким предательством, с каким столкнулся за свою короткую жизнь.

Мне было плевать, куда он тащит своего дедушку, потому что передо мной раскрылась вся глубина этого предательства.

Хоувелл-старший использовал бизнес собственного сына как прикрытие, чтобы создать маленькую группку, пышущую ненавистью. Именно из-за Хоувелла-старшего его сын, нанявший детектива, хранил от Джека секрет. Должно быть, он с самого начала подозревал, что тут замешан его отец, поэтому не связался ни с полицией, ни с агентами АТО^[33] или ФБР. Вместо этого Уинтроп нанял Джека.

Теперь, благодаря старику, мы истекаем кровью, может быть, умираем в этой проклятой кладовой.

— Где Муки? — спросила я Джека. — Женщина с ружьем?

— Она отправилась в магазин вслед за Дарси, прошептал тот.

Куртка была распахнута на его голой окровавленной груди. Он отложил весло и взял вместо этого нож Муки, тот самый, которым я перерезала веревки.

— Том Дэвид, — сказала я.

Джек на минуту выглядел озадаченным. Потом лицо его прояснилось.

— Не знаю. Может, он тоже в магазине.

— Нет, я здесь, — прозвучал в нескольких футах от нас напряженный голос. — Я выбыл из драки.

Шатаясь, я двинулась на звук. Джек велел мне этого не делать, но я не вполне контролировала свои действия.

Том Дэвид лежал на полу справа от двери. Левая штанина его джинсов пропиталась красным. Теперь я знала, куда попал второй выстрел Муки.

Лицо полицейского было абсолютно белым. Глаза сияли голубым.

— Простите, — сказал он, и я уставилась на него сверху вниз. — Вы можете позвонить в полицию, это безопасно. Я остался здесь один.

Я кивнула, и меня чуть снова не вырвало.

— Я был не согласен с тем, что они вытворяли с Джаредом, и не тронул бы вас, — устало сказал он и зажмурился.

— Вы убили Дарнелла? — спросила я.

Услышав это, он открыл глаза и ответил:

— Я был там.

— Кто это сделал?

— Дарси, Джим, старик и Пауль, который работает вон там. — Он слегка шевельнул головой, показывая в направлении склада магазина товаров для дома. — Лен. Бэй Ходдинг, отец Боба. Сегодня его тут нет. У него годовщина свадьбы.

Том Дэвид ухмыльнулся так, что я ужаснулась. Его голубые глаза были теперь не такими яркими.

— Вообще-то, кого это заботит? Ниггер. Но вот Дел Пакард... Дело рук Дарси. Об этом я сожалею. — Лицо его расслабилось.

Глядя на лужу крови у себя под ногами, я подумала, что Том Дэвид Миклджон закрыл свои злые глаза навеки.

Но последние показания полицейского отняли драгоценное время. Опять все случилось без моего участия.

Я даже не сознавала, что происходит, и оказалась одна.

Ярко освещенный склад с длинными рядами полок и черными тенями был пуст, если не считать неподвижных тел. Я чувствовала себя актером на сцене, хотя пьеса сыграна, а потом услышала вопль, донесшийся из магазина.

Шаркая, я направилась к двери. Прозрачное окошко на уровне глаз потемнело. В магазине погасили свет. Ухватившись за ручку двери, я поняла, что мой силуэт будет освещен лампами склада, и выключила их.

Потом я распахнула дверь, ринулась в нее, а секундой позже услышала отчетливое «бум!», когда полотно за мной захлопнулось.

Над моей головой что-то просвистело. Я услышала тяжелый удар — и наступила тишина.

Я осторожно потянулась вверх. В деревянном дверном косяке торчала охотничья стрела. По коже у меня поползли мурашки. Дарси был жутким любителем охоты с луком. Они с Джимом обсуждали ее нынче осенью каждое утро.

Мне надо обратиться от двери. Дарси придет.

Я подтянулась на локтях, пытаюсь как можно теснее прижиматься к полу. Это было не так-то легко. Я проклинала себя за глупость, за то, что решила, будто смогу кому-то помочь, сунувшись в эту ловушку.

Я попыталась вспомнить план здания, мысленно его нарисовать и испытала чувство безнадежности, подумав о том, как хорошо знаком с этим Дарси.

— Я достал твою подружку! — окликнул он. — Она мертва-а! Получила стрелу в голову-у!

Он пел, прекрасно проводил время.

Я не поверила ему. Муки кричала. Я была почти уверена в том, что слышала ее голос. Нельзя вопить, получив стрелу в голову. Но я знала, что мое благоразумие, чувство равновесия и здравый смысл были сейчас очень шаткими.

«Если бы только знать, где Джек, — подумала я. — Тогда можно было бы просто свернуться где-нибудь и уснуть».

Мысль об этом показалась мне очень привлекательной. Я положила голову на грубый ковер и начала задремывать.

— Я иду-у, — проворковал Дарси, который избил до смерти молодого человека за то, что тот был черным, и раздавил горло своему другу.

Голос его звучал так близко, что я поняла: мне нельзя двигаться. Теперь я чувствовала не сонливость, а близость смерти, подумала о свисающих с потолка высокотехнологичных луках, которые видела во время прогулок в магазин. Они выглядели такими смертельно опасными, что их испугался бы сам Робин Гуд... Ух ты, я опять засыпаю...

Нога с размаху опустилась на ковер в дюйме от моего лица. Следующий шаг — и он на меня наступит. Действуй или умри.

Наэлектризованная, я завопила, привстала и схватилась за что смогла, надеясь обезвредить врага. Я стиснула Дарси Орчада как любовница, так крепко, как никогда не обхватывала ни Джека, ни Маршалла, и прижимала его к себе до тех пор, пока у меня из глаз не потекли слезы. Я очутилась у него на спине.

Дарси был очень большим и сильным. Он не был ранен и не упал. Я навалилась на него всем весом, чертовски его напугала, но только на несколько секунд. Он поднатужился, выгнулся, и я услышала стук, когда что-то упало. Мне показалось, что это лук. Но у него в руке была стрела, и он начал тыкать ею назад, хотя не в полную силу и не на всю длину руки, поскольку я его обнимала. Сперва он угодил мне в бедро, после чего понял, куда надо целить, и несколько раз попал в бок.

«Шрамы на шрамах», — подумала я сквозь ужасную боль.

Мне хотелось его отпустить, но я, похоже, не могла этого сделать, приказать своим пальцам разжаться.

«Мертвая хватка, — подумала я. — Самая мертвая!»

Включились лампы. Ослепительный свет воткнулся в глаза, как копьё, и мне стало очень плохо. Я почти потеряла сознание, но нечто столь ужасное, во что можно было

поверить только в нынешнюю кровавую ночь, рывком вернуло меня к действительности.

За одним столом, на котором были разложены ножи, я мельком увидела Муки. Ее пригвоздила к стене стрела, вонзившаяся в грудь. Голова Престон склонилась набок, глаза были широко открыты.

Потом через плечо Дарси я заметила, как кто-то бежит к нам, сцепившимся в непродолжительном танце. Это был Джек с ружьем в руках.

«Мы слишком близко друг к другу. Он не сможет стрелять», — подумала я.

Как будто у нас был один разум на двоих, Джек занес ружье и ударил Дарси по голове прикладом. Тот завыл и выгнулся, желая броситься на Лидса.

Не отпущу, не отпущу, не отпущу, не отпущу...

Темнота.

— Очнись, милая, мне нужно тебя осмотреть.

Нет.

— Открой глаза, Лили. Это я, Кэрри.

Нет.

— Лили!

Я слегка приподняла веки.

— Так-то лучше.

Слепящий свет.

— Не стони. Это просто... необходимо.

Спать, снова спать.

Милая темнота и тишина, потом:

— Проснись, Лили!

Следующий день был мучительным.

У меня раскалывался череп — состояние, имевшее столько же общего с нормальной головной болью, как обычная резь в животе с острым аппендицитом. Мои бока были изорваны, ребра помяты, кожа представляла собой кровавое месиво, сшитое, как лоскутное одеяло. Рана в бедре, хоть и несерьезная, добавляла свою ноту в симфонию боли, как и порез на руке.

Я лежала в частной палате, благодаря любезности Хоувелла Уинтропа-младшего. Кэрри сказала мне об этом, когда я потребовала, чтобы меня отпустили домой. Я поняла, что за палату платить не мне, и решила отдохнуть, пока могу. Хоувелл заплатил и за соседнюю палату, где лежал Джек.

Он пришел тем ужасным утром, когда даже лекарства, притупляя мой разум, не могли заглушить боль.

Я увидела его в дверях, и слезы начали сочиться из краешков моих глаз, бежать по щекам, увлажняя подушку.

— Я не хотел действовать на тебя вот так, — сказал Джек.

Голос его звучал сипло, но уже сильнее.

Я подняла руку. Он медленно прошаркал к кровати и взял ее в свою. Его ладонь была теплой, твердой и крепкой.

— Ты должен сесть, — сказала я, и собственный голос показался мне далеким и хриплым.

— Тебя напичкали лекарствами?

— Да.

Ничто не причиняло мне большей боли, чем разговоры.

— Как они до тебя добрались, Джек?

— Нашли «жучок», — просто ответил он. — Джим пролил колу в комнате для отдыха и, вытирая ее, заметил эту штучку. Он позвонил старому мистеру Уинтропу. Тот посоветовал им наблюдать из укрытия, посмотреть, кто придет, чтобы забрать запись. Это оказался я. Ребята посоветовались и решили, что смогут выяснить, кто мне платит, если пропустят меня через мясорубку. Клив и Джим с самого начала думали, что это Хоувелл, но остальные стояли на том, что это кто-нибудь из федералов. Они решили, что Муки тоже из них, хотели отправиться за ней и притащить ее для участия в вечеринке, сказали, что она слишком часто бывала в магазине, и это неспроста. К счастью для меня, парни этого не сделали. Почему ты решила ее позвать? Кто она, к дьяволу, такая?

Я попыталась объяснить насчет Муки, не выдав ее секретов. Я сомневалась, что мне это удалось. Джек знал, что я на нее работала. Она имела личные причины раскрыть неоперившуюся группу, добивающуюся превосходства белой расы. Мне было известно, что Престон умеет стрелять.

Еще какое-то время Джек держал меня за руку, нежно поглаживая ее и размышляя, а потом вдруг сказал:

— Он сбил тебя с ног, ты ударилась о полку, рухнула на пол и, клянусь богом, даже подпрыгнула. Я подумал, что этот тип тебя убил.

— Ты тогда свихнулся, — заметила я.

— Да. — Он слегка улыбнулся. — Но ты смогла встать и даже как-то идти. Я понял, что ты в порядке. Наверное. Посмотрев на Тома Дэвида, я понял, что он для тебя не опасен...

— Поэтому ушел.

— На охоту.

Джек не извинялся. Ему пришлось погнаться за человеком, который его унизил. Я больше всех прочих могла это понять.

— Кто погиб?

Кэрри отказывалась об этом говорить.

— Том Дэвид. Джим Бокс.

— И все?

— Я желал смерти Дарси, но не нанес последнего, решающего удара. Челюсть у него все равно сломана. Надо сказать, что к тому времени появились копы. — Джек опустился в кресло и задумчиво нажал на кнопку, опустив мою кровать так, чтобы мне было легче его видеть.

— Почему они приехали?

— Им позвонил Бобо, когда вошел на склад после начала всей этой стрельбы. Он пытался найти своего дедушку. Старик вооружился, и Бобо ухитрился выследить его как раз вовремя.

Я вспомнила лицо Бобо, когда тот приподнял и вынес деда. Еще несколько слезинок скатились по моему лицу. Я хотела знать, что теперь будет со старым мистером Уинтропом, но это могло подождать. «Гореть тебе в аду» — вот самое подходящее, что приходило мне на ум.

— Муки жива? — Я запоздало поняла, что ее имени нет в перечне погибших.

— Она еле держится и хочет с тобой поговорить. — Джек закрыл глаза.

— Нет. — Я чувствовала себя настолько измученной и больной, что не могла вынести мысли об еще одной исповеди. — Она и вправду не выживет?

— Стрела прошла насквозь. Ты же видела.

— Надеялась, что мне причудилось. — Я отвела взгляд на занавешенное окно.

Джек продолжал держать меня за руку, ожидая, пока я приму решение.

— Итак, Клив не умер? — Я пыталась оттянуть время.

— У него трещина в черепе. Куда хуже твоего сотрясения мозга.

— Хуже просто не может быть. Хорошо, позови сиделку или двух, чтобы посадить меня в кресло.

Я то и дело закусывала губу. Спустя какое-то время меня вкатили в комнату Муки. Там мигала огоньками аппаратура, раздавался непрерывный низкий гул. К Престон было прицеплено столько трубок, сколько невозможно представить на человеческом существе. Лицо ее стало пепельным, губы вообще бесцветными. Ланетт сидела в углу палаты, прикрыв руками лицо, раскачиваясь на стуле взад-вперед. Ее старшая дочь умирала, она уже потеряла одного ребенка.

Сиделка отошла туда, откуда могла бы услышать мой оклик, и я с огромным усилием подняла руку, чтобы прикоснуться к Муки Престон, этой странной, одинокой и храброй женщине.

— Муки, я здесь... Это Лили.

— Лили, ты выжила, — проговорила она очень медленно.

Глаза ее так и не открылись до конца.

— Благодаря тебе.

Если бы я пошла туда одна, то умерла бы ужасной, медленной смертью. Я попросила Муки пойти со мной. В результате она уходила из жизни.

— Не жалею, — сказала Престон медленно, тихо, но внятно. — Я должна была прикончить хотя бы нескольких типов, убивших моего брата.

Я тихо вздохнула, поразмыслила сквозь туман боли, оупляющее действие лекарств и прошептала:

— Ты убила еще кого-то?

— Да, — с трудом произнесла она.

— Лена Элгина?

— Да.

— Он был причастен к гибели Дарнелла.

— Да. Я поговорила с ним, прежде чем пристрелить. Он был... моим отцом.

Я зря напомнила ей о Лене Элгине, должна была сказать что-нибудь другое, хорошее. Она стояла на пути к своему Создателю, и я не могла отослать Муки туда с мыслями о людях, погибших из-за нее.

Она заговорила снова. Ее глаза не отрывались от моих.

— Не рассказывайте, — сказала Престон.

Через мгновение, несмотря на действие лекарств, я поняла, о чем она, но решила убедиться в этом:

— Не говорить про Лена?

— Да, — подтвердила Муки.

Таким было мое наказание за то, что я привела эту женщину к смерти.

Я буду знать правду, но не смогу ее раскрыть. Что бы ни случилось с Эрикой Мур, любовницей Лена, и ее мужем, какие бы подозрения ни пали на Мэри Ли Элгин.

— Не расскажу, — согласилась я.

Лекарства так меня одурманили, что это казалось мне логичным и уместным.

— Мама, — позвала Муки.

— Ланетт, — окликнула я.

Женщина поднялась со стула и приблизилась к постели.

Я сделала знак сиделке, которая ждала в дверях, и она подошла, чтобы отвезти меня обратно в палату.

Думаю, Муки умерла прежде, чем я туда добралась.

Спустя три дня я вернулась домой. Доктор сама меня отвезла.

Эти рутинные возвращения из больницы — спертый воздух, вся жизнь в доме замерла, пока меня не было — начали мне надоедать. Я не хотела новых ран и боли. Мне нужно было работать, ощущать порядок и душевный покой.

Вместо этого я имела только боль и телефонные звонки от Джека.

Ему пришлось поговорить со множеством самых разных людей: с местными копами, с полицией штата, с федералами. Я была избавлена от большинства бесед из-за сотрясения мозга, второго за месяц, но все-таки дала свою долю интервью. На некоторые вопросы я просто не могла ответить. Например, почему позвонила Муки Престон. Ответ: «Думала, что она поможет мне убить людей, которые забрали Джека» — просто не прошел бы. Поэтому я чуть-чуть солгала, сказала, что позвонила Муки, обнаружив исчезновение Джека. Я поняла, что о моем звонке узнают через телефонную компанию. Престон, мол, согласилась сопровождать меня в «Спортивные товары Уинтропа», потому что я была очень расстроена. Да, я знала, чем занимается Джек, поэтому подозревала, куда его забрали и кто это сделал.

Я ни разу не упомянула, что Муки взяла с собой ружье и нож. Думаю, все решили, будто она взяла оружие из запасов на складе. Выяснилось, что пули, убившие Тома Дэвида и Джима, выпущены из того же самого ружья, из которого несколько месяцев назад застрелили Лена Элгина. Официальные лица, похоже, склонились к тому, что кто-то из небольшого числа плохих парней, работающих на складе, ответствен за его гибель.

Мотив этого убийства так и не был раскрыт, но предполагалось, что Лен каким-то образом спутал их планы или обнаружил улику, связывавшую кого-то из заговорщиков со смертью Дарнелла.

Поэтому Лен Элгин в смерти выглядел лучше, чем при жизни, и я ни разу не раскрыла рта. От нас всех полиция узнала, что Муки подстрелила людей на складе. Но копы полагали, что она нашла и зарядила оружие, когда попала туда, поэтому ее тоже посмертно сочли храброй и изобретательной — какой Престон и была на самом деле.

Уинтропы подняли разводные мосты и выдержали осаду. Старик был арестован и быстро выпущен под залог. Он отрицал какую-либо причастность к взрыву бомбы и к смерти Дарнелла Гласса, Лена Элгина и Дела Пакарда, признался, что присутствовал при пытках Джека, но ссылаясь на то, что считал его предателем белой расы. Никто ему не поверил, но именно это он и утверждал.

Бобо перевелся в колледж во Флориде — так сказал мне Маршалл, — а Эмбер Джин и Хоувелл-третий просто покинули школу и отправились на каникулы с Бини невесть куда.

Хоувелл позвонил мне однажды днем, перед тем как я покинула больницу, и у нас

состоялась короткая, ужасно неловкая беседа. Он заверил, что заплатит за любую боль, какую я буду испытывать в течение ближайших нескольких лет. Я заверила, что единственные его затраты, которые оценю, — это оплата счетов за пребывание в больнице и сопутствующие расходы на лекарства.

— Ваша мать, возможно, захочет вернуть себе свое кольцо, — сказала я.

— Она никогда этого не захочет, — ответил он.

— По ее словам, мне его завещала Мэри Хофстеттлер.

Мне хотелось убедиться, что Хоувелл знает: я приняла кольцо не в качестве взятки. Именно так он и решил, увидев в моей руке бархатную коробочку, заведомо принадлежащую его матери.

— Почему ваши родители захотели, чтобы я к ним приехала?

— Я не могу об этом говорить, — натянуто ответил он. — Но Бобо сказал, что я должен заверить вас — он ни о чем не знал.

Мы оба явно были рады закончить этот разговор.

Я подумала о странном вечере на Партридж-роуд, о большом белом доме, о крошечной старушке. Я надеялась, что Арнита Уинтроп тогда не знала, чем занимается ее муж, что она и впрямь была такой доброй женщиной, какой казалась. Может, почтенная дама рассудила, что я заслуживаю вещественной благодарности за то, что была подругой Мэри, потому и отдала мне свое старое кольцо, выдав его за посмертный подарок. Или ее мужу было любопытно на меня взглянуть, и он попросил придумать способ, как меня заманить в их дом.

Той ночью в кустах я заметила Джека. Он в конце концов признался мне в этом. Его попросили при любом удобном случае следить за теми, кто является на Партридж-роуд. Он пришел на похороны Мэри, чтобы хорошенько рассмотреть старших Уинтропов, поскольку не было другой подходящей возможности с ними встретиться.

Лидс попал в газеты — и штата, и общенациональные. На некоторое время он стал чем-то вроде героя. Это пошло на пользу его бизнесу.

Он был жестоко изранен, а едва подлечившись, уехал в Литтл-Рок. Я чувствовала, что он испытывает облегчение, отдалившись от места и времени своего испытания. Над ним взяли верх, связали и пытали. Джек сумел в какой-то степени вернуть себе самоуважение и достоинство, победив Джима и Дарси. Но я не сомневалась в том, что он переживает плохие ночи, лишился уверенности в себе. Кто мог знать это лучше меня?

Проходили дни, и я начала проникаться ужасным убеждением, что Джек списал меня как часть пережитого. Иногда я испытывала острую муку, злилась, но не могла вернуться к своей прежней отчужденности.

Я уже три недели снова работала и неделю тренировалась в «Телу время», когда по возвращении домой обнаружила на подъездной дороге машину Джека. Он привез цветы — букет побольше, чем присланный Клодом, — и какой-то подарок, украшенный огромным розовым сетчатым бантом.

При виде Джека я почувствовала прилив радости. Неделями я представляла себе этот миг и вдруг поняла: не знаю, что ему сказать.

— Это мне? — спросила я, показав на цветы.

— Господи, — сказал он, покачивая головой и улыбаясь. — Если ты по-прежнему та Лили Бард, которая без предупреждения ударила меня в этом дверном проеме, тогда цветы и вправду для тебя.

— Хочешь, чтобы я сделала это снова? Просто чтобы удостовериться свою личность?

— Нет, благодарю, мэм.

Я отперла дверь, и Джек следом за мной вошел в дом. Я взяла у него цветы и зашагала по коридору.

— Куда ты их несешь? — спросил он с интересом.

— В спальню.

— Итак... ты позволишь разделить с тобой радость восхищения этими цветами?

— Полагаю, да. Зависит от того, насколько хорошо ты будешь нынче вечером себя вести. Думаю, ты принес записку от доктора, чтобы доказать, что способен проявлять... активность.

— Какие мы нынче вечером игривые, мисс Бард. Какие мы расслабленные и... прямо все такие «у меня нормальное свидание».

— Натяжка, — ответила я. — Но натяжку, как и растяжку, я переживу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Споттер — тот, кто подстраховывает спортсмена во время выполнения упражнений, например в гимнастике, тяжелой атлетике. *(Здесь и далее прим. перев.)*

«Бьюик скайларк» — двухдверный автомобиль с открытым верхом.

«Камаро» — популярный полуспортивный двухдверный автомобиль отделения «Шевроле» корпорации «Дженерал моторс».

«Нью беланс» — компания по производству спортивной обуви и одежды, основана в США в 1906 году. Имеет сеть магазинов во многих странах мира.

Динозавр Барни — малиновый дружелюбный герой детского телешоу «Барни и его друзья».

«Уол-март» — сеть однотипных универсальных магазинов, где продаются товары по ценам ниже средних.

Римская скамья — тренажер для упражнений на пресс.

Когэн-гэри — удар ногой в пах.

Салли Хемингс (ок. 1773–1835) — рабыня-квартиронка, горничная, гувернантка и тайная любовница американского президента Томаса Джефферсона. Согласно результатам исследования ДНК, по меньшей мере один ее ребенок был от Томаса Джефферсона. Личность Салли получила скандальную известность в американской прессе и особенно в белой консервативной среде, отказывающейся верить в произошедшее. По мотивам истории их взаимоотношений написаны книги и сняты фильмы.

Организация спрятанных детей создана людьми, пережившими холокост, которых укрывали в нееврейских семьях. Ее цель — разыскать всех таких детей.

«Здоровый выбор» — компания, специализирующаяся на продаже полезных для здоровья замороженных продуктов с годовым товарооборотом до 1,5 млрд. долларов.

«Дакс анлимитед» — частная организация охотников США и Канады, занимающаяся охраной болот и водоплавающей дичи.

Ги — форма для занятий боевыми искусствами, состоящая из свободных штанов, куртки с запахом и пояса. В русскоязычной терминологии чаще называется кимоно, что не совсем верно, так как у кимоно нет штанов.

Шико-дачи — боевая стойка с низко опущенными бедрами.

Санчин-дачи — стойка «песочных часов».

Джодан-укэ — верхний блок предплечьем.

Кихон — отработка приемов без партнера.

«Клерол» — товарный знак средств ухода за волосами.

Мувиплекс — круглосуточный кинотеатр с несколькими залами.

«Король бургеров» — вторая по величине в мире сеть ресторанов быстрого питания.

«Конверсы» — знаменитые кеды фирмы «Конверс», основанной в 1908 г.

«Лендс-энд» — сеть магазинов в Америке и Канаде, торгующих одеждой, товарами для дома и путешествий.

«Свисти, пока работаешь» — песня из мультфильма Диснея «Белоснежка и семь гномов», музыка Фрэнка Черчилла, слова Ларри Мореля.

Связывание бычка — один из основных видов состязаний на родео, в ходе которого ковбой, сидящий на лошади, должен заарканить бычка, свалить его и связать вместе три ноги.

AME — Африканская методистская епископальная церковь. Основана в 1816 г. преподобным Ричардом Алленом в Филадельфии.

ХБО (Хоум бокс офис) — платный кабельный канал, транслирующий фильмы, сериалы и спортивные матчи.

Засидка — площадка, которую устанавливают на дереве; на ней во время охоты охотник поджидает дичь.

Сэйкэн-цуки — удар кулаком.

Шапка вахтенного — шерстяная шапка синего цвета, которую носят в холодную погоду военнослужащие ВМС США.

«Госпиталь МЭШ» — комедийный сериал о госпитале времен Корейской войны.

«Микелоб» — товарный знак пива фирмы «Анхьюзер-Буш», г. Сент-Луис, штат Миссури.

«Доктор Пеппер» — тонизирующий газированный напиток.

АТО (Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives) — Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Является специализированным федеральным агентством Департамента юстиции Соединенных Штатов. В его обязанности входит расследование и профилактика правонарушений, связанных с незаконным использованием, производством и хранением огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, актов поджогов и взрывов, а также с незаконным оборотом алкоголя и табачной продукции.